

С. А. Зелинский

Анализ массовых манипуляций в России

**Анализ задействования манипулятивных методик
управления массами в исследовании деструктивности
современной эпохи на примере России.
Психоаналитический подход**

■
Научные рецензенты:

Нагавкина Людмила Серафимовна,
кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой
социально-педагогического образования
Санкт-Петербургской академии
постдипломного педагогического образования

Фирсов Сергей Львович,
доктор исторических наук, профессор СПбГУ

**СКИФИЯ
Санкт-Петербург
2008**

Серия «Теории манипулирования массами»

Научные рецензенты:

Нагавкина Людмила Серафимовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-педагогического образования

Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ

С. А. Зелинский **Анализ массовых манипуляций в России**

С. А. Зелинский.

Ф31 Анализ массовых манипуляций в России. Анализ задеирования манипулятивных методик управления массами в исследовании деструктивности современной эпохи на примере России. Психоаналитический подход. — Спб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. — 280 с.

ISBN 978-5-903463-10-7

Данная монография посвящена актуальнейшему социально-психологическому явлению как в развитии всей истории человечества, так и в современной исторической ситуации, когда на фоне глобализации все исторические и геополитические процессы ускоряются в десятки раз. Этим объектом научного анализа является манипулирование психикой в целях управления обществом со стороны власти. Сама власть, ее интересы и мотивация также становятся объектом исследования данной работы.

ББК 88.4

ISBN 978-5-903463-10-7

© ИТД «СКИФИЯ», 2008

© Зелинский С. А., 2008

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

«Для ученого советская система и то, что стало происходить потом, что происходит сейчас, — это рай. Все процессы обнажены, нужно только смотреть с открытыми глазами, с определенным поворотом мозгов. Все обнажено, все ясно, очевидно, ничто пока не прячется. Пройдет еще немного времени, и все спрячут, отлакируют, и потребуются еще десятки или даже сотни лет, чтобы делать те открытия, которые я сейчас называю банальными».

А. А. Зиновьев

Оглавление

Часть 1

1. Вступление. Общий анализ проблемы
2. Схемы манипулирования
  - 2.1. Страх как пример задействования базового инстинкта
  - 2.2. Провоцирование психики как форма эффективного манипулирования
  - 2.3. Невроз как основа подчинения
3. Концептуальная предрасположенность масс к манипулированию
4. Способы и методы подавления психики трудящихся масс
5. Знание законов коллективного бессознательного (воздействие на архетипы) на службе манипуляторов
6. Кодировка психики масс как форма манипулятивного воздействия
7. Формы и методы управления государством. Тоталитаризм или демократия
8. Скрытость манипулятивных методик в воздействии на психику индивида (массы)
9. Историческая предрасположенность современной России (как правопреемницы бывшего Советского Союза) к манипулированию. Революция 1917 г. как форма неизбежности смены правящего строя
10. Стремление индивидов к сосредоточению в массы как изначальная предрасположенность к манипулированию
11. Психоанализ как эффективная методика манипулирования. Модель психики по Фрейду

Часть 2

12. Тайные желания индивида
  - 12.1 Необузданность инстинктов
  - 12.2 Принцип удовольствия
13. Современные средства манипулирования
  - 13.1. Телевидение
  - 13.2. Манипулирование посредством СМИ (краткий обзор)
14. Законы массовой психологии на службе манипуляторов
  - 14.1. Внушение и заразительность

- 14.2. Влюбленность и либидо
- 14.3. Толпа и масса
- 14.4. Идентификация как предпосылка подчинения
- 14.5. Гипноз
- 15. Архетипическая составляющая массообразования. (Масса как первобытная орда).

Часть 3

- 16. Идеологическая обработка как неотъемлемая форма успешного управления (манипулирования) массами
- 17. Современная Россия. Фактор приверженности страны к использованию манипулятивных методик
- 18. Современная ситуация. Следствие и анализ действительности
- 19. Список использованных источников

Часть 1

1. Вступление. Общий анализ проблемы

Ситуация, сложившаяся в современной России, привносит немало вопросов в умы интеллектуалов, вынужденных наблюдать за перипетиями судьбы отчизны. Действительно, Россия являет ярчайший пример последствий происходивших преобразований. Только в прошлом, XX веке на долю нашей страны выпало множество различных испытаний, которые она, конечно же, выдержала (а если страна сохранила свой язык и территориальную целостность, то уже можно говорить, что так). Но и при этом следует заметить, что любые испытания закаляют характер как отдельного индивида, так и всей страны в целом. Как, впрочем, и являются материалом для многочисленных исследований, что вполне понятно и оправданно. Ведь даже за прошедшие сто лет (с момента первой революции и до сегодняшнего дня) по числу произошедших событий и последовавших изменений, связанных с воздействием на подсознание путем изменения идеологической составляющей, наша страна вполне уверенно выбивается в лидеры.

Однако рассмотрим последние несколько десятилетий. В исследовании которых, впрочем, мы совсем не можем отказаться от некоторых экскурсов и в историю.

Советская власть, просуществовавшая чуть более 70 лет, наметила определенную составляющую коллективного бессознательного индивидов, населявших некогда великую державу. При этом стало наблюдаться, по мнению современного российского ученого В. Медведева, высказанному в работе «Анализ структур коллективного бессознательного современного российского общества применительно к институту президентской власти»¹. «Весьма болезненное расслоение психики, типичное для человека переходной эпохи, вынужденного ломать традиционные модели поведения и формы их личностного обоснования. Ценности и идеалы, нормы поведения и идеологические иллюзии отходящей эпохи не могут быть просто отброшены и заменены чем-то новым. Их появление в сфере глубинных мотиваций было далеко не случайным, они эмоционально нагружены опытом наших ранних детских пережива-

---

1 www.vapp.ru

ний, связаны с вхождением в этот мир через идентификацию с родителями, через уподобление им. Отказ от непосредственного воспроизведения данных поведенческих стереотипов, вынужденное их вытеснение в область личного бессознательного, куда человек обычно отбрасывает все неприемлемые для современной культуры мысли, побуждения и эмоции, порождает тяжелейший неврозогенный психологический конфликт. Сегодняшняя социально-психологическая ситуация предъявляет россиянину практически невыполнимое требование — отказаться от мира своего собственного детства, мира по-своему прекрасного, гармоничного и целостного, но всем своим содержанием (от детских сказок типа "Золотого ключика" до пионерской ритуалистики) альтернативного требованиям изменившейся культуры.

Последствиями такого принудительного предательства родительской культуры (или же, говоря психоаналитическими терминами, "греха отцеубийства") на уровне личности выступают повышенная тревожность, склонность к истерическим реакциям и паническим состояниям, а на общественном уровне — неустойчивость тенденций социальной динамики, непредсказуемость всплесков массовой деструктивности и податливость массового сознания различного рода маниакальным "измам". Российское общество страдает социально-психологическим расстройством, описанным еще основоположником психоанализа Зигмундом Фрейдом, — разрушена преемственность воспроизводства "Сверх-Я" культурного сообщества; т.е. запреты и нормы сложившегося нового общественного устройства, не пропущенные у данного поколения россиян через культуру детства, а, напротив, альтернативные ей, теряют личностный характер и становятся чем-то навязываемым извне, чуждым и раздражающим... Тот вариант имперского мифа, в рамках которого осуществлялось в XX веке саморегулирование социальной системы в России на протяжении жизни не менее трех поколений (с конца 20-х годов вплоть до августа 1991 года), представляет собой довольно-таки типичное идеологическое образование, поддерживающее стабильность в обществах, в силу ряда обстоятельств не имевших возможности выдержать режим формирования собственной национальной государственности (по отношению к современной России данный режим будет проанализирован ниже). Данный

тип социальной мифологии востребуется коллективным бессознательным общества в ситуации кризиса, возникающего в ходе построения национальной модели государственности и связанного с детским страхом одиночества, противопоставления себя через национальную идею всему остальному миру. Страх неизбежно порождает агрессивность, а бегство от пугающей отстраненности от других стран неизбежно приводит к идентификации с ними, к стремлению воссоединиться с ними в некую целостность. Таков социально-психологический источник всех форм имперской идеологии». Далее Медведев дает характеристику имперского мифа: «Имперский миф характеризуется следующими особенностями:

а) в отличие от национального мифа, консолидирующего людей на основании общего прошлого, исторической традиции, он создается вокруг общего будущего, некоей футурологической модели, подлежащей реализации. Ориентация на временную перспективу порождает особую форму идеологии — миф о грядущем всеобщем счастье, требующий от отдельного человека терпения и жертвенности;

б) имперский миф всегда глобален, пределы его территориальной и идеологической экспансии ограничиваются лишь рамками земного шара, а зачастую выходят и за его пределы (вспомним хотя бы весьма характерное и дорогостоящее соперничество двух великих имперских проектов XX века за право быть первыми на Луне). Глобальность притязаний имперского типа социального устройства определяет и особую сконцентрированность любых форм лично мотивированной активности на достижении общей цели. Обоснование подобной "одномерности" поведенческих проявлений отдельного человека называется имперской идеей, которая легко выводит его из-под влияния семейных, профессиональных, территориально-групповых и национальных ограничений;

в) наличие имперского мифа (характерными, хоть зачастую и атавистическими признаками которого выступают глобусы и птичья символика в государственных гербах) демонстрирует нам текучесть, неустойчивость социума, неустойчивый характер всех его институтов. Долгие годы, пожалуй, даже столетия символика римских орлов и серпа и молота на фоне земного шара позволяла России экономить на всем "излишнем" типа собственной национальной идеи и собственной

национальной государственности. Быть "русским" означало присоединиться к великому походу "из варяг в греки", и изначально среди дружинников Ольгерда, Игоря и Святослава, штурмовавших Царьград и взимавших дань с подвластного им оседлого населения, славян было ничтожное меньшинство. И даже много столетий спустя цвет русского народа (но отнюдь не нации!), его дворянство, строило свои генеалогии исключительно по принципу поиска того, на каком этапе истории их предок — литвин, татарин, шотландский наемник или же эфиопский пленник — прикнуд к очередному российскому имперскому проекту;

г) имперский миф вызывает в особого типа семейной среде, даже точнее сказать — вне семейной среды, в атмосфере демонстрируемой нелюбви (материнской депривации) и фрустрированности, т.е. отказа в удовлетворении первичных жизненных потребностей ребенка. Именно имперское общество породило такое калечащее психику человека, но крайне необходимое для воспроизведения требуемых от личности сверхкомпенсаторной активности и мазохистской жертвенности социальное изобретение, как детские ясли и детские сады. Подробный анализ символики детства человека имперской советской ментальности (сказок, игр, ритуалов детской и подростковой субкультуры), проведенный автором, позволяет выделить следующие характерные особенности культуры детства человека имперского типа:

а) установка на "неистинность отцов". Культивирование ситуации искусственного сиротства порождает психическую неуравновешенность, сверхнапряжение постоянного стремления компенсировать данный пробел поиском идеального Родителя и максимальной жертвенностью при служении связанной с его именем имперской идее. Архетип сиротства, который в условиях функционирования национального мифа становится для ребенка средством идентификации, сращивания со своей национальной принадлежностью, восприятия ее в качестве условия личности, у человека с имперским типом детства становится поводом уклониться от идентификаций на групповом и национальном уровнях;

б) негативный Эдипов комплекс. Стимулированная культурой детства невозможность самоотождествления себя с родителем своего пола приводит человека имперской культуры к разрушению традиционной модели семьи и досуга, порождает серьезные проблемы в сексуальной сфере, но зато придает не-

виданный размах сублимационной активности. Для человека, выросшего в культуре имперского мифа, психологически комфортными являются все альтернативные семье социальные образования (от трудовых и воинских коллективов до маргинальных и криминальных сообществ), поскольку негативно пережитая в детстве Эдипова ситуация порождает устойчивую тенденцию "бегства из семьи", становящейся "ячейкой общества", т.е. источником поддерживающей социальность тревожности;

в) Чрезмерная доза прямого устрашения в культуре детства (начиная со знаменитого: "...Придет серенький Волчок, и ухватит за бочок, и утащит во лесок...") и ориентация на агрессивность как средство снятия фобийности. Именно из данного источника вырастает типичное для имперской личности восприятие насилия как обыденной формы социального воздействия и нормы межличностной коммуникации. Поэтому, будучи объединены в массу (на митингах, демонстрациях, съездах и пр.), люди, выросшие под эгидой имперского мифа, востребуют ритуалы нагнетания агрессивности, направленной на созданный идеологией образ Врага, и устрашающие символы (типа серпа и молота, красного знамени, или же бюста жертвенного агнца-Ильича на фоне кровавой плюшевой скатерти), возвращающие каждого из них в атмосферу собственного детства».

«Имперский миф психологически чрезвычайно комфортен, — продолжает Медведев в своем исследовании, — несет в себе возможность избегания мучительного выбора модели личной самоидентификации, групповой конфронтационной дихотомии по принципу "мы и они", дает ощущение осмысленности и важности любых личных жертв во имя сохранения государственности и систем надличностного властвования. В рамках этого мифа человек легко социализируется, безболезненно входит в состояние "винтика" — функциональной принадлежности системы внешних ему социальных структур, не зависит от сдерживающих социальную динамику групповых и национальных традиций».

Далее Владимир Медведев приводит возможные варианты краха имперского мифа, а также перечисляет основные черты национального мифа, приходящего на смену имперскому:

«Но вечно это компенсаторное социально-психологическое состояние продолжаться не в состоянии, — отмечает ученый. — Крах имперского мифа неизбежно происходит по следующим причинам:

а) прохождение оптимума культурной и территориальной экспансии, что неизбежно приводит к чрезмерной унификации имперской идеи и формализации имперской идеологии;

б) потеря вследствие вышесказанного привлекательности имперского мифа для тех подданных империи, которые в силу тех или иных причин сохранили навыки групповой идентификации и механизмы взросления, опирающиеся на миф неполитического характера (чаще всего — национально-религиозный);

в) провал лежащего в основании мифа футурологического прогноза, наличие которого и делает имперский принцип организации общества изначально уязвимым, в отличие от национального, опирающегося на уже случившееся, хотя и часто переписываемое прошлое. Провал этот рано или поздно демонстрирует личности иллюзорность имперской идеологии и принципиальную нереализуемость имперской идеи. Согласно основному закону манипулирования массой людей, эффективность любой имперской идеи обеспечивается футурологическим прогнозом, соотносимым по времени с периодом смены одного поколения другим. И если для первого имперского поколения отказ от имперской идеи невозможен, ибо означает лишение смысла собственной жизни как совокупности обоснованных ею лишений и жертв, то второе, хотя и воспитанное в имперской культуре детства, уже чувствует психологический дискомфорт иотреагирует на возникающую тревожность модификациями имперской идеологии (типа хрущевской “оттепели” и горбачевской “перестройки”). Третье же поколение, войдя в активный возраст, отторгает имперскую модель как полностью необоснованную. Таков механизм смерти социальных мифов, и потому период продуктивности любого имперского проекта сопоставим с продолжительностью жизни отдельного человека; он не может превысить интервал социальной активности трех человеческих поколений, т.е. 60 — 75 лет;

д) непосредственным поводом для краха имперского мифа в истории всегда было полное истощение (как экономическое,

так и психологическое) общества, наступающее вследствие реализованного или же постоянно готовящегося агрессивного импульса.

В советской России имперский социалистический миф, и так уже носивший надрывный, возвратный характер, являвшийся вынужденным наследником когда-то гремевших норманнского, византийского, великоордынского, панславянского и коминтерновского проектов, явно истощился уже к началу 70-х годов. Осознание этого породило альтернативные имперские идеи, в частности, различного рода вариации "русской идеи" с сохранением имперской идеологии. Одной из самых ярких неоимперских моделей стала теория этногенеза Л. Н. Гумилева, которая попыталась восстановить традиционный тренд Империи на Восток. Усилиями отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и лично т. А. Н. Яковлева данные попытки реанимации имперского мифа были пресечены на корню, что объективно приблизило наступление периода "перестройки", т.е. вступления российского общества в период распада имперской структуры государственности и кризиса соответствующего ей типа психологии людей.

Результатом подобного рода распада в истории всегда было появление на территории бывшей империи ряда национально ориентированных государственных образований. На основе же имперского типа личности, т.е. фактически — душевного калеки, лишённого ряда подлинно человеческих качеств, связанных с групповыми формами самоидентификации, — постепенно, через реанимацию семейной религиозности и структур гражданского общества, в противовес подданному формировался гражданин.

Можно даже попытаться перечислить основные отличительные черты национального мифа, естественным образом сменяющего миф имперский, и того типа личности, на который он ориентирован:

а) устойчивый приоритет интересов более или менее многочисленной группы людей, связанной единым языком, территорией и исторической традицией, перед любыми другими групповыми и межгосударственными интересами;

б) стабильность элиты и ориентация взаимоотношений "элита — масса" на традиционную патерналистскую модель властвования, опирающуюся на естественные для любого человека семейные роли и религиозно-культурную традицию.

в) воспитание человека в семье в системе устойчивых моделей идентификации, что порождает личность хотя и менее творческую (т.е. невротичную), но зато более защищенную от болезненных последствий невротической тревожности».

2. Схемы манипулирования

2.1. Страх как пример задействования базового инстинкта

По нашему мнению, вполне определенно следует говорить, что и тогда, и сейчас главным достижением в управлении массами являлась идеология, базирующаяся на механизмах управления (манипулирования) массами. Причем после смены правящего строя (и концептуальной смены курса) направленность идеологической составляющей поменялась, а идеи, принципы и методы в целом остались схожими. Разве что несколько изменилась форма манипулятивного воздействия, связанная с ростом коммуникационных технологий. Телевидение, радио и интернет теперь подчинены общему курсу правящего режима. Причем уже можно говорить, что в последующем так будет всегда, независимо от того режима, который придет на смену ныне существующему. Никто не будет добровольно отказываться от возможностей, связанных с ростом глобализации. Хотя, как известно из истории, власть всегда находит, как использовать достижения науки, имеющиеся на тот момент. Например, во времена Гитлера не было высоко развитых технологий, имеющихся сейчас. И тем не менее, за вождем нации шли миллионы немцев. Не только искренне, но фанатично преданных ему.

Вообще же любопытно, что в так называемом тоталитарном обществе механизмы воздействия на подсознание масс с целью управления не только весьма тонко отлажены, но и в какой-то мере значительно эффективнее иных методик управления (даже связанных с так называемыми высокими технологиями). Причем управление в данном случае строится весьма просто: 1) идет инсценирование страха (страх один из самых мощных блокираторов нервной системы; при страхе получаемая информация достаточно легко откладывается в подсознание, а значит, выходит на первый план суггестия — как про-

граммирование масс с целью выполнения установок правящей элиты); 2) происходит управление с помощью страха. Страх в данном случае может быть весьма различен и всеобъемлющ. Это и т. н. глобальный страх, страх в результате внешней угрозы со стороны каких-либо государств. Это и страх каждого индивида за свою жизнь (вероятность возможного ареста, расстрела и проч.).

Управление массами с помощью страха действительно по-своему интересно и очень эффективно. При наступлении страха у индивида блокируется центральная нервная система. Все иные проблемы, существовавшие до нынешнего времени, отходят на второй план, а то и вовсе исчезают. Какие-либо желания (голод, жажда, секс, проч.) тоже исчезают. Сознание индивида занято исключительно поиском способов защиты от страха. И поэтому, когда появляется некая сила, способная защитить, индивиды, подверженные страху, с легкостью готовы принять любые условия в обмен на защиту. Отталкиваясь от психоанализа Фрейда, можно провести аналогию с детьми и родителями (строгой матерью или строгим отцом). В данном случае ребенок готов выполнить любые условия, выдвигаемые строгим родителем, только для того, чтобы на него не была направлена агрессия такого родителя. (Тут же хотелось бы заметить, что некоторые родители, испытывающие какие-либо внутриличностные проблемы, зачастую бессознательно отыгрывают на детях свои деструктивные эмоциональные проблемы, что в иных случаях негативно сказывается на детях.) И в случае государства в целом работает тот же механизм, та же схема. Идет какая-либо внешняя угроза. Отец (вождь, канцлер, генеральный секретарь, президент...) выступает защитником интересов трудящихся. И словно бы в обмен на это, народ, забыв про какую-либо индивидуальность, бросается в объятия к защитнику своих интересов, искренне доверяя свою жизнь и тем самым избавляясь от собственных мучений и страданий. У отдельного индивида (и в целом у индивидов, объединенных в массы) проходит беспокойство, какие-либо невротические и депрессивные состояния. Наступает состояние внутреннего успокоения, нравственной удовлетворенности. Что весьма ощутимо сказывается на его (их) благосклонном восприятии власти. А власть в последующем достаточно свободно реализует с помощью подобных индивидов, объединенных в

массы, какие-либо свои цели, претворяя в жизнь собственные решения, состоящие иной раз в отыгрывании внутриличностных проблем того или иного руководителя. Ведь власть и на самом деле завораживает. И помогает избавляться от комплексов и проблем, таившихся в подсознании. А с помощью страха, проецируемого на окружающих, возможно решить практически любые проблемы. Вот почему тот, кто стал руководителем (независимо от масштаба), кто получил возможность воздействовать на какую-либо группу (массу) индивидов, — уже ни за что добровольно не уйдет со своего поста, лишившись возможности управления с помощью подчинения. А если его и переведут с одной работы — он обязательно должен найти другую. Иначе возможно развитие совсем ненужной симптоматики психических заболеваний и вообще — болезни личности (души).

«...Отдельное эмоциональное побуждение и личный интеллектуальный акт индивида слишком слабы, чтобы проявиться отдельно, и должны непременно дожидаться заверки подобным повторением со стороны других, — писал З. Фрейд в своей программной работе "Психология масс и анализ человеческого Я"². — Вспомним, сколько этих феноменов зависимости входит в нормальную конституцию человеческого общества, как мало в нем оригинальности и личного мужества и насколько каждый отдельный индивид находится во власти установок массовой души, проявляющихся в расовых особенностях, сословных предрассудках, общественном мнении и т. п. Загадка суггестивного влияния разрастается, если признать, что это влияние исходит не только от вождя, но также и от каждого индивида на каждого другого индивида, и мы упрекаем себя, что односторонне выделили отношение к вождю, незаслуженно отодвинув на задний план другой фактор взаимного внушения. Научаясь таким образом скромности, мы прислушаемся к другому голосу, обещающему нам объяснение на более простых основах...».

Страх вообще универсальное (и едва ли не самое эффективное) средство управления массами. Как известно, страх относится к базовым инстинктам. Это то, что практически не поддается управлению. Что возникает порой хаотично, неза-

висимо от какого-то желания индивида. Как отмечал Фрейд в 25-й лекции по «Введению в психоанализ»³: «нервнобольные испытывают страх в гораздо большей степени, чем другие». Но ведь суть манипулирования как раз и заключается в том, чтобы любого индивида воспринимать как невротика. По большому счету, это и есть так. У каждого из нас есть определенные механизмы, воздействие на которые может приводить к образованию невроза (какой-либо из многочисленных форм невроза), а уже отсюда — к возможности управления индивидом (посредством вызывания невротичности). Как временная защита — ступор. Это не шизофренический ступор, вызванный своеобразным психическим заболеванием. В нашем случае как раз стоит говорить об образовании определенного промежутка времени, за который психика индивида должна привыкнуть к новой ситуации, проанализировать ее и найти верное решение. В данном случае практически одинаково действует психика и больного, и здорового человека. (Притом что абсолютно здоровых людей единицы. Да и зачастую это никакое не здоровье, а управление своими эмоциями. Так же, как на детекторе лжи опытные разведчики или психиатры способны инсценировать нужные им эмоции, фактически обманывая установку и не выдавая истинного состояния души.)

«...Проблема страха — узловой пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, — отмечал Фрейд⁴. — ...О страхе можно много рассуждать, вообще не упоминая нервозности. Вы меня сразу поймете, если такой страх я назову реальным в противоположность невротическому. Реальный страх является для нас чем-то вполне рациональным и понятным. О нем мы скажем, что он представляет собой реакцию на восприятие внешней опасности, т. е. ожидаемого, предполагаемого повреждения, связан с рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта самосохранения. По какому поводу, т. е. перед какими объектами и в каких ситуациях появляется страх, в большой мере, разумеется, зависит от состояния нашего знания и от ощущения собственной силы перед внешним миром. Мы находим совершенно понятным, что дикарь боится пушки и пугается солнечного затмения, в то время как белый человек, умеющий обращаться

3 www.psychol-ok.ru

4 Там же.

с этим орудием и предсказать данное событие, в этих условиях свободен от страха. В другой раз именно большее знание вызовет страх, так как оно позволяет заранее знать об опасности. Так, дикарь испугается следов в лесу, ничего не говорящих неосведомленному, но указывающих дикарю на близость хищного зверя, а опытный мореплаватель будет с ужасом рассматривать облачко на небе, кажущееся незначительным пассажиру, но предвещающее моряку приближение урагана.

Рассматривая природу страха, Фрейд отмечает, что страх практически нельзя назвать целесообразным. Ведь при возникновении какой-либо опасности зачастую самым разумным (по крайней мере, в дикой природе) является бегство. Тогда как случаи показывают обратное. Страх парализует жертву. «...Если страх чрезмерно силен, — продолжает Фрейд⁵, — то он крайне нецелесообразен, он парализует тогда любое действие, в том числе и бегство. Обычно реакция на опасность состоит из смеси аффекта страха и защитного действия. Испуганное животное боится и бежит, но целесообразным при этом является бегство, а не боязнь.

Итак, возникает искушение утверждать, что проявление страха никогда не является чем-то целесообразным. Может быть, лучшему пониманию поможет более тщательный анализ ситуации страха. Первым в ней является готовность к опасности, выражающаяся в повышенном сенсорном внимании и моторном напряжении. Эту готовность ожидания следует, не задумываясь, признать большим преимуществом, ее же отсутствие может привести к серьезным последствиям. Из нее исходит, с одной стороны, моторное действие, сначала бегство, на более высокой ступени деятельная защита, с другой стороны, то, что мы ощущаем как состояние страха. Чем больше развитие страха ограничивается только подготовкой, только сигналом, тем беспрепятственней совершается переход готовности к страху в действие, тем целесообразней протекает весь процесс. Поэтому в том, что мы называем страхом, готовность к страху (*Angstbereitschaft*) кажется мне целесообразной, развитие же страха — нецелесообразным».

В какой-то мере в данной работе можно совсем не рассматривать многочисленные невротические страхи, так мучавшие психически больных людей. Однако, на наш взгляд,

стоит хотя бы вскользь упомянуть о тех формах страха, которые свойственны индивидам в пограничных состояниях, когда вы словно бы стоите на распутье, не зная, что произойдет в следующий момент: поглотит вас симптоматика невроза или отпустит.

Интересны для нашего исследования такие формы проявления страха как раз по причине искусственного вызывания их при манипулятивном воздействии. Когда словом, жестом, каким-либо знаком в индивиде (или в индивидах, заключенных в массы) вызывается (провоцируется) беспокойство. И для избавления от формы беспокойства подобный индивид должен выполнять установки (требования), выдвигаемые манипулятором. В противном случае возможны проявления невротизма от обсессивно-компульсивного невроза (невроза навязчивых состояний) до шизоидных состояний.

Прослеживая природу страха и отвечая на вопрос: «Какие формы проявления и отношения имеет страх у нервнобольных?», в 35-й «Лекции по Введению» в психоанализ, Фрейд отмечал⁶: «Во-первых, мы находим общую боязливость, так сказать, свободный страх, готовый привязаться к любому более или менее подходящему содержанию представления, оказывающий влияние на суждение, выбирающий ожидания, подстерегая любой случай, чтобы найти себе оправдание. Мы называем это состояние "страхом ожидания", или "боязливым ожиданием". Лица, страдающие этим страхом, всегда предвидят из всех возможностей самую страшную, считают любую случайность предвестником несчастья, используют любую неуверенность в дурном смысле. Склонность к такому ожиданию несчастья как черта характера встречается у многих людей, которых нельзя назвать больными, их считают слишком боязливыми или пессимистичными; но необычная степень страха ожидания всегда имеет отношение к нервному заболеванию, которое я назвал "неврозом страха" и причисляю к актуальным неврозам.

Вторая форма страха, в противоположность только что описанной, психически более связана и соединена с определенными объектами или ситуациями. Это страх в форме чрезвычайно многообразных и часто очень странных "фобий"... Некоторые из объектов и ситуаций, внушающих страх, и для

нас, нормальных людей, являются чем-то жутким, имеют отношение к опасности, и поэтому эти фобии кажутся нам понятными, хотя и преувеличенными по своей силе. Так, большинство из нас испытывает чувство отвращения при встрече со змеей. Фобия змей, можно сказать, общечеловеческая, и Ч. Дарвин очень ярко описал, как он не мог побороть страх перед приближающейся змеей, хотя знал, что защищен от нее толстым стеклом. Ко второй группе мы относим случаи, имеющие отношение к опасности, в которых, однако, мы привыкли не придавать ей значения и не выдвигать ее на первый план. Сюда относится большинство ситуативных фобий. Мы знаем, что при поездке по железной дороге возникает больше возможностей для несчастного случая, чем дома, а именно вероятность железнодорожного крушения; мы знаем также, что корабль может пойти ко дну, и при этом, как правило, люди тонут, но мы не думаем об этих опасностях и без страха путешествуем по железной дороге и по морю. Нельзя также отрицать возможность падения в реку, если мост рухнет в тот момент, когда его переходишь, но это случается так редко, что не принимается во внимание как опасность. И одиночество имеет свои опасности, и мы избегаем его при известных обстоятельствах; но не может быть и речи о том, чтобы мы не могли его вынести при каких-то условиях и всего лишь на некоторое время. То же самое относится к человеческой толпе, закрытому помещению, грозе и т. п. Что нас поражает в этих фобиях невротиков, так это вообще не столько их содержание, сколько интенсивность. Страх фобий прямо неопишем! И иной раз у нас складывается впечатление, будто невротики боятся вовсе не тех вещей и ситуаций, которые при известных обстоятельствах и у нас могут вызвать страх, а тех, которые они называют теми же именами.

Остается третья группа фобий, которые мы вообще не можем понять. Если крепкий взрослый мужчина не может от страха перейти улицу или площадь хорошо ему знакомого родного города, если здоровая, хорошо развитая женщина впадает в бессознательный страх, потому что кошка коснулась края ее платья или через комнату прошмыгнула мышь, то какую же мы можем здесь установить связь с опасностью, которая, очевидно, все-таки существует для страдающих фобиями? В относящихся сюда случаях фобии животных не может быть

и речи об общечеловеческих антипатиях, потому что, как бы для демонстрации противоположного, встречается множество людей, которые не могут пройти мимо кошки, чтобы не помянуть ее и не погладить. Мышь, которую так боятся женщины, в то же время служит лучшим ласкательным именем; иная девушка, с удовольствием слушая, как ее называет так любимый, с ужасом вскрикивает, когда видит милое маленькое существо с этим именем. В отношении мужчины, страдающего страхом улиц или площадей, мы можем дать единственное объяснение: что он ведет себя, как маленький ребенок. Благодаря воспитанию, ребенка непосредственно приучают избегать таких опасных ситуаций, и наш агорафобик действительно освобождается от страха, если его кто-нибудь сопровождает при переходе через площадь.

Обе описанные здесь формы страха, свободный страх ожидания и страх, связанный с фобиями, независимы друг от друга.

Один не является более высокой ступенью развития другого, они встречаются вместе только в виде исключения, и то как бы случайно. Самая сильная общая боязливость не обязательно проявляется в фобиях; лица, вся жизнь которых ограничена агорафобией, могут быть совершенно свободны от пессимистического страха ожидания. Некоторые фобии, например страх площадей, страх перед железной дорогой, приобретаются, бесспорно, лишь в зрелые годы, другие, как страх перед темнотой, грозой, животными, по-видимому, существовали с самого начала. Страхи первого рода похожи на тяжелые болезни; последние кажутся скорее странностями, капризами. У того, кто обнаруживает эти последние, как правило, можно предположить и другие, аналогичные. Должен прибавить, что все эти фобии мы относим к истерии страха, т. е. рассматриваем их как заболевание, родственное известной конверсионной истерии.

Третья из форм невротического страха ставит нас перед той загадкой, что мы полностью теряем из виду связь между страхом и угрожающей опасностью. Этот страх появляется, например, при истерии, сопровождая истерические симптомы, или в любых условиях возбуждения, когда мы, правда, могли бы ожидать аффективных проявлений, но только не аффекта страха, или в виде приступа свободного страха, не-

зависимого от каких-либо условий и одинаково непонятного как для нас, так и для больного. О какой-то опасности и каком-то поводе, который мог бы быть раздут до нее преувеличением, вовсе не может быть речи. Во время этих спонтанных приступов мы узнаем, что комплекс, называемый нами состоянием страха, способен расколоться на части. Весь припадок может быть представлен отдельным, интенсивно выраженным симптомом — дрожью, головокружением, сердцебиением, одышкой, — а обычное чувство, по которому мы узнаем страх, — отсутствовать или быть неясным, и все же эти состояния, описанные нами как "эквиваленты страха", во всех клинических и этиологических отношениях можно приравнять к страху».

Безусловно, благодаря воздействию на индивида с целью провоцирования в нем чувства страха (так же, впрочем, как и чувства вины, и проч.), возможно решать запланированные задачи по вовлечению индивидов в процессы, необходимые власти (если предположить что власть в данном случае и выступает в роли манипулятора). При этом можно использовать различные варианты воздействия на индивида (эффективнее в данном случае является воздействие на индивидов, объединенных в массу). Причем, как заключающееся в откровенном провоцировании чувства страха, так и в более изысканных и изощренных вариантах. И в том, и в другом случае воздействие разыгрывается практически в беспрюирышном варианте.

К формам провоцирования (вызывания) страха можно также отнести как откровенное провоцирование страха смерти или получения увечий, так и более изощренное — лишение свободы или, при попадании в СИЗО, — угроза поместить неговорчивого подследственного в камеру пыток («пресс-хату») или в камеру к опущенным («петухам»). Такое воздействие чаще всего и проще, и эффективнее (как говорится, «дешево и сердито»). А по способам выполнения может быть тоже без излишних изысков. Например, неожиданный арест на улице и помещение в КПЗ (камеру предварительного заключения) или СИЗО (следственный изолятор, тюрьму) способно вызвать в неподготовленном индивиде (не профессиональном преступнике) состояние беспомощности, резкого возрастания внутренней тревожности, беспокойства и, в конечном итоге, всего того, что в данном случае вполне можно было бы определить

как страх. Потому как именно страх в данном случае будет выступать провокатором боязни того, что с индивидом может случиться нечто опасное. На вопрос, что такого опасного, большинство из тех, кто первый раз сталкивается с подобным, не ответит. В данном случае неким катализатором выступает ожидание опасности. То есть, если еще раз повторить, — ожидание страха. Ожидание, которое, воздействуя на психику индивида, способно забирать последние силы. Потому как организм, которому мозг не может дать должного количества информации для анализа действительности, попадает в некий ступор. Когда психика блокируется, наступает некая заторможенность реакций. Наступает чувство сродни ощущению усталости. А в состоянии усталости, утомленности, полусонном состоянии индивидом всегда легче управлять. Ведь психика не может так четко реагировать, как в состоянии четкого бодрствования, когда достаточно легко производится анализ ситуационной действительности. Мозг индивида способен отдавать приказы, а тело — их выполнять. Нет. В нашем случае это уже будет совсем не так. Не способен. Будет наблюдаться замедленность реакции, заторможенность. А значит, подобного индивида легче склонить к выполнению требований. Например, в обмен на свободу или значительное уменьшение срока (из СИЗО могут отпустить, например, под подписку о невыезде. А на суде реальный срок заменить условным. И прочее. При попадании на зону (в ИТУ — исправительно-трудовое учреждение, лагерь) могут быть поблажки по режиму в результате сотрудничества с «кумом»). До «подопытного» индивида доводится (хоть на сознательном, хоть на бессознательном уровне), что если он не пойдет на уступки следователя (СИЗО) или «хозяина» (зона), то к нему будут применены меры репрессивного воздействия. Причем как официальные (помещение в карцер за нарушение режима), так и неофициальные (от якобы случайного помещения в камеру к опущенным до инсценирования слухов о сотрудничестве данного лица с администрацией; ну или организация любой «подставы» с последующим обвинением в «крысятничестве»).

2.2. Провоцирование психики как форма эффективного манипулирования

Помимо вызывания (провоцирования) чувства страха в манипулятивном воздействии на подсознание масс с целью управления используется также ряд других постулатов теории Фрейда, теории глубинной психологии. И в данном случае все примерно схоже: происходит вызывание каких-либо фобийных состояний или невротических зависимостей с целью последующего воздействия на них в нужный период времени — для управления (подчинения) масс.

«...Следует, пожалуй, более подробно остановиться на природе этого феномена и его месте в структуре взаимосвязей "личность — общество — государство", — пишет В. Медведев⁷. — Исходной предпосылкой рассуждения о природе социальной мифологии является тот постулат психологической теории, что в основании любой навязчивой, т.е. не связанной с непосредственными жизненными интересами массовой деятельности людей лежит определенная тревожность, снимаемая данной формой деятельности как искупительным ритуалом. Первичным источником любой тревожности выступает наше раннее детство, а поводом для ее воспроизведения в нашем взрослом поведении является система символики, предъ-являемая нам окружающей культурой. Символ есть нечто, напоминающее нам о первичных, инфантильных переживаниях, а миф — это состояние аффективно окрашенного соответствия символики культуры и вытесненной памяти раннего детства, мира сказок и инфантильных фантазий».

2.3. Невроз как основа подчинения

Мы уже говорили о том, что большинство индивидов на самом деле желают подчиниться, желают делать работу (в более масштабном, геополитическом, плане — совершать поступки, думать и т. п.), которые фактически за них уже продумали. Обычному индивиду намного легче делать то, что за него уже решили другие. Ведь если совершать что-то придуманное самим, то это означает нести ответственность за это. А когда

7 www.vapp.ru

вы совершаете нечто, что желают большей частью другие, а для вас это, в общем-то, не составляет большого труда, не входит в противоречие с вашими нормами поведения, но вы понимаете, что, сделав подобное, в конечном итоге еще и окажете кому-либо услугу, — то почему бы и не совершить что-то подобное. Тем более не неся никакой ответственности.

И совершают. Многие, даже большинство индивидов, с легкостью выполняют то, необходимость совершения чего за них уже продумали другие. В этом случае они, по их мнению (бессознательно решая для себя подобное), не несут какую-то ответственность за это. А значит, для подобных индивидов уже значительно легче согласиться на выполнение того, на что они, в общем-то, были согласны и сами. Теперь перед ними словно бы открываются новые возможности. Цензура психики, некогда раньше мешавшая им, уходит. Границы тестирования реальности приоткрываются. А значит, по сути, многое становится возможным. Многое, если не все. И для большинства индивидов уже именно это порой становится самым главным. Ведь существующие в психике запреты (рождение многих из запретов продиктовано общей культурой среды, системой норм, запретов и ценностей, существующих в цивилизованном обществе) зачастую оказывают негативное влияние на индивида. Он словно бы чувствует себя загнанным в ловушку. Многое для него становится порой попросту невозможным. И все это зачастую при существующем желании именно достижения запретного.

Обычно то, что находится под запретом, бессознательно притягивает некоторых загадочно настроенных сограждан. Они вынуждены прилагать определенные усилия, стремясь не допустить совершения чего-то, что в итоге будет иметь для них свои негативные последствия. Когда же не только представляется возможность совершения чего-то подобного, но и такие индивиды понимают, что за это им, в общем-то, ничего не будет, — они смело бросаются в омут безобразий и человеческих пороков реализуя таким способом зачастую свои самые гнусные желания. После реализации которых у таких индивидов на непродолжительное время наступает гармония и единство тела и духа (что при обычных условиях в их случае весьма редко и практически недостижимо).

Ну и, кроме того, мы должны учитывать, что сознание (а уж тем более подсознание) обычного человека, за малым исключением, фактически не отличается от сознания невротика. В работе «О психоанализе» Фрейд писал⁸: «Позвольте мне здесь привести главный результат, к которому мы пришли на основании нашего психоаналитического исследования: неврозы не имеют какого-либо им только свойственного содержания, которого мы не могли бы найти и у здорового, или, как выразился К. Г. Юнг, невротика страдают теми же самыми комплексами, с которыми ведем борьбу и мы, здоровые люди. Все зависит от количественных отношений, от взаимоотношений борющихся сил, к чему приведет борьба: к здоровью, к неврозу или к компенсирующему высшему творчеству». А значит, согласно этим выводам, мы вполне можем предположить, что и само наше общество (да и вообще любое общество) нам следует рассматривать не только с позиции проявления невротизма, но и применять при анализе такого общества почти исключительно психоаналитический подход, как, на наш взгляд, наиболее проработанный в решении подобных вопросов.

Прежде всего нам необходимо проработать вопросы невротизма в целом и выяснить поведение невротика в частности.

Возникновение симптоматики невроза, по мнению Фрейда, это замещение какого-либо нереализованного желания. Чаще всего желание имеет какую-либо сексуальную подоплеку. «...Невротические симптомы... имеют смысл и находятся в интимном отношении к переживанию пациентов», — отмечал Фрейд в 17-й лекции по «Введению в психоанализ»⁹.

«Травматические неврозы носят явные признаки того, что в их основе лежит фиксация на моменте травмы, — отмечает Фрейд¹⁰ чуть ранее (в той же 17 лекции). — В своих сновидениях эти больные постоянно повторяют травматическую ситуацию; там, где встречаются истероподобные припадки, допускающие анализ, узнаешь, что припадок соответствует полному перенесению в эту ситуацию. Получается так, как будто эти больные не покончили с этой травматической ситуацией, как будто она стоит перед ними как неразрешенная актуальная

8 www.zigmund.ru

9 www.psychol-ok.ru

10 Там же.

проблема, и мы вполне серьезно соглашаемся с этим пониманием; оно показывает нам путь к экономическому, как мы называем, рассмотрению душевных процессов. Да, выражение "травматический" имеет только такой экономический смысл. Так мы называем переживание, которое в течение короткого времени приводит в душевной жизни к такому сильному увеличению раздражения, что освобождение от него или его нормальная переработка не удается, в результате чего могут наступить длительные нарушения в расходовании энергии.

Эта аналогия наводит нас на мысль назвать травматическими также те переживания, на которых, по-видимому, фиксированы наши нервнобольные. Таким образом, для объяснения возникновения невротического заболевания как бы напрашивается одно простое условие. Невроз следовало бы уподобить травматическому заболеванию, а его возникновение объяснить неспособностью справиться со слишком сильным аффективным переживанием... Случается также, что травматическое событие, потрясающее все основы прежней жизни, останавливает людей настолько, что они теряют всякий интерес к настоящему и будущему и в душе постоянно остаются в прошлом, но эти несчастные не обязательно должны стать нервнобольными. Мы не хотим переоценивать для характеристики невроза эту одну черту, как бы постоянна и значительна она ни была... Вместе с Брейером я утверждаю следующее: каждый раз, сталкиваясь с симптомом, мы можем заключить, что у больного имеются определенные бессознательные процессы, в которых содержится смысл симптома. Но для того, чтобы образовался симптом, необходимо также, чтобы смысл был бессознательным. Из сознательных процессов симптомы не образуются; как только соответствующие бессознательные процессы сделаются сознательными, симптом должен исчезнуть. Вы сразу же предугадываете здесь путь к терапии, путь к уничтожению симптомов. Этим путем Брейер действительно вылечил свою истерическую пациентку, т. е. освободил ее от симптомов; он нашел технику доведения до ее сознания бессознательных процессов, содержавших смысл симптома, и симптомы исчезли... Образование симптома — это замещение (Ersatz) чего-то другого, что не могло проявиться. Определенные душевные процессы нормальным образом должны были бы развиваться настолько, чтобы они стали известны сознанию.

Этого не случилось, но зато из прерванных, каким-то образом нарушенных процессов, которые должны были остаться бессознательными, возник симптом. Таким образом, получилось что-то вроде подстановки; если возвратиться к исходному положению, то терапевтическое воздействие на невротические симптомы достигнет своей цели... Положение о том, что симптомы исчезают, если их бессознательные предпосылки сделались сознательными, подтвердилось всеми дальнейшими исследованиями, хотя при попытке его практического применения сталкиваешься с самыми странными и самыми неожиданными осложнениями. Наша терапия действует благодаря тому, что превращает бессознательное в сознательное, и лишь постольку, поскольку она в состоянии осуществить это превращение... наше положение, что при знании их смысла симптомы исчезают, остается все-таки правильным. Дело только в том, что знание должно быть основано на внутреннем изменении больного, которое может быть вызвано лишь психической работой с определенной целью. Здесь мы стоим перед проблемами, которые скоро объединятся в динамику образования симптомов... Под "смыслом" симптома мы понимаем одновременно два момента: откуда он берется и куда или к чему ведет, т. е. впечатления и переживания, от которых он исходит, и цели, которым служит.

Таким образом, на вопрос, откуда берется симптом, отвечают впечатления, которые приходят извне, были когда-то в силу необходимости сознательными и с тех пор благодаря забыванию могут стать бессознательными. Но цель симптома, его тенденция — это каждый раз эндопсихический процесс, который, возможно, сначала был сознаваем, но не менее вероятно, что он никогда не был в сознании и давно оставался в бессознательном. Так что не очень важно, захватила ли амнезия также и исходные переживания, на которых основывается симптом, как это происходит при истерии; цель, тенденция симптома, которая с самого начала может быть бессознательна, основана на его зависимости от бессознательного, и при неврозе навязчивых состояний не менее тесной, чем при истерии... самый чувствительный удар по человеческой мании величия было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало Я, что оно не является

даже хозяином в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно...».

«Невроз является завершением конфликта между Я и Оно, а психоз является аналогичным исходом для подобной пертурбации в отношениях между Я и внешним миром, — отмечает Фрейд в работе «Невроз и психоз»¹¹. — Неврозы переноса возникают из-за того, что Я не желает воспринимать влечение, господствующее в Оно, и не желает пропускать его двигательный разряд или оспаривать преследуемую им цель. Я защищается от него при помощи механизма вытеснения; вытесненное восстает против такой судьбы, оно выбирает пути, над которыми Я не имеет никакой власти, принимая вид субститута, который навязывается Я путем компромисса: симптома. Я видит, что его единство находится под угрозой и нарушено этим незаконно вторгшимся, и продолжает бороться против симптома так же, как оно защищалось от первичного влечения, и все это вместе взятое и составляет картину невроза. Не вызывает возражений то, что Я, предпринимая вытеснение, следует, по сути, приказаниям своего «Сверх-Я», происходящим, в свою очередь, от тех же влияний внешнего мира, которые нашли в «сверх-Я» свое представительство. Очевидно, что Я перешло на сторону этих сил, что их требования берут в нем верх над импульсными требованиями Оно, и что Я является той силой, которая осуществляет вытеснение в отношении этого участия Оно и стремится консолидировать его, прибегая к контрсопротивлению. Будучи на службе у «сверх-Я» и реальности, Я вступило в конфликт с Оно, и именно это характеризует все неврозы переноса... Общей этиологией для резкого проявления психоневроза или невроза по-прежнему остается фрустрация, неисполнение одного из детских желаний, которые так и не были подавлены и которые так глубоко укоренились в нашей филогенетической организации. Эта фрустрация, в конечном счете, всегда внешнего происхождения. В некоторых случаях она может исходить из этого компонента (в Сверх-Я), который принял на себя представительство требований реальности. Патогенный эффект связан тогда с тем, что при таком чреватом конфликтом напряжении либо Я остается верным своей зависимости от внешнего мира и пытается заставить

Оно молчать, либо оно дает Оно подчинить себя и таким образом оторвать от реальности. Но в этой, казалось бы, простой ситуации возникает осложнение, связанное с существованием «Сверх-Я», которое с непонятной еще для нас сложностью объединяет в себе влияния Оно, равно как и влияния внешнего мира, и представляет, в определенной степени, идеальную модель того, к чему направлены все усилия Я: примирения его многочисленных зависимостей. Поведение «сверх-Я» должно приниматься во внимание при всех формах психического заболевания, что до сих пор не делалось. Но мы можем предварительно постулировать, что возможно существование аффектаций, имеющих первопричиной конфликт между Я и «сверх-Я». Анализ меланхолии позволяет нам распознать в ней модель этой группы, и мы могли бы дать таким расстройствам название «нарциссические психоневрозы». Это, разумеется, согласуется с нашими впечатлениями, когда мы обнаруживаем причины, отделяющие такие состояния, как меланхолия, от других психозов. Но тогда мы видим, что можем дополнить нашу простую генетическую формулу, не отказываясь от нее. Невроз переноса соответствует конфликту между Я и Оно, нарциссический невроз — конфликту между Я и «Сверх-Я», психоз — конфликту между Я и внешним миром. Разумеется, мы еще не можем сказать, действительно ли мы открыли новые перспективы или всего лишь обогатили сокровищницу наших формул. Но я думаю, что эта возможность практического применения должна, тем не менее, побудить нас не бросать из виду наше предложение о разделении психического аппарата между Я, «сверх-Я» и Оно.

Утверждение, что неврозы и психозы порождаются конфликтами между Я и разными инстанциями, господствующими над ним, что они, стало быть, отражают нарушение в работе Я, которое, тем не менее, пытается примирить между собою различные требования, это утверждение нуждается в других разъяснениях. Хотелось бы узнать, при каких обстоятельствах и с помощью каких средств Я удастся безболезненно избегать вечного присутствия таких конфликтов. Это новая область исследований, в которой, безусловно, необходимо будет принимать во внимание самые различные факторы. Но мы немедленно должны подчеркнуть два момента: исход всех этих ситуаций будет зависеть, несомненно, от эко-

номических условий и от соответствующего значения противоборствующих тенденций. Впрочем, Я сможет избежать всяческих разрывов, деформируясь само, соглашаясь на потерю своей целостности, возможно, даже разобцаясь или дробясь. Следовательно, необдуманные поступки, странности и экстравагантности людей можно оценивать таким же образом, как и сексуальные перверсии, принятие которых избавляет их в действительности от вытеснения».

В своей следующей статье «Утрата реальности при неврозе и психозе»¹² Фрейд дополняет свое учение о неврозе. «Любой невроз, — отмечает он, — тем или другим образом нарушает связь больного с реальностью, он предоставляет ему средства для того, чтобы уйти от нее, и в своих самых серьезных проявлениях он определенно означает побег от реальной жизни. Это противоречие заслуживает того, чтобы над ним задуматься, между тем, однако, его легко устранить, и его решение по крайней мере поспособствует прогрессу нашего понимания невроза.

Это противоречие в действительности существует только до тех пор, пока мы рассматриваем исходную ситуацию невроза, когда Я, слуга реальности, предпринимает вытеснение влечения. Но здесь речь еще не идет о самом неврозе. Последний в гораздо большей степени заключается в процессах, несущих компенсацию поврежденной части Оно, следовательно, в реакции на вытеснение и в его неудаче. Ослабление связи с реальностью является тогда следствием этого второго этапа в формировании невроза, и мы бы не удивились, если бы тщательное исследование показало, что потеря реальности касается именно той части реальности, требование которой повлекло импульсивное вытеснение.

Характеризовать невроз как результат тщетной попытки вытеснения — в этом нет ничего нового, это то, о чем мы постоянно говорили... Невроз не отрицает реальность, он просто ничего не хочет знать о ней; психоз отрицает ее и пытается заменить. Мы характеризуем как нормальное, или «здоровое», поведение, объединяющее некоторые признаки обеих реакций, которое немного отрицает реальность, что делает невроз, но затем прилагает усилия, чтобы изменить ее, как это делает психоз. Это нормальное адекватное поведение ведет,

естественно, к выполнению наружной работы над внешним миром и не довольствуется, как при психозе, осуществлением внутренних перемен. Оно больше не автопластическое, но аллопластическое.

При психозе перестройка реальности направлена на психические остатки отношений, поддерживаемых с ней до этого времени, то есть на следы в памяти, представления и суждения, которые выносились относительно нее до этого времени и посредством которых она была представлена в психической жизни. Но эта связь никогда не была завершенной, она непрерывно обогащалась, изменялась под воздействием новых восприятий. Так, например, для психоза встает вопрос о создании восприятий, отвечающих новой реальности, что достигается самым радикальным способом через галлюцинацию. И если иллюзии памяти, бредовые состояния и галлюцинации принимают чрезвычайно мучительный характер в стольких формах и случаях психоза и если они сопровождаются приступами страха, то это знак, что весь процесс перестройки происходит в противостоянии с резко враждебными силами. Мы можем составить себе представление об этом процессе по модели невроза, которая известна нам лучше. Здесь мы замечаем, что каждый раз, когда вытесненное влечение пытается прорваться, возникает реакция страха и что исход конфликта является при этом лишь компромиссом и способен принести лишь неполное удовлетворение. Кажется правдоподобным, что в психозе часть реального, которая была отброшена, не прекращает навязывать себя психической жизни, точно так, как это делает в неврозе вытесненное влечение, и поэтому последствия, в общем, одинаковы в обоих случаях. Еще не было предпринято ни одного психиатрического исследования, с тем чтобы осветить различные механизмы, толкающие при психозах к уходу от реальности, так же, как не была оценена степень успеха, который можно ожидать от него.

Следовательно, между неврозом и психозом действительно существует более тесная аналогия: как в первом, так и во втором задача, предпринятая на втором этапе, терпит частичную неудачу; вытесненное влечение не может предоставить полный субститут (невроз) и то, что представляет реальность, не поддается формированию в удовлетворитель-

ном виде (по крайней мере, не во всех формах психических болезней). Но в обоих случаях акценты ставятся по-разному. В психозе акцент полностью переносится на первый этап, который является патологическим по своей природе и может вести лишь к болезни. В неврозе, наоборот, он переносится на второй этап, на неудачное вытеснение, тогда как первый этап может оказаться успешным, и, впрочем, он оказывается успешным бесчисленное количество раз, не выходя за рамки здорового состояния, даже если при этом не обходится без причинения какого-то ущерба и без того, чтобы не остались следы психического расходования, требуемого для этого. Эти различия и, возможно, еще многие другие являются следствием топического различия в изначальной ситуации патогенного конфликта, в зависимости от того, уступило ли «Я» своей привязанности к реальному миру или своей зависимости от «Оно».

Невроз довольствуется, как правило, тем, что избегает соответствующей части реальности и предохраняет себя от встречи с ней. Четкое различие между неврозом и психозом, тем не менее, стирается, потому что при неврозе также не редки попытки заменить нежелательную реальность реальностью, более соответствующей желанию. Это делается возможным благодаря существованию воображаемого мира, области, которая была оторвана от внешнего реального мира в момент введения принципа реальности и которая с того времени охранялась от требований жизненной потребности как «заповедник», не доступный для Я, но имеющий с ним лишь ослабленные связи. Невроз черпает из этого воображаемого мира материал для новых конструкций своего желания и обычно находит его путем регрессии в реальное прошлое, удовлетворяющее его в большей степени.

Почти с уверенностью можно сказать, что воображаемый мир играет такую же роль в психозе, что здесь он также образует заповедник, откуда могут браться сырье, модель для строительства новой реальности, но новый воображаемый внешний мир психоза хочет занять место внешней реальности, тогда как при неврозе ему нравится опираться, как в детских играх, на часть реальности — другой, чем та, от которой он вынужден был защищаться, — он придает ей особую важность и тайное значение, которое, часто неточно, мы называем сим-

волическим. Вот почему в невротизме, как и в психозе, не следует рассматривать только вопрос потери реальности, но следует также исследовать вопрос субституата реальности».

Следует отметить, что в нашем случае, при сопоставлении индивида и общества, практически не имеет значения, оценивать массу с позиции ее невротических или патологических девиаций. Тут как бы уже одно и то же. На первый план выходит утверждение, что общество больно. И по типу невротика (или психотика) нуждается в той или иной форме лечения. Причем самое печальное в данном случае то, что те, во власти кого находится общество, знают о заболевании. И при этом не только знают, но и всяческими способами стараются скрыть от самого больного его болезнь. И в ход в данном случае пускаются различные (и более чем многочисленные) ухищрения, разработанные в современном мире развитых технологий. Один Петросян со Степаненко и «Аншлагом» чего стоят. Народ веселится, и словно бы ненавязчиво его отодвигают от мыслей о нашей (о реально существующей!) действительности. Больным (будь то невротик или психотик) всегда легче управлять (манипулировать). К тому же у индивида (как и у индивидов, организованных в массы) заметно снижен порог восприимчивости к оценке существующей реальности. А значит, ею, этой реальностью, вполне становится возможно или управлять, или даже формировать ее по принципу того общества, суть и специфику которого навязывают всем нам. Причем если раньше (и в некоторых тоталитарных режимах других стран сейчас) использовался недостаток информации (а любой недостаток информации может формировать ту действительность, которой не существует, но которая нужна, — вспомним в советское время искаженное мнение большинства малообразованных членов общества о жизни на Западе), то сейчас благодаря интернету и более-менее открытым границам появился явный переизбыток такой информации. Индивид попросту тонет в информационном потоке. Не умеет делать правильные выводы, проводить анализ (сказывается общий недостаток грамотности). Коррупция в России постсоветских времен достигла несопоставимых с прошлым размеров. Стремление людей получить высшее образование у подавляющего большинства на самом деле продиктовано почти исключительно архетипическими составляющими. При этом наблюдается массовая сдача предметов за взятки. И это все в масштабах страны!

Однако ужасающе не только коррупция в образовательных учреждениях. Уже можно говорить о том, что коррумпированность охватила практически все без исключения сферы жизнедеятельности россиян. На первый взгляд, некоторое исключение составляют частные структуры. Но это если смотреть лишь совсем поверхностных взглядом. На самом деле деятельность частной (коммерческой) фирмы любого уровня проходит в контексте социума. А значит, так или иначе входит во взаимозависимость с нормами и законами, принятыми в этом обществе. Другими словами, чтобы выжить, коммерсантам приходится соблюдать правила игры, которые поистине ужасны и направлены на еще большее вознесение (и денежную зависимость) чиновников (взятки, откаты и т. п.)

Что бы тут можно было предложить? Как ни странно, но только лишь сажать и расстреливать — вопроса не решит. Хотя и необходимо делать подобное в массовом порядке, значительно разреживая население страны, погрязшей во мздоимстве и нарушении закона. Да и действие самих законов весьма ограничено вследствие нераспространения последних на некую элиту, пытающуюся навязать всем нам новый порядок. Новый русский порядок, где деньги играют решающую роль практически во всем. Причем в данном случае в формировании подобных расхожих стереотипов (превращающихся в нормы поведения) ключевую роль играют средства массовой информации как основной источник манипулирования массовым сознанием (исследование манипулирования посредством СМИ более подробно было рассмотрено нами в монографии «Манипуляции массами и психоанализ» (манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик)).

Причем опять же нам хотелось бы заметить, что все ныне и ранее происходящее в стране (создается именно такое впечатление) происходит при исключительной поддержке народа.

На самом деле это не так. В своей основной массе народ всегда занят совсем другими проблемами. Главные из этих проблем касались улучшения собственного быта, начиная от того, где достать пропитание в советское время (в эпоху повального дефицита), до значительного улучшения материального положения в нынешнее время, в современной России. Причем и в

первом и во втором случаях государство оказывало значительное влияние на подобные «заботы» своих сограждан. Причем сейчас, как мы уже заметили, сделать это стало значительно легче, используя в качестве массового гипнотизера-манипулятора телевидение (с его всенародным охватом). Создается впечатление, что нынешние идеологи постоянно отслеживают умонастроения во вверенной им державе. И в случае необходимости корректируют курс, внося в подсознание сограждан новые идеи-увлечения, фактически перенаправляя тем самым внимание людей на что-то другое и отвлекая от раздумывания над теми или иными мыслями. А народ и рад. Ведь гораздо легче (и проще) погрязнуть в пьянстве и разврате (или отдохнуть в садово-парковых хозяйствах), чем начать читать научные книги и попытаться анализировать ситуацию, в которой мы все оказались. Причем глупо говорить, что от нас ничего не зависит. Зависит. В масштабах страны каждый индивид объединяется в конечном итоге в массу. И если эта масса образуется из сознательных индивидов, то в итоге и может получиться уже несколько иной расклад. И глупо говорить, что каждому свое. Это философия середняка, заботящегося о своем наделе и комфортно чувствующем себя только на своем участке, при реализации и сохранении собственных принципов и всего того, что относится исключительно к нему, и совершенно не заботящегося, что будет (что может быть) с другими.

3. Концептуальная предрасположенность масс к манипулированию

Если проводить какую-либо аналогию по манипулятивному воздействию на массы настоящего времени и прошлого, то хотелось бы обратить внимание на одну достаточно удивительную деталь. А именно: любой народ, а русский, быть может, и особенно, — склонен к подчинению. К тому, чтобы был у него свой царь (вождь, лидер партии). И при этом вполне согласен беспрекословно подчиняться. То есть доверить свою жизнь воле другого человека, выбранного лидером. И уже ни о чем не думать, выполняя указания свыше.

И самое удивительное, что это действительно для нашей страны оправданно. При этом о каких-либо перегибах речь не должна идти. Потому как это совсем даже не перегибы, а

оправданная необходимость. Возьмем для примера два временных промежутка. Эпоху Сталина и настоящее время. Тогда — мощный т. н. тоталитарный режим. Сейчас — режим условно демократический (т. н. либеральная демократия). Даже если не касаться массового развития народного хозяйства, когда некогда полуграмотную страну Сталин вывел к вершинам мирового интеллектуального и технического превосходства, и обратить внимание на перегибы на местах, связанные с уничтожением врагов народа и вредителей, то фактически то же самое происходит и сейчас, только в гораздо больших масштабах, и выражается не в явном уничтожении вредителей, а массовой гибели народа от алкоголизма, наркомании, ДТП и проч. бедствий, принявших в нашей стране уже массово-стихийный характер. И при этом в эпоху капитализма люди фактически обречены на медленную смерть и самоуничтожение. Уже нет бесплатного жилья, бесплатной медицины, обязательного трудоустройства после окончания учебных заведений. Стране стало абсолютно безразлично, что будет с ее гражданами, большинство из которых оставлены на произвол судьбы и губят себя. Особенно массовый деструктивный характер прослеживается в регионах, в малых городах и станицах, где уже фактически не осталось здорового населения.

«Страна уже более десяти лет изнемогает без идеологической поддержки социального чувства, без так называемой поддерживающей мифологии, — замечает современный ученый В. Медведев в работе «Спор о природе психоанализа: Прошлое, настоящее и будущее еще одной иллюзии»¹³. — Массовая психология в порыве защитной регрессии практически полностью воспроизводит ситуацию середины 20-х годов, ситуацию утери коллективной веры и патерналистских иллюзий, ситуацию тотального греха, бессознательной вины за уничтожение породившего нас общественного строя, нашей общей Матери — Страны Советов, живая память о которой мешает нам спокойно жить в границах своих индивидуальных жизненных обстоятельств. Гибель идеологических механизмов лишила массу привычных ей иллюзий».

Все это подтверждает одно правило. Стране не только необходимо уверенный в своих силах и возможностях лидер, но и лидер жесткий и решительный, огнем и мечом способный

остановить разруху и голод, восстановить промышленность, уничтожить врагов народа, провоцирующих народ на самоуничтожение с целью дальнейшего подчинения масс. Ведь слабыми и неуверенными в себе людьми всегда легче управлять. Поэтому и поднимает свою голову гида империализма в виде различных вредных нам движений, опутавших щупальцами наши бывшие республики, в которых инициирует т. н. оранжевые революции, приводящие в итоге к хаосу и дальнейшей деградации масс. А народ России пособники наших классовых врагов намеренно отупляют глупыми псевдоюмористическими передачами, третьеразрядной музыкой и второсортной литературой, исходя из достаточно простого правила: отдельными индивидами легче управлять, когда они объединены в массы, когда исчезает у них резко выраженное индивидуальное начало, когда у них появляется ряд черт, появление коих практически совсем и невозможно было доселе. Вот как описывает это Ле Бон в своей работе «Психология масс»¹⁴: «Появление этих новых специальных черт, характерных для толпы и притом не встречающихся у отдельных индивидов, входящих в ее состав, обуславливается различными причинами. Первая из них заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе.

Вторая причина — заразительность или зараза — также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет собой такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы.

Третья причина, и притом самая главная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, — это восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загнипнотизированного субъекта. Такой субъект вследствие парализованности своей сознательной мозговой жизни становится рабом бессознательной деятельности своего спинного мозга, которой гипнотизер управляет по своему произволу. Сознательная личность у загнипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загнипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности. Люди, обладающие достаточно сильной индивидуальностью, чтобы противиться внушению, в толпе слишком малочисленны, и потому не в состоянии бороться с течением. Самое большее, что они могут сделать, — это отвлечь толпу посредством какого-нибудь нового внушения. Так, например, удачное слово, какой-нибудь образ, вызванный кстати в воображении толпы, отвлекали ее иной раз от самых кровавых поступков.

Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе — это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром. Благодаря именно этому свойству толпы, нам приходится иной раз наблюдать, что присяжные выносят приговор, который каждый из них в отдельности никогда бы не произнес; мы видим, что парламентские собрания соглашаются на такие мероприятия и законы, которые осудил бы каждый из членов этого собрания в отдельности. Члены Конвента, взятые отдельно, были просвещенными буржуа, имевшими мирные привычки. Но, соединившись в толпу, они уже без всякого колебания принимали самые свирепые предложения и отсылали на гильотину людей совершенно невинных; в довершение они отказались от своей неприкосновенности, вопреки своим собственным интересам, и сами себя наказывали».

Конечно, по всей видимости, положение, сложившееся в обществе, можно считать вполне оправданным и как минимум исторически обоснованным. Ведь получается так, что в процессе эволюции индивид сам выбирает пути, которым он должен следовать не только в достижении своей цели, ну и уже просто в плане выживания, сохранения себя, человечества, как вида. А для этого и необходимо объединение в массы. В массах индивидам легче противостоять невзгодам и пертурбациям времени.

Уже следует говорить и вообще о легкости выживания. А также о значительно более упрощенном достижении роста производства, увеличении качества и производительности труда. Ну и помимо этого, индивидами, объединенными в массы, легче управлять. Цепочка выстраивается по принципу популярного в наше время сетевого маркетинга (или, скажем, армейской иерархии), когда перед рядом индивидов поставлена одна задача, эти индивиды замыкаются на одном руководителе, который, в свою очередь, составляет точно такую же массу вместе с руководителями, отвечающими за другое (или смежное) направление, и уже они замыкаются на более старших руководителях. Таким образом, массы становятся похожими на муравейник, с выстраиваемыми там схемами управления, подчинения, ориентированности на достижение результатов в разрешении общих задач.

Конечно же, в данном случае выстраиваются архаичные схемы, принятые в первобытном обществе. Есть единый вождь и его заместители, а далее уже все члены общины должны беспрекословно ему подчиняться. Подчинение достигается с помощью страха. Страх провоцируется опасностью нарушения табу. Табу весьма многочисленны и интересны для современного человека. Причем какая-то их часть благополучно дошла до наших дней. О роли табу у первобытных племен см. обширное исследование Дж. Фрезера «Золотая ветвь»¹⁵. Фрезер, в частности, рассматривает табу дикарей по отношению к иноплеменникам. «Из всех источников опасности, — отмечает он¹⁶, — дикарь страшится более всего магии или колдовства, и всех иноплеменников он подозревает в причастности к этому искусству. Предохранение от пагубного воздействия, которое намеренно или невольно оказывают иноплеменники, является поэтому элементарным предписанием дикарского благоразумия. Прежде чем допустить иноплеменников в страну, по крайней мере прежде чем позволить им свободно общаться с ее населением, местными жителями часто выполняются определенные обряды, цель которых — лишить иностранцев магических способностей, нейтрализовать пагубные влияния, которое якобы от них исходит, так сказать, дезинфицировать зараженную атмосферу, которая их окружает. Когда посоль-

15 www.psylib.ukrweb.net

16 Там же.

ство, посланное императором Восточной Римской Империи Юстином II для заключения мира с тюрками, прибыло на место назначения, оно было принято шаманами, которые подвергли послов обрядовому очищению, чтобы удалить их дурные намерения. Сложив на открытом месте привезенные послами товары, эти чародеи обносили вокруг них кадящие благовония; при этом они звонили в колокол и били в барабан, пытая и впадая в неистовство от усилий рассеять злые чары. Затем и послы подверглись очищению, пройдя сквозь пламя костров.

На острове Нанумеа (южная часть Тихого океана) новопривышим европейцам и жителям других островов не разрешается вступать в общение с населением, до тех пор пока они (или их представители) не побывали во всех четырех храмах острова, где были вознесены молитвы о том, чтобы Бог отвратил любое вероломство или болезни, какие могли принести с собой эти чужеземцы. Затем в честь бога на алтари с песнями и танцами возлагались жертвы мясом. До истечения всех этих церемоний население острова, за исключением жрецов и их подручных, держалось поодаль. У от-даномов на острове Борнео имеется обычай, согласно которому вступающие на землю племени иностранцы должны уплатить местным жителям определенную сумму денег; она тратится на принесение духам земли и воды в жертву буйволов и свиней, для того чтобы примирить божества с присутствием чужестранцев и побудить их не лишать население страны своей благосклонности, даровать обильный урожай риса и т.д. Мужчины другой области на острове Борнео, боясь европейцев, предупреждали жен и детей, чтобы те не подходили к ним близко. Те же, кто не сумел преодолеть любопытство, для умиротворения злых духов убивали домашнюю птицу и вымазывались ее кровью. "Чужеземных злых духов, — рассказывает путешествовавший по центральной части острова Борнео европеец, — которые сопровождают путешественников, боятся больше, чем злых духов, обитающих по соседству. Когда в 1897 году во время пребывания у кайанов меня посетила группа туземцев с реки Махакам, ни одна женщина не выходила из дому без горячей связки из коры дерева *plehiding*, чей зловонный запах отгоняет злых духов".

Во время путешествия по Южной Америке Крево вошел в селение индейцев-апалаев. Через несколько минут после его прибытия индейцы принесли на пальмовых листьях несколько

больших черных муравьев (укусы этой разновидности муравьев довольно болезненны). Затем перед ним в полном составе предстали жители селения без различия возраста и пола, и путешественник должен был посадить муравьев им на лица, бедра и на другие части тела. В тех случаях, когда он прикладывал их недостаточно плотно, индейцы выкрикивали: "Еще! Еще!" — и не удовлетворялись до тех пор, пока кожа их не покрывалась мелкими опухольями, как если бы их отстегали крапивой. Цель этого обряда становится ясной из соблюдаемого на островах Амбоин и Улиас обычая опрыскивания больных едкими специями, такими как мелко растолченный имбирь, гвоздика, чтобы ощущение жжения прогнало демона болезни, который может к ним пристать. На Яве народным средством против подагры и ревматизма является втирание испанского перца под ногти пальцев рук и ног; считается, что едкость перца слишком сильна для подагры и ревматизма, которые, следовательно, незамедлительно исчезнут. Мать больного ребенка на Невольничьем Берегу верит, что ее ребенком овладел злой дух; для изгнания его она делает на теле маленького больного небольшие надрезы и кладет в ранки зеленый перец или другие специи в уверенности, что тем самым причиняет боль злему духу и принуждает его уйти. От боли, естественно, бедный ребенок визжит, но мать успокаивает себя мыслью, что вместе с ним страдает и демон... Страх перед чужаками бывает взаимным. Вступая в незнакомую страну, дикарь испытывает чувство, что идет по заколдованной земле, и принимает меры для того, чтобы охранить себя как от демонов, которые на ней обитают, так и от магических способностей ее жителей. Так, отправляясь в чужую страну, маори совершают обряды, для того чтобы сделать ее "мирской" (как будто до этого она была "священной"). Когда Миклухо-Маклай приближался к деревне на Берегу Маклая в Новой Гвинее, один из сопровождавших его туземцев сорвал с дерева ветку и, отойдя в сторону, некоторое время что-то ей нашептывал; затем он поочередно подходил к каждому участнику экспедиции, выплевывал что-то ему на спину и несколько раз ударял его веткой. В заключение он пошел в лес и в самой чаще зарыл ветку под истлевшими листьями. Эта церемония якобы ограждала экспедицию от предательства и опасности в деревне, к которой она приближалась. Основывалась она на представлении, что дурные влия-

ния отвлекаются от людей на ветку и вместе с ней зарываются в щель леса. Когда в Австралии племя получает приглашение посетить своих соседей и приближается к их стоянке, "пришельцы держат в руках зажженную кору или головни; делается это, по их словам, для разрядки и очищения воздуха". Когда тораджи находятся на охоте за головами в стане врага, они не имеют права отведать ни одного посаженного врагом плода, ни одного выращенного им животного, не совершив перед этим какой-либо враждебный акт, например, не подпалив дом или не убив человека. Считается, что, если они нарушат этот запрет, в них проникнет часть духовной сущности врага и это уничтожит магическую силу их талисманов.

Существует также поверье, что вернувшийся из путешествия человек может быть заражен от общения с иноплеменниками злой магией. Поэтому, прежде чем вновь быть принятым в своем племени и в обществе друзей, вернувшийся из путешествия должен пройти через очистительные обряды. Бечуаны, например, очищаются после путешествия тем, что бреют себе головы и т.п. из боязни заразиться колдовством от чужеземцев. В некоторых районах Западной Африки, когда человек после долгой отлучки возвращается домой, прежде чем получить разрешение войти к жене, он должен омыться особой жидкостью, чтобы обезвредить магические чары, которыми женщина другого племени могла опутать его во время отлучки и которые от него могут перейти к женщинам селения. Когда два индуса были направлены местным принцем в Англию послами и возвратились в Индию, было сочтено, что они настолько осквернили себя соприкосновением с англичанами, что только второе рождение могло вернуть им чистоту. "В целях восстановления было приказано сделать ради них из чистого золота статую плодородящей природы в виде женщины (или в виде коровы), затем поочередно заключить их в статую и пропустить через обычное отверстие, символизовавшее родовые пути. А так как статуя из чистого золота в полный человеческий рост — вещь слишком дорогостоящая, решили изобразить священной йони, через которое должен пройти возрождающийся". По приказу принца такое изображение было изготовлено, и, выйдя из него, послы считались вновь рожденными...». Табу на пищу и питье: «Акты принятия пищи и питья связаны, по мнению дикаря, с особой опасностью. Ведь

в это время душа может выскользнуть через рот или быть извлечена с помощью враждебной магии. Среди говорящих на языке эве народностей Невольничьего Берега распространено поверье, что дух покидает тело и возвращается в него через рот. Поэтому человеку следует проявлять осторожность, открывая рот, чтобы бездомный дух не воспользовался представившейся возможностью и не вошел в тело. Считается, что это скорее всего может иметь место во время принятия пищи. Для того чтобы избежать этой опасности, принимаются меры предосторожности. Батаки, например, во время пиршества плотно закрывают двери жилища, чтобы душа осталась на месте и насладилась выставленными перед ней яствами; зафиманелы острова Мадагаскар во время еды закрывают двери на замок, поэтому очень редко кому удавалось застать их за этим занятием. Туземцы варуа никому не позволяют подсматривать за ними во время еды и питья, особенно это касается лиц противоположного пола. "За то, чтобы мужчина разрешил мне посмотреть, как он пьет, я должен был заплатить ему. Но я не мог уговорить его разрешить то же женщине". Когда варуа предлагают выпить, они обыкновенно просят, чтобы на время питья их прикрыли куском ткани». Табу на обнажение лица, табу на выход из жилища, табу на женщин во время менструации и родов: «Запреты и последствия, которые, как предполагается, вызовет нарушение их, одинаковы как по отношению к особам, которых почитают священными, так и относительно тех, кто считается нечистым, — пишет Фрезер¹⁷. — Одевание священного вождя убивает тех, кто им пользуется. То же воздействие оказывают вещи, к которым прикоснулась, например, женщина во время менструации. Один австралийский абориген, застав жену, у которой были месячные, лежащей на его одеяле, убил ее и той же ночью сам умер от страха. Поэтому австралийским женщинам в этот период под страхом смерти запрещено прикасаться к вещам, которыми пользуются мужчины, и даже проходить с мужчинами по одной тропинке. Во время родов их также изолируют, и вся посуда, которой они пользуются в этот промежуток времени, сжигается. В Уганде горшки, к которым женщина притрагивается, будучи нечистой (во время родов или месячных), подлежат уничтожению. Однако оскверненные ее прикосновением копыя и щиты

не ломаются, а только очищаются. "Едва ли у индейцев-дени и у других американских племен найдется существо, которое вызывало больший страх, чем женщина в период месячных. Как только давали о себе знать признаки этого состояния, девушку или женщину тщательно отделяли от всякого общения с мужчинами и заставляли жить в маленькой хижине вдали от взоров мужчин. Она должна была воздерживаться от прикосновения к принадлежащим мужчине вещам, а также к добытой на охоте оленине или мясу другого животного. Считалось, что своим прикосновением она оскверняет добычу и, приводя этим животное в ярость, обрекала охотников на неудачу. Ее меню состояло исключительно из сушеной рыбы, а единственным напитком, который она втягивала в себя через трубку, была холодная вода. Так как сам вид ее был опасен для общества, то даже некоторое время после того, как она возвращалась в нормальное состояние, особый кожаный капор с ниспадающей на грудь бахромой скрывал ее лицо от взоров окружающих. "У индейцев-брибри (Коста-Рика) женщина в период месячных тоже считается нечистой. Единственная посуда, которой она может пользоваться, — это листья бананового дерева. После употребления они забрасываются в какое-нибудь пустынное место: ведь если корове случится набрести на них и съесть, она неминуемо зачахнет и умрет. Пьет женщина в это время из особого сосуда, из которого под угрозой смерти не должен пить никто другой». Табу на пищу: «Примеры пищевых запретов слишком хорошо известны и многочисленны, — отмечает Фрезер¹⁸. — Если суеверный страх удерживает даже простого человека от употребления в пищу тех или иных веществ, то на лиц священных и табуированных (к примеру, верховных правителей и жрецов) налагаются еще более многочисленные и жесткие ограничения подобного рода. Мы уже знаем, что римский жрец Юпитера (Flamin Dialis) не имел права употреблять в пищу (и даже называть по имени) некоторые виды растений и животных, а мясной рацион египетских фараонов был ограничен говядиной и гусиным мясом. Жрецы и правители у многих варварских народов древности совсем не употребляли в пищу мясо. Жрецам-фетишам на Лоангском побережье, так называемым гангам, запрещалось употреблять в пищу и даже смотреть на многие виды живот-

ных и рыб. Поэтому их мясной рацион был крайне ограничен: нередко они питались только травами и корнями, хотя вместе с тем им разрешалось пить теплую кровь. У лоанго наследнику престола с детства запрещалось употреблять в пищу свинину. С раннего детства ему не разрешалось также есть на людях плод дерева кола. При достижении половой зрелости жрец наставлял его есть только такую домашнюю птицу, которую он сам убил и приготовил; с годами число табу продолжало расти. После восшествия на престол правителю острова Фернандо-По запрещается употреблять в пищу кокко (Arum asak), мясо оленя и дикобраза, то есть обычную пищу его подданных. Верховному вождю масаев разрешается есть исключительно молоко, мед и жареную козью печень; в противном случае он потерял бы способность предсказывать будущее и приготавливать колдовское зелье», и проч.

В наше время роль управления массами помимо тех же табу выполняет определенная современная составляющая, выражающаяся как в форме норм и запретов (закон), так и в способах стимулирования масс в виде поощрения (финансы, блага, проч.). То есть уже можно говорить, что особенно сильно вроде бы ничего и не изменилось. В современном обществе произошла лишь переориентация мер воздействия на массы. Причем благодаря высоким технологиям и средствам массовой коммуникации появилась возможность беспрепятственно проводить зомбирование масс. Зомби — это люди, не подозревающие, что выполняют латентные команды манипуляторов. Причем стало возможно работать практически с любыми массами (как и по роду массобразования, так и по масштабу воздействий на любое количество масс, включая и геополитический инструментарий). И в какой-то мере все это очень даже печально. Потому как массы, толпа, беспрекословно выполняющая волю своих вождей, действительно, по сути, ужасна. И может быть направлена на достижение любых целей и задач, необходимых манипуляторам.

Хотя для самих масс, быть может, ничего такого уж страшного и нет. Причем даже можно сказать больше у масс подчинение снимает особого рода нервность, которую у них провоцирует опять же власть.

Становится возможным подобное благодаря тому, что индивиду в целом хочется подчиняться. На это обратил внимание еще Гераклит Эфесский, и в последующем к подобному выво-

ду пришли многочисленные философы и психологи современности (в нашей стране вопросы манипулирования массами достаточно обширно проработаны отечественным философом и глубинным психологом Владимиром Медведевым). Причем, подчиняясь, индивид (в том числе и индивиды, заключенные в массы) снимает собственное невротическое состояние, выражающееся в неуверенности, беспокойстве, страхе. Потому как ему начинает казаться, что уже, собственно, и бояться нечего. Потому как, если он выполняет волю того, кто наделен властными полномочиями, то тот уже, получается, будет этим доволен. А значит, словно бы в благодарность, не только возьмет его под свою защиту, но и не будет на него гневаться (боязнь кого-нибудь обидеть — основная проблема невротиков).

И если подобная невротичная личность чувствует, что его берут под защиту, то это не только снимает с его души множество проблем, но и в иных случаях настраивает на некий позитив, который способен проецироваться абсолютно на все дела, к выполнению которых причастен такой индивид. Что, в свою очередь, положительно сказывается на обществе. Отдельные индивиды (объединенные в массу) способны не только производить общественно полезный продукт. Позитив в их душе ориентирует других членов общества (как и общество в целом) на решение множества задач, поставленных народным (или капиталистическим) хозяйством, и благоприятно сказывается на росте производства в целом; потому как здоровые члены общества способны большую часть своего потенциала направлять на приумножение благосостояния масс.

Если несколько подробнее остановиться на этом вопросе, то нам следует обратить внимание, что оздоровление нации в целом есть неперемнная и главнейшая задача органов власти. Потому как все члены подобного общества в таком случае не заняты отыгрыванием каких-либо собственных невротических реакций и могут позволить себе посвятить и рабочее, и свободное время росту благосостояния трудящихся. В рабочее время в данном случае отдельный индивид будет занят или производством общественно значимого продукта, или, если он занят не в сфере производства, будет оказывать положительное влияние на тех, кто этот продукт создает. В свободное, личное время подобный индивид будет бессознательно оказывать положительное влияние на других членов общества. Потому

как в социуме все настолько взаимосвязано, что невозможно не оказывать какого-либо влияния на другого (если этот кто-то, конечно, не относится к приверженцам маргинального образа жизни, отщепенцам и проч.)

То есть, другими словами, уже можно говорить о том, что: 1) какой-либо негатив в вашей душе способен также негативно отражаться на психике других индивидов; 2) используя взаимосвязанность каждого члена социума — позитивное начало отдельного индивида достаточно благоприятно сказывается на психологической составляющей другого индивида.

А значит, получается, в конечном итоге это влияет на рост производства, так как отдельные индивиды при любой форме общества и общественного строя объединяются в массы, то есть взаимосвязаны.

4. Способы и методы подавления психики трудящихся масс

Все обстоит так, что современная власть в стране с каждым годом все больше и больше вынуждена затрачивать усилия на поддержание в народе умиротворенных настроений.

Получается это с трудом. Со стороны власти в настоящее время задействованы два варианта. Причем удивительно, что пока они тоже используются практически одновременно. Причем иной раз создается впечатление, что со стороны власти происходит так на интуитивном, бессознательном, уровне. По первому варианту идет нарастание способов и средств возможного подавления трудящихся (резкое увеличение численного состава и техники внутренних войск и милиции, армии), по второму — введение в заблуждение народа посредством манипулирования массами (рост числа развлекательных передач, реклама алкогольных напитков, переориентация народа на западный образ жизни, с чем, в свою очередь, связано увеличение с каждым годом покупательного ажиотажа, когда продукция, которой в советские времена пользовались годами, в настоящее время меняется через год-два). Если несколько задержаться на манипулировании с целью переориентации масс на западный образ жизни, то следует говорить также о подмене исконно русского

образа жизни и мышления западным. Притом что в ход идет не настоящий западный образ жизни, а некий искаженный вариант, за счет того, что основная часть населения России по прежнему не может позволить себе выехать за рубеж. А если кто-то и позволяет, то почти исключительно на мусульманские курорты, а значит, и о том, какая жизнь на Западе, они попросту не в курсе.

А потому и остается неизвестным, что основная категория людей на Западе так же, как и в советское время, использует технику устаревшего образца. Подходя к использованию ее с неких крестьянских позиций мол, работает и работает.

Тогда как современные российские капиталисты в погоне за сверхприбылями заинтересованы, чтобы в России народ гнался за новым товаром. Совсем не обращая внимание, что зачастую этот товар, кроме года выпуска, не имеет существенных отличий от того, который уже имеется у них.

В итоге одураченный народ в своей большей части гонится за новомодными веяниями, что заметно увеличивает рост прибыли нынешним российским нуворишам и на самом деле очень и очень печально. Так как, помимо прочего, народ еще и загоняет себя в кабалу, потому как, не имея значительных финансовых возможностей (основная часть народонаселения страны живет если не впроголодь, то может позволить тратить зарплату только на еду и дешевую китайскую одежду, и это в крупных городах в регионах зачастую происходит голод и массовое вымирание народа за счет употребления низкосортной алкоголесодержащей продукции и роста наркомании) вынужден набирать потребительские кредиты и отдавать их в ущерб питанию и прочим нуждам первой необходимости.

Мы тут сказали о повышении роли армии в современной России. На самом деле ситуация с вооруженными силами двоякая. С одной стороны, со стороны власти идет вроде как забота о собственных вооруженных силах. С другой она зачастую весьма условна. Например, большинство офицеров ряда крупных вузов Санкт-Петербурга (схожая ситуация почти во всех регионах) вынуждена подрабатывать, а то и зарабатывать исключительно на стороне. В первом случае это делается в ущерб учебному процессу, когда офицер всеми правдами и неправдами стремится вырваться из военного учебного за-

ведения, чтобы заработать денег на пропитание семьи. Во втором — офицер современной российской армии исключительно работает на гражданке. Но продолжает числиться на службе, отдавая военную зарплату вышестоящему начальству, которое его прикрывает. Что до низшего армейского звена, то здесь ситуация схожая. Определенная часть курсантов (зачастую почти всех, кто из малообеспеченных семей, а таких в военных заведениях большинство) работает на гражданке. Причем не только в ущерб сну, то есть ночью, но иной раз и днем. Отдавая часть зарплаты прикрывающим их старшинам и офицерам. А иной раз и сами офицеры обеспечивают курсантов работой, забирая львиную долю заработанного.

И это распространенная практика! И какой после этого разговор о боеспособности армии и будущего командного состава (это все равно как в спорте: не тренироваться, а потом сразу выступить на соревновании. Причем армию надо сравнивать с боксом. При выступлении на ринге такому спортсмену грозит поражение нокаутом, а в армии при вооруженном конфликте — гибелью необученного военнослужащего. Что уж тут говорить о повышении боеспособности вооруженных сил! Причем подобное становится возможно лишь по одной причине: недостаточности финансирования вооруженных сил и необеспечении контроля со стороны проверяющих органов. Ведь проверки в армии — со стороны таких же военных. Когда все заканчивается совместным распитием спиртных напитков, сауной и проч. А надо бы, быть может, как вариант делать внезапные проверки независимой прокуратуры (лучше гражданской). И не когда о такой проверке известно и к ней уже готовы, а проверки неожиданной.

Кстати, в армейских столовых высших учебных заведений вполне распространено массовое воровство со стороны поваров. Хотя и ситуация эта не нова для России. Где на государственных предприятиях сейчас не ворует только ленивый.

В итоге анализ этих и многих других причин приводит к одному и тому же выводу: в России необходима жесткая власть. Потому что народ ничто не остановит, кроме страха. В глобальном масштабе желательно изменение идеологической составляющей путем воздействия на подсознание масс. Но это способ рассчитанный на поколения. В первую же очередь сейчас важно спасти страну. А значит, и применять более решительные меры.)

5. Знание законов коллективного бессознательного (воздействие на архетипы) на службе манипуляторов

Манипулирование посредством провоцирования страха оказывает порой результирующее влияние на управление массами. Это, в свою очередь, сказывается и на власти. Даже, можно сказать, на качестве власти.

Потому как мы находим удивительную параллель между способами манипулирования и образующимися в результате этого реакциями на толпу (массу). Ведь так получается, что механизмы подавления массового сознания (и управления посредством этого толпой, массой, людьми) могут иметь различные последствия, зависящие, в свою очередь, от применяемых властью методик. Методики зависят от самой власти (режима управления). Существует две основные категории моделей власти (моделей политических систем). Это либерально-демократическая модель (основа — классический либерализм и свобода каждого отдельного, индивида как основная ценность, плюс правовое государство, плюрализм, парламентаризм и проч.) и тоталитарная, или авторитарно-тоталитарная модель (единый вождь, господствующая идеология, разделение на сторонников и противников правящего режима, методы жесткого подавления инакомыслящих и т. п.).

На наш взгляд, наиболее предпочтительна в условиях построения современного общества в нашей стране тоталитарная модель (сначала, на период укрепления страны после развала в период псевдодемократии — методы И. В. Сталина. После — период процветания времен Л. И. Брежнева, с учетом современных особенностей развития глобализации и т. п., включая опыт прошлого и настоящего, когда необходимо взять только оптимально лучшее).

Кстати, нам не следует так-то уж бояться слова тоталитаризм. Ведь во многом негативизм названия был сформирован во времена разрушителей режима (начало было положено троцкистом Хрущевым на XX съезде партии).

«XX съезд нанес по советскому строю удар, от которого он уже и не оправился, — пишет проф. Кара-Мурза¹⁹. — Это был первый принципиальный шаг к разрушению легитимности

советского государства. Был начат тот же процесс, что привел к краху Российской империи в феврале 1917 г. Не важно, что было причиной такой направленности XX съезда — злой умысел, тупость или халатность команды Хрущёва, но объективно это было государственным преступлением. Да и не только на Хрущеве вина, свою лепту вложили все последующие генсеки КПСС. Хрущев повредил несущую опору государства, Брежнев ее не отремонтировал, а лишь замазал трещину краской, Горбачев и Ельцин расковыряли трещину и обрушили здание... Для урока надо сначала зафиксировать очевидный факт. Передохнув во время НЭПа, СССР на 25 лет перешел в чрезвычайный период жизни. В нем было три этапа: форсированная индустриализация (и сопряженная с нею коллективизация), Отечественная война, форсированная программа восстановления. Это — единое целое, особый тип жизни и организации общества. На научном языке — мобилизационный социализм, на языке демократов — казарменный социализм или сталинизм. Был у нас такой исторический период, и никуда от этого не деться. Жить в казарме мало радости, это все понимают. Поэтому всегда есть дезертиры. Но про себя даже и дезертиры знали, что без той сталинской казармы мы бы войну не вытянули. Представьте: вместо Сталина у руля стоял бы Горбачев, вместо Молотова — Гайдар с Козыревым, а вместо Жукова войсками командовал бы Павел Грачев. И тогда все понимали, зачем нужен сталинизм, потому и собрались люди в тоталитарное общество, как в военный отряд. Потому и возник культ Сталина как командира. Такого культа сверху не создашь ни кнутом, ни пряником. Хрущев и Брежнев это попытались сделать по причине полного непонимания. Тут спорить не о чем...

...К середине 50-х годов чрезвычайный период закончился... Из казармы надо было выходить, проводить демобилизацию. Но это очень трудное дело. Надо остановить маховик и демонтировать машину тоталитаризма, а сознание у всех по инерции тоталитарно. Привычки, которые были так необходимы целых двадцать лет, сменить непросто.

Так вот, эту операцию Хрущев и его команда провалили. Они перенаправили энергию маховика на разрушение государства. Выход из "мобилизационного социализма" решили провести посредством слома сначала его идеологической базы, а затем и организационной...».

В результате чего страна и получила ту идеологическую пробоину, от которой уже не могла оправиться, и через тридцать лет, в результате ошибок государственных лидеров Великая Империя, которую боялся и уважал весь мир (а Запад тратил миллиарды на ее разрушение), перестала существовать и теперь вынуждена выживать исключительно за счет своих природных богатств.

Вернувшись к сравнению тоталитаризма и демократии, нам хотелось бы заметить, что на самом деле как такового тоталитаризма нечего бояться. Да и боимся мы большей частью только названия. И исходя из того, что психика индивида особому реагирует на образы (мы мыслим образами), и получается что в наше подсознание заложена совсем неверная интерпретация тоталитаризма.

«Власть, навязанная силой, именуется диктатурой, тиранией и прочее, — пишут авторы "Проекта Россия"²⁰. — Эти слова несут в себе отрицательную смысловую нагрузку и потому неизбежно влияют на сознание. Раз мы это понимаем, значит, должны учитывать и делать на это поправку. Тем более, слов, определяющих такую форму власти с положительным оттенком, в современном лексиконе нет (демократия, понимающая толк в информационной войне, постаралась).

Итак, диктатура. Рассмотрим естественные устремления ее природы. К чему она тяготеет? Как это ни удивительно, диктатор обязан прививать народу понятия патриотизма, чести и долга. Если он не будет формировать иерархию ценностей, где человеческие качества выше прибыли, стимулом будут материальные блага. Понимание прибыли как высшей ценности сделает из людей потребителей. Экономика станет единственной основой государства, активизируя людей потреблять все больше и больше, обосновывая это желание различными правами и свободами. Далее появляются лозунги в духе "вся власть народу". Неизбежен рост протестных энергий, как естественный, так и накачиваемый врагами. В определенный момент они превысят силу государства и в час X буквально разорвут страну на части. Диктатура рухнет, на ее обломках расцветет демагогическая риторика демократии, и власть перейдет к капиталу. В общем, мы повторяем то, о чем говорили ранее. Парадокс в том, что чем успешнее тира-

ния прививает народу идею совести и долга, тем меньше народ способен терпеть осознанную несправедливость. Власть на силе означает власть насильника над жертвой, власть террориста над заложниками, — несправедливости не избежать. Честные граждане, движимые понятием о чести и подстрекаемые внешними врагами, вступают в борьбу с тиранией. Враги всячески подпитывают эту атмосферу, и при первой же возможности такая власть свергается. Когда монархия стала пониматься как тирания, у нее не было шансов выжить. Никакие штыки не могли защитить ее от развала.

Выходит, чем больше тоталитарная система создает людей чести, тем ближе она к гибели. Природа СССР создала диссидентов. Они же его и разорвали, при этом сами толком не понимали, что творят. Их просто использовали. Диссиденты были инструментом, которым манипулировали западные специалисты. Но эффективными эти инструменты стали благодаря тому, что в советских школах объясняли, что такое совесть. Когда воспитанный в таких традициях человек видел в реальной жизни явления, противоречащие его принципиальным установкам, но не понимал ситуации в должном масштабе, он не мог сделать верных выводов и становился идеальным материалом для вражеских манипуляций.

Чтобы понимать свою страну как "Империю Зла", нужно иметь базовые понятия о Добре и Зле. Современный кризис демократии, напротив, в том, что жители не имеют таких понятий. Их все меньше и меньше можно подвигнуть на духовные подвиги и поступки. Потому что человеческие понятия заменены математическими. Прибыль и Убыток сегодня координируют жизнь демократического общества. Особенно ярко опасные последствия такого мироощущения видны на примере демократических армий, где солдаты и офицеры уже не служат Родине, а работают, то есть получают прибыль. Готовность умирать за прибыль противна человеческой природе. Запад обречен слабеть в человеческом понимании, усиливаясь лишь экономически. В итоге Рынок душит такое общество в смертельных объятиях».

Почему же для России наиболее предпочтителен будет именно тоталитарный режим? На наш взгляд, необходимость введения тоталитарного режима в нашей стране связана со спецификой психики русского человека (так же, как и психики таджика, узбека, киргиза, туркмена и проч. бывших советских азиатских

республик), который, видимо, уже на уровне ментальности испытывает тревогу в случае необходимости принятия самостоятельных решений. То есть он, разумеется, может (и в иных случаях даже хочет) принимать такие решения; но вот это желание, неожиданно возникающее в его сознании, порой входит в полное противоречие с тем, что скрывается (архетипически, филогенетически) в его подсознании. А ведь, как известно, именно от того, что находится в бессознательном (подсознании) индивида зависит его поведение, возникновение мыслей, появление желаний.

То есть, другими словами, в бессознательном индивида заложены те механизмы, которые в последующем оказывают результирующее влияние на появление и мыслей, и поступков, и желаний. И здесь уже ничего не поделаешь. В основе анализа поведения индивида таится именно то, что скрывается в его подсознании. Именно там находится тот клубок знаний, влияющий на мыслеобразы, и мы не зря упомянули в контексте формирования бессознательного филогенетические схемы. Ведь опыт предков поистине уникален. Он позволяет каждому последующему поколению пользоваться благами (информацией), доставшейся от предшествующих поколений, уже имеющих в подсознании индивида.

И опыт этот дорогого стоит. Даже при необходимости обучения само это обучению проходит намного быстрее (на порядок, на несколько порядков быстрее — современному русскому, немцу или французу потребуется меньше времени на овладение какими-либо науками, чем турку или чукче), потому как нашими предками уже пройден некий этап развития; это они начинали жизнь с чистого листа, в период развития наук и совершенствования передачи информации и формировали собственное бессознательное, которое позже, смешиваясь в некую единую составляющую практически в полной мере слилось с бессознательным современного человека. А значит, нам, современным высокоразвитым нациям, потребуется гораздо меньшее время, чем это потребовалось бы, не пройди наши великие народы такой путь развития.

Так называемое коллективное бессознательное, или архетипы (у Фрейда это филогенетические схемы) открыл Карл Г. Юнг. «В каждом отдельном человеке, — писал Юнг в работе "Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное"²¹, —

помимо личных воспоминаний есть великие "изначальные" образы... т. е. унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна. Факт этого наследования объясняет тот, по сути дела, странный феномен, что известные сказочные образы и мотивы повторяются на всей Земле в одинаковых формах... когда воспроизводятся фантазии, уже не основывающиеся на личных воспоминаниях, речь идет о манифестациях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы. Эти образы и мотивы я назвал архетипами... Это открытие означает дальнейший шаг вперед в развитии нашей концепции, а именно признание наличия двух слоев в бессознательном. Дело в том, что мы должны различать личное бессознательное и не-, или сверхличное бессознательное. Последнее мы обозначаем также как коллективное бессознательное (коллективное бессознательное представляет собой объективно-психологическое, а личное бессознательное — субъективно-психическое) — именно потому, что оно отделено от личного и является абсолютно всеобщим, и потому, что его содержания могут быть найдены повсюду, чего как раз нельзя сказать о личностных содержаниях. Личное бессознательное содержит утраченные воспоминания, вытесненные (намеренно забытые) тягостные представления, так называемые подпороговые (сублиминальные) восприятия, т. е. чувственные перцепции, которые были недостаточно сильны для того, чтобы достичь сознания, и, наконец, содержания, которые еще не созрели для сознания. Оно соответствует часто встречающемуся в сновидениях образу Тени (Под Тенью я понимаю "негативную" часть личности, а именно сумму скрытых, невыгодных свойств, недостаточно развитых функций и содержаний личного бессознательного». На различных примерах Юнг рассматривает некоторые открытия, и достаточно обоснованно доказывает свою теорию, что психика индивида уже как бы изначально находится в некоем взаимодействии с коллективным бессознательным (с мировым разумом, если хотите). А потому любая новая идея, таким образом, испокон веков запечатлена в человеческом мозгу. Поэтому она в готовом виде заложена в бессознательном каждого. Требуются лишь определенные условия для того, чтобы снова заставить ее выступить на поверхность... Ве-

личайшие и наилучшие мысли человечества формируются поверх изначальных образов, представляющих собой как бы первичный рисунок. Меня уже часто спрашивали о том, каково же происхождение этих архетипов, или первообразов. Мне кажется, что дело обстоит так, как если бы их возникновение нельзя было объяснить никак иначе, как только предположив, что они представляют собой отражение постоянно повторяющегося опыта человечества, — заключает Юнг²². — ...Архетипы — это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но и вместе с тем они эмпирически выступают как силы или тенденции к повторению тех же самых опытов. Дело в том, что всегда, когда некоторый архетип являет себя в сновидении, в фантазии или в жизни, он всегда несет в себе некоторое особое "влияние" или силу, благодаря которой воздействие его носит нуминозный, т. е. зачаровывающий либо побуждающий к действиям характер».

«Бессознательные процессы, компенсирующие сознательное Я, — продолжает Юнг²³, — содержат в себе все те элементы, которые потребны для саморегулирования целокупной психики. На личностной ступени это не признанные сознанием личностные мотивы, появляющиеся в сновидениях; или значения дневных ситуаций, не замеченные нами; или выводы, не сделанные нами; или аффекты, которые мы себе не позволили; или критика, которую мы оставили при себе. Но чем больше путем самопознания и соответствующего ему поведения мы осознаем сами себя, тем интенсивнее исчезает слой личного бессознательного, залегающий поверх коллективного бессознательного. Благодаря этому возникает сознание, не втиснутое больше в мелочный и лично чувствительный мир Я, а сопричастное более широкому миру, объекту. Это более широкое сознание — уже не тот чувствительный, эгоистический клубок личностных желаний, опасений, надежд и амбиций, который должен быть компенсирован или хотя бы скорректирован противоположной бессознательно-личностной тенденцией, а та функция отношений, связанная с объектом, миром, которая перемещает индивидуума в безусловное, обязывающее и нерушимое сообщество с миром. Возникающие на этой ступени коллизии — это уже не конфликты, вызванные эгоис-

22 www.jungland.ru

23 Там же.

тическими желаниями, а трудности, касающиеся как меня, так и другого. На этой ступени речь идет в конечном счете о коллективных проблемах, приводящих в движение коллективное бессознательное, так как они требуют коллективной, а не индивидуальной компенсации. Здесь мы можем наконец спокойно признать, что бессознательное продуцирует содержания, значимые не просто для того, к кому они относятся, а и для других, даже для многих и, может быть, для всех... Процессы, происходящие в коллективном бессознательном, касаются, однако, не только более или менее личностных отношений индивидуума к его семье или более широкой социальной группе, но и отношений к обществу — человеческому обществу вообще. Чем более всеобщим и неличностным является условие, запускающее бессознательную реакцию, тем более значительной, чужеродной и подавляющей будет компенсирующая манифестация. Она побуждает не просто к частному сообщению, а к откровению, к исповеданию, она даже вынуждает к представительской роли».

Другими словами, Юнг находит своеобразное применение опыта предшествующих поколений в современных открытиях. Причем уже можно предположить, что коллективное бессознательное оказывает свое влияние на все поведение индивидов. Причем в манипулятивных методиках в данном случае вполне используются те схемы управления массами, которые позволяют власти достигать требований, направленных на обеспечение управления, задействования масс в достижении целей и задач, поставленных властью. А одна из задач, стоящих перед любой властью это, собственно, эту власть сохранить. А уже при сохранении власти возможно достижение поставленных этой властью целей и задач.

6. Кодировка психики масс как форма манипулятивного воздействия

Если проводить некий экскурс в историю, можно обратить внимание, что в применении манипулятивных методик управления массами не имеет такого уж ключевого значения в зависимости от режима правления. Можно было бы сказать, что при тоталитарном режиме управление значительно легче, в сравнении, например, с демократическим режимом. Но это не так. И

если и есть какие-то различия, то они простираются в плоскости использования тех или иных методов управления. То есть можно говорить, что, вероятно, в первом случае какие-либо манипуляции происходят несколько, если так можно выразиться, грубее. И базируются практически исключительно на провоцировании базовых инстинктов — том же страхе, например, как мы уже замечали ранее.

Если же говорить о современных методиках, то помимо страха тут уже происходит и вызывание чувства вины, провоцирование невроза (невротических зависимостей), да и вообще, видимо, вполне может быть представлен целый комплекс мер, направленных на более искусное воздействие на подсознание индивида. Когда получаемая информация на первый взгляд столь ничтожна по сути, что не вступает в противоречие с цензурой психики. А значит, вполне беспрекословно откладывается в бессознательном. До лучших времен, как говорится. И тогда, когда пробивает час «ч», происходит подача сигнала (как вариант — за счет закодированной информации), и как следствие — в поведении индивида начинают проявляться черты, спрогнозированные ранее манипуляторами.

Причем сам такой индивид в большинстве случаев не имеет представления о том, что в присущих ему поведенческих мотивах ключевая роль принадлежит не ему самому (его сознанию, например), а тому бессознательному, которое порой действует в унисон с коллективным бессознательным (в получаемом коде происходит также воздействие и на архетипическую составляющую, с задействованием коллективного бессознательного) для осуществления целей, необходимых манипуляторам. Другими словами, индивид ведет игру не по своим правилам. Про себя считая, что инициатива в принятии такого решения принадлежит исключительно ему, и вроде как повода для беспокойства нет.

Это не зомбирование. В данном случае все намного искуснее. Заложенная в индивиде информация хранится до времени, необходимого манипуляторам. И становится намного эффективнее в таком случае «окучивать» сразу массу (большое количество людей). А потому и эффект от подобных манипуляций порой не сравним с масштабами прошлого.

То есть сейчас, в настоящее время, достаточно легко происходит индуцирование большого количества индивидов, деюре разрозненных, а фактически уже изначально бессозна-

тельно объединенных в массу. В массу, формируемую при желании за молниеносный срок. Потому что в основании заложена одна информация и одна команда (на сход). А значит и проголосуют как надо, и соберутся где надо, и будут поддерживать ту линию власти, которая будет этой власти необходим.

В настоящее время индуцирование (заражение) происходит за счет коммуникативных методик общения (телевизор, радио, интернет, печатные издания т.п.), позволяющих в одно и то же время (одновременно) воздействовать на очень большую категорию людей. Зачастую или вне зависимости от их социального положения и уровня образования, или же — что более изысканно и, вполне возможно, практикуется — с ориентацией на фактический срез общества. Причем в итоге все индивиды объединяются в одну массу. И как будто бессознательно поддерживают ту линию, которую им навязывает правящий режим. А специфика самого режима не играет роли. Все одинаково работает при всех режимах. Главное, чтобы давали команду на начало воздействия те, кто чуть ранее давал команду на формирование в индивидах закодированной информации.

И вот здесь можно сказать, что в современной России только сейчас, с приходом к власти В. Путина (и уже к концу второго срока) власть смогла разгадать код механизма, приводящего в подчинение толпу. Причем даже скорее не разгадать старый код, а выработать (заложить) новый, который сначала заставила поглотить толпу (ничего не подозревающую), а уже после — воздействием на определенные рецепторы души — с легкостью манипулировать ею.

Причем все оказалось настолько эффективным, что вполне можно отметить высочайший профессионализм существующего режима, которому потребовалось времени намного меньше, чем предшественникам, для осуществления чего-то подобного. Да и пути иного не было. Учитывая, что после распада советской власти действительно были утрачены все коды доступа к запрограммированным ранее массам. То есть можно сказать, что за период существования советской власти народ успели запрограммировать. А вот ключи при смене строя потеряли.

Не потеряли. Основной части кодов доступа, конечно же, уже не было. Сменился классовый строй, режим, курс страны, в своей общей массе — правящая элита. И у новых руководи-

телей страны просто не хватило ни времени, ни уверенности в том, что можно вполне действовать старыми методами. Ведь в то время еще не сменилось даже поколение. И вполне возможно было, как говорится, «углубить и расширить». Что, в общем-то, и делали. Но столь поверхностно и словно бы нехотя отвлекаясь от разграбления великой державы. Это все равно, что вас запустили в закрома, наполняемые в течение как минимум полусотни лет, и сказали, что времени все забрать у вас нет. То есть никто не знает, сколько осталось времени. Поэтому просто подсознательно в таком случае власти придерживающиеся предпочитали сначала брать. А уже после — планировать решение каких-то вопросов. А все решалось тогда, словно бы в период «после работы».

Кстати, еще в 1995 году, до прихода к управлению страной Владимира Путина, когда о самом Путине кроме Санкт-Петербурга (где он работал 1-м замом тогдашнего руководителя города — Собчака) еще мало кто знал, в своей работе по исследованию президентской власти Владимир Медведев писал²⁴: «В условиях краха имперского принципа саморегуляции общественного устройства любой имперской нации, и русские здесь лишь подтверждают общее правило, предстоит в относительно сжатые сроки решить ряд дополнительных задач:

а) полностью сменить управленческую и интеллектуальную элиты, поскольку ранее они были вынужденно ориентированы на унифицированные, имперские, антинациональные по своей сути стереотипы деятельности;

б) возродить национально ориентированное воспитание в семье и обучение в школе;

в) начать процесс возрождения самовоспроизводящихся структур территориального, профессионального и коммуникативного характера, образующих защитный антиимперский буфер между личностью и государством;

г) вновь психологически освоить собственную территорию через эмоционально окрашенное восприятие историко-национальной традиции, очищенной от имперских наслоений и фальсификаций. При этом ряд регионов естественным образом подвергнется психологическому отторжению в силу явного разночтения подобного рода традиций (в качестве при-

меров явного историко-культурного отчуждения могут быть названы, скажем, Чечня и Татарстан).

Задачи эти чрезвычайно сложны и должны решаться в весьма сжатые сроки, поскольку отмеченное выше расслоение сферы поведенческих мотиваций на уровень вытесняемого имперского мировосприятия, привитого нам в детстве, и сферу адаптационного постимперского поведения порождает психологический дискомфорт. Болезненное ощущение бессознательного чувства вины за предательство родительской культуры и естественное желание реставрации прошлого, привычного состояния социальности, в которое мы все вживались с детства, усугубляются еще и тем немаловажным фактором, что переход в режим национальной государственности для имперской нации неминуемо связан со статусным унижением, требующим дополнительной компенсации.

Причем это состояние статусной униженности, разделенности проживания по территориям национальных новообразований, возникших на развалинах великой империи — Союза Советских Социалистических Республик, который некогда "навек сплотила великая Русь", может стать психологическим основанием как для процесса русского национального возрождения, так и для нового или же реставрационного варианта защитной имперской идеи. Русский этнос напоминает сегодня инвалида, разучившегося ходить самостоятельно, спутники которого убедили его отбросить костыли да и бросили посреди дороги, издеваясь на его беспомощностью. Поэтому-то сегодня тема статусной униженности русской нации и тех проблем, которые возникают у русского населения в странах "ближнего зарубежья", становится основным стимулом провоцирования политической активности российского населения, постепенно вытесняя имперский патернализм (тему защиты от преступности и т.п.) и тему борьбы за социальную справедливость, породившую недолгий, но яркий всплеск российской демократии».

Что, как мы уже знаем, и было сделано. Словно по лекалу российского ученого, занимающегося и в те годы, и сейчас вопросами управления (манипулирования массами).

Да и самому Владимиру Путину в условиях продолжавшегося развала и разворовывания страны, доставшейся ему от Ельцина, уже словно бы ничего и не оставалось, как сначала

спровоцировать заложенные в подсознании индивида архетипические составляющие (основная масса народонаселения страны сформировалась в период советской власти). А после, посмотрев, что есть и чего нет, — ввести дополнительные ориентиры (кодировку). Чтобы уже далее, действуя практически наверняка, осознать для себя, что при желании теперь с легкостью можно добиться любой цели. Причем то, что большинство людей в стране поддерживает Путина, факт уже для всех неоспоримый. Причем за Путина стали даже те, кто раньше как будто режим его и не принимал. Да и может быть сам режим (и аппарат власти, и многочисленный министерский аппарат) также не приемлет. Что совсем не относится к нынешнему президенту, которого народ любит и обожает. А рейтинги президента уверенно лидируют, обгоняя на несколько порядков любую персону в современной России.

Причем так получается, что готово поддержать Путина сейчас столь большое количество народа, что он вполне безболезненно может претворять в жизнь любое, даже самое непопулярное решение (вспомним монетизацию льгот и прочие чиновничьи выверты против народа).

И этому не стоит удивляться. Ведь в данном случае можно уверенно говорить, что ничего иного и не может быть, учитывая, что задействуется в данном случае подсознание. И какая-либо установка со стороны власти преподносится для самого индивида как его собственное желание. Потому как исходит уже из подсознания его. Подсознания, от которого, собственно говоря, и зависит формирование мыслей, желаний и поступков индивида. А уж воздействие на это подсознание оказывается столь искусным, что в большинстве своем индивиды (основная масса народа) нисколько не подозревают о характере проводящегося над ними эксперимента. Причем исходя из того, что сейчас уже вполне можно считать, что эксперимент удался, почти непременно следует говорить о некоей оказавшейся достаточно эффективной практике — той, которая со временем будет лишь доцентризовываться и уточняться дополнительными деталями (в этом ее универсальность), а в общем и целом уже все вполне апробировано и результативно, в чем можно убедиться, если попытаться более внимательно взглянуть на окружающих.

И при этом ведь только на первый взгляд может показаться верным ошибочное утверждение о том, что люди сами этого хотят (ну, или народ выбирает ту власть, которой достоин). Это не так. Если над людьми проводят специальную работу по формированию необходимых мыслей, эмоций, желаний и проч., то уже сложно будет говорить о каком-то осознанном выборе. Выбора большинству из них не оставляют. Все предсказуемо и загадано.

Только на первый взгляд кажется, что подобного (подобной кодировки) можно избежать, достаточно только не смотреть телевизор, не слушать радио, не читать газет и проч. Да, в какой-то мере это так. В подобном случае индивид вполне способен сохранить какую-то долю самостоятельности мышления. Но ведь он не может себя окончательно изолировать из социума. Да это и не нужно (маргиналы по-своему страшны и опасны). А значит, контактируя с другими индивидами (уже индуцированными), они все равно будут подвергаться коммуникативному воздействию, которое в данном случае попросту будет передаваться через других. Притом что в начале XXI века мы наблюдаем еще большее развитие науки и техники (в данном случае, видимо, следует сказать о компьютерных и нанотехнологиях как ключевых в развитии современной науки), а значит, совершенствуются и механизмы (способы) передачи информации от одного индивида к возможно большему числу других. И что удивительно, ведь тот же интернет сейчас значительно расширил возможности получения информации. Например, появилась возможность практически совсем не обращать внимания на какие-либо границы между странами, государствами, народами. И уже даже фактическое незнание языков не является принципиальным потому что практически любой электронный текст переводит электронный переводчик (хотя пока и в общих чертах, но общий смысл всегда понятен).

7. Формы и методы управления государством. Тоталитаризм или демократия?

Неверно было бы говорить, что прогресс опасен. Да, в какой-то мере это так, и, быть может, для человечества гораздо спокойнее было находиться на уровне хотя бы начала прошло-

го, а еще лучше — позапрошлого века (для планеты спокойнее). Но как ученые мы должны не только принимать, но и способствовать прогрессу. А как исследователи должны не только анализировать (действительность, например), но и находить возможные способы, устанавливать причины и следствия, в общем, всяческим образом способствовать разъяснению происходящего. Причем о том, что с развитием общества, развитием технологий совершенствуются и способы манипулятивного воздействия на массы, уже говорить не приходится. И при этом, что самое интересное (по крайней мере, на примере нашей страны), совсем нельзя так-то уж и считать, что как общий план манипулирования массами, так и какая-то определенно-конечная цель в чем-то ужасна и ошибочна. Вероятней всего, это не так. Да, как и при любом режиме, случаются перегибы. Но общий позитив очевиден. И что самое удивительное, интуитивно власть нащупала как раз то, что общей части народа и необходимо. Хотя, на наш взгляд, масштабы подобного слишком малы. Например, активно сажают проворовавшихся чиновников и губернаторов, но происходит это в количествах несравнимо меньших, чем требовалось бы. Так же, как, впрочем, на наш взгляд необходимо и несколько ужесточить террор внутри страны. Пусть это и будет в рамках демократии. Но демократии нашего, российско-советского образца. Ведь как ни крути, но времена Сталина можно считать периодом расцвета страны. Именно Сталин, получив крестьянское государство (с сохой и плугом), вывел его к созданию атомной бомбы и уважению со стороны крупнейших мировых государств. Уважению и страху. А страху — значит, и удержанию их от нападения на страну Советов (вспомним, первые шаги с целью подчинить Советскую Россию Антанта предприняла еще во времена Гражданской войны, пыталась это сделать на протяжении холодной войны — в постсталинскую эпоху, в какой-то мере осуществила в горбачевские времена, стала закреплять победу во времена Ельцина и вынуждена считаться с изменением ситуации при Путине, который вновь стал демонстрировать силу и мощь некогда великой империи).

Если же вновь добрым словом вспомнить Сталина, то можно смело говорить, что и своим величием как империи, и сохранением целостности государства, да и всем тем, чем пользовались люди на протяжении всех лет советской и пост-

советской власти, мы обязаны именно ему. И надо отдавать в этом отчет. И не идти на поводу у тех, кто не знает своей истории, использует в своих суждениях чужие мысли. И мы должны знать, что своей жизнью сейчас, целостностью и величию России обязаны всему тому, что было создано людьми во время руководства страной Сталиным. При этом с момента смерти Сталина прошло уже более 50 лет (И. В. Сталин умер в 1953 г. Сейчас 2007 г.) Причем это, конечно же, не исключительно наше мнение. Об этом говорят как уважаемые нами ученые, так и простые люди, которым довелось пожить в эпоху Иосифа Виссарионовича.

Говоря о тоталитаризме, вполне можно предположить, что для нашей страны это фактически единственное, что позволит держать основную часть народа в узде, заставляя работать и трудиться на благо созидания. Единственно, что в наше время было бы несколько неправильным принимать полностью тоталитарный режим как панацею от ран современного общества. Вероятней, все же стоит говорить о некоем современном варианте управления, когда будет представлен демократический режим русского образца. Когда будет по-прежнему предоставлен максимум свобод (глупо было бы запрещать литературу, музыку, и проч., — контролируя, что читать или слушать), но и при этом достаточно жестко будут наказываться те, кто идет против общества. Кто ведет паразитический образ жизни, беспробудно пьет и не работает, употребляет наркотики и совершает преступления. Таким людям сначала необходимо дать шанс к исправлению (причем исправление не заключается в изоляции. Систему исправительно-трудовых учреждений тоже необходимо пересматривать). А после подлежат они или длительной изоляции, или уничтожению. К сожалению, но, быть может, это единственный выход избавиться от всякой сволочи. Причем периодически необходимо прореживать и органы власти, и органы надзора, судебную систему и проч. Проворовавшихся чиновников вообще необходимо подвергать самым жестоким наказаниям. Каждый должен знать, что если делать зло другим людям, за это последует самое жестокое наказание. В исключительных случаях — расстрел (необходимо в обязательном порядке отменить мораторий на смертную казнь. Определенные лица подлежат уничтожению. Это аксиома развития общества. По крайней мере в применении к нашей стране).

При всем том нам не хотелось бы заострять излишнее внимание, выдвигая террор власти по отношению к своим согражданам как единственную форму управления в постсоветской России. Притом что зачастую оказывается так, что это один из способов не только подчинить толпу (как раз подчинить достаточно легко, и методика отлажена еще со времен Ле Бона и Фрейда), но и управлять ею. Как известно, управление управлению рознь. В данном случае, видимо, следует рассматривать конечную цель, достижение конечного результата. И при этом вполне отдавать отчет, что и цели могут различаться, и способы достижения целей заметно отличаться. Например, на наш взгляд, недостаточно просто добиваться от толпы выполнения каких-то требований (которые, например, вытекают из следования заданному курсу). Тут вопрос следует рассматривать значительно шире. И лучше вне зависимости от лидера. Потому как такого лидера, как Сталин, в стране больше не будет (или в ближайшее время явно не появится, хотя и в данном случае никакие прогнозы не работают). А значит, наиболее оптимальным для действующей (как и любой) власти является формирование бессознательного индивидов, населяющих великую державу (а Россия по-прежнему остается великой державой), таким образом, чтобы при необходимости достаточно легко подключиться к единому, коллективному разуму индуцированной толпы. Для того, чтобы направить ее на выполнение задач, необходимых, по мнению власти, для достижения светлого будущего. Что, собственно, сейчас и делается. Хотя и об этом никто вам прямо не скажет.

Почему же становится возможным подобное? Ну, прежде всего, следует отдавать отчет, что индивиды уже сами хотят подчиняться, для того чтобы снять свою невротическую зависимость (тревожность, беспокойство). Уже сейчас мы можем вполне четко говорить о том, что подобного рода зависимость развивается практически у каждого, кто в течение определенного времени смотрит телевизор (смотрит подолгу, и ежедневно). Причем можно было бы сказать, что в обычной жизни подобная зависимость как-то особенно не проявляется, за исключением того, что такие индивиды становятся в большей мере подвержены внушению (в сравнении с обычными гражданами) и их желаниями и поступками управляют

не они, а руководители канала, которые планируют ту или иную сетку вещания (а теми, в свою очередь, рынок. А рынок формирует капитал. А капитал всячески поддерживают помимо врагов народа еще и западные идеологи, задача которых не изменилась со времен существования советологов: дальнейший хаос в России, чтобы затем стало легче страну подчинить и контролировать).

Естественно, во всем этом на обывательском уровне достаточно трудно предусматривать какую-либо диверсию или преднамеренность. Разве что понимать это бессознательно.

Но в том и опасность развития современных технологий, что на деле все происходит словно бы бессознательно и без какого-либо видимого манипулирования со стороны власть предержащих. А на самом деле итог зачастую оказывается более чем печальный. И страна... страна, подчиняясь уготовленному для нее ритму, движется в заданном направлении. Бессознательно выполняя приказы свыше. И действительно, можно даже предположить, что люди, отдающие такие приказы, совсем даже не желают причинения нам всем какого-то зла. Проблема лишь в том, что, в общем и целом, они (да и мы все) образуем единую систему, в которой бессознательно соблюдаются определенные нормы и законы, направленные на выполнение одного. Единой, общей для всех задачи, спускаемой сверху. Причем здесь уже как нельзя лучше все подпадает под влияние архетипического составляющего бессознательного индивида. Когда нечто новое неким чудодейственным образом накладывается на опыт предшествующих поколений, сохранившийся в душе каждого из нас. И вступая во взаимодействие, выдает тот результат, который все мы и можем видеть при наблюдении за миром вокруг. За развитием страны в целом и отдельными индивидами, населяющими ее, в частности.

В итоге, получается, что демократия в современной России уже и не совсем обычная, а как бы демократия именно советско-капиталистического образца. И современная власть выстраивает в данном случае свои отношения с народом, основываясь на некоем видении будущего с учетом предпосылок, созданных в прошлом.

«С психологической точки зрения, — пишет В. Медведев в работе "Анализ структур коллективного бессознательного современного российского общества применительно к ин-

ституту президентской власти"²⁵, — демократия представляет собою систему навязчивых форм поведения и защитных объяснительных концепций, естественным образом востребуемых обществом в периоды ломки традиционных структур властвования, основанных на принципе патернализма и ведущих свое происхождение еще от организации первичной отцовской орды.

Первые проявления демократической организации общественной жизни мы обнаруживаем еще у древних латинян и этрусков, срыв формирования национальной государственности у которых породил великую Римскую Империю.

Демократия суть инфантильный, регрессивный тип поведения, выражающий стереотипы младенческой сращенности с миром и другими людьми. Тоска по утерянному Отцу-владельцу, комплекс вины за его отвержение порождают спонтанную взаимоидентификацию и иллюзию равенства и братства. Не случайно самыми великими проповедниками демократии выступали и выступают люди инфантильного склада (типа А. Д. Сахарова и С. А. Ковалева), которые не способны воспринимать в качестве нормативного принцип реальности и воспроизводить взрослые адаптационные формы поведения.

Демократический миф есть вынужденная самоорганизация общества, лишившегося элиты, суть "крестовый поход детей", протестантская игра дизадаптантов. И мы еще хорошо помним атмосферу расцвета демократического мифотворчества и облик его обязательно кем-то обиженных, расхристанных адептов с неизменными плакатами на груди.

Дальнейший генезис демократических институтов возможен в трех направлениях:

а) из массы постепенно вычленяется новая элита героев-отцеубийц, которая тяготится демократическими институтами, делающими государственную машину неэффективной в силу чрезмерной инерционности массовых иллюзий и вынужденного популизма. Используя то или иное идеологическое обоснование, т.е. аргументацию, связанную с образом Врага, новые вожди переходят к авторитарным методам управления, сохраняя остатки демократии в качестве поддерживающей социальность иллюзии. Новое общественное

устройство может воспроизводить и традиционные каноны, но, как правило, речь идет об имперской организации и имперской идеологии, ибо элита героев-отцеубийц терзаема бессознательным чувством вины, снять которое может лишь реставрация прошлого. Причем интеграция демократических иллюзий в рамках имперской организации общества может достичь такого совершенства, как, например, в США, что борьба за торжество демократии во всем мире становится элементом имперского мифа и основанием для нагнетания традиционного для империи мессианского гегемонизма;

б) демократический миф становится реальным основанием социальности, для чего необходимо наличие следующих предпосылок:

1) сепаратизация личности от групповых и государственных структур на основе института частной собственности;

2) разрушение патриархальной семьи и постепенная реализация принципа некорпоративности быта;

3) принудительная инфантилизация населения посредством провоцирования специфической тревожности — страха ближнего своего;

4) наличие гарантированного конституционно механизма ротации элиты, позволяющего без слома системы социальности отреагировать двойственность отношения к псевдо-Отцам, воспринимаемым коллективным бессознательным массы одновременно и в качестве спасителей и в качестве виновников психологического дискомфорта;

5) выведение общественных структур, организованных на основе традиционного вертикального структурирования (типа армии, спецслужб, служб охраны правопорядка и пр.) за скобки политической жизни общества;

в) демократический миф, обеспечивая на какое-то время социальную стабильность и позволяя сформировать новую постимперскую элиту, обеспечивает относительно безконфликтный переход к системе национальной государственности, в ходе которого естественным образом отвергается в силу своей антинациональности и антигосударственности.

Основной принцип демократического мифа, гласящий, что каждый человек, независимо от его цвета кожи, национальной принадлежности, гражданства, образования, пола и возраста

обладает неотъемлемыми и равными с другими людьми правами, с социально-психологической точки зрения просто патологичен. Перед нами вариант бредовой моноидеи, ибо люди изначально не равны между собой, на чем и строится сама возможность социальности как заряженного эмоциональными переживаниями детства соотношения "элита-масса". Как в религиозном мифе моноидея свидетельствует о болезни социума, о невозможности коллективного бессознательного как-то снять напряжение глубинного чувства вины (что было продемонстрировано З. Фрейдом на примере еврейского народа в его классической книге "Моисей и монотеизм"), так и господство элитарной моноидеи в социальной мифологии демонстрирует нам кризисное состояние общества, которое может быть преодолено, а может перейти и в хроническое состояние.

Демократия может быть рассмотрена в качестве социального заболевания на следующих основаниях:

а) она постепенно разрушает систему социальной стратификации, размывает правящую элиту, лишает ее харизматической основы. В демократическом обществе нет и не может быть сословия Родителей, отсутствует естественным образом воспроизводящаяся статусная субординированность. Естественным образом складывающаяся элита (национальная, военная, образовательная, имущественная и пр.) постоянно принудительно "опускается" путем нагруженности дополнительной порцией комплекса вины; создается своеобразный ритуал дисконфорта элитарности;

б) демократический миф альтернативен не только имперскому (в силу своей либеральной ориентации), но и национальному мифу. Демократическое многонациональное государство может быть структурировано, во избежание постоянного кровопролития, исключительно по территориальному принципу. В рамках же мононационального общества демократическая идеология поддерживается путем накачки комплекса вины мажоритарной титульной нации по отношению к нацменьшинствам, намеренно импортируемым из различных горячих точек планеты;

в) демократический принцип социальной организации в своем предельном проведении является антигосударственным, ибо ориентируется на сознательное самоограничение массы, что абсурдно, ибо данное свойство присуще именно и исклю-

чительно элите. Это разрушительная сторона демократии настолько очевидна, что от нее конституционально оберегают наиболее важные общественные структуры (армию, материальное производство, сферу образования и здравоохранения и пр.). Когда же, в периоды тяжелейших революционных потрясений, задачи стабилизации заставляют запустить вирус демократии и в данные сферы, создавая Советы трудовых коллективов и опрашивая студентов о качестве лекций профессоров, то это свидетельствует о критической точке социального кризиса, после прохождения которой произойдет либо полный распад государственности (называемый у нас "беспределом"), либо начнется регенерация общественной структуры на имперской или национальной основе;

г) демократическое общество достигает стабильности путем принудительной инфантилизации населения, организуемой через прямое или косвенное массообразование, что заставляет вводить в жизненный мир личности ряд дополнительных фобий, провоцируемых системой СМИ.

Список обвинений, адресуемых демократическому мифу, легко может быть продолжен. В концентрированном же виде эти обвинения формулируются следующим образом: демократия принципиально несовместима ни с одним из возможных типов социального устройства, ни с традиционным обществом (типа восточной деспотии, реанимируемой ныне иногда в режимах, организуемых ее реликтом — армией), ни с цивилизационными, т.е. компенсаторными формами — империей и национально ориентированным государством. При необходимости же вписать демократические элементы в структуру общества приходится применять ряд предосторожностей, системы сдержек и противовесов, определять запретные для демократии зоны, чтобы общественное здание не рухнуло.

Так зачем же она нам нужна, эта демократия? Почему она вновь и вновь прорастает на теле общества? В чем заключаются ее социальные функции?

Во-первых, демократический миф является не причиной, а индикатором социального кризиса, а точнее говоря — требуется коллективным бессознательным в качестве незамеченного, но очень опасного при передозировке лекарственного средства. Демократическая политическая система суть коллективный невроз, спасающий людей от индивидуальных форм

невротичности. Порождаемый ломкой привычного и естественного для людей общественного устройства (в нашем случае — имперско-коммунистической организации общества) мощный комплекс вины не приводит через режим самонаказания к всплеску алкогольной интоксикации, либо же — массовым маниакальным проявлениям, не вводит население в состояние апатии, прерываемое лишь вспышками якобы немотивированного насилия, а отреагируется через специально придуманную игру. Правила этой игры таковы, что ты сначала выбираешь себе суррогат-Отца, потом убеждаешься в его поддельности и лишаешь его своей любви (т.е. совершаешь над ним то наказание, которого заслуживаешь сам). Идентификация же с этим избираемым мальчиком для битвы позволяет получать искомое самонаказание в социально поощряемой форме, т.е. воспроизводить при этом наличную модель социальности. Говоря психоаналитическим языком, демократия суть садо-мазохистская игра, позволяющая массе проявлять порождаемую чувством вины аутоагрессивность без утери социальной стабильности.

Во-вторых, демократическая процедура позволяет совершенно естественным, хотя и случайным образом сформировать новую элиту. И поскольку масса избирает суррогат-Отцов по принципу соответствия их облика своим инфантильным архетипам, то эта новая элита, при всей своей случайности и полукриминальности, при том, что она тоже явно пока решает свои собственные психологические проблемы и переносит на систему отношений "элита — масса" структуру своего собственного "семейного романа", является тем единственным результатом, который достижим и по сути дела уже достигнут в России в ходе демократического перехода от имперского типа общества к национальному.

И, наконец, еще одна, важная функция демократии состоит в том, что она позволяет создать режим психологического отстранения у массы, оберегая людей от шока смены социальной модели. Постоянно имея возможность проецировать свои страхи и надежды, любовь и ненависть на собственноручно избранный объект, человек переходной эпохи как бы инсценирует свою душевную драму на политической сцене, достигая катарсиса, т.е. очищения от тревожности и деструктивных порывов.

В современной России демократический миф фактически находится уже на исходе своего влияния и мы можем подвести некоторые итоги его воздействия на наше общественное устройство и коллективную психологию.

В режиме психологического защитного отстранения демократия позволила нам успешно разыграть ряд политических пьесок сугубо терапевтического характера:

а) Сказка о счастливом обретении прекрасного принца, наследника великой империи, которому раньше злые недруги не давали заботиться о нуждах народных, но он чудесным образом явился и спасет всех нас (1985 — 1989 гг.). Империя уже была мертва в наших сердцах (одни анекдоты чего стоили!), но нужен был человек, который скажет нам об этом, проложит дорогу "новому политическому мышлению", а потом за это поплатится;

б) Душесципательная драма о поиске и нахождении предателя, открывшего ворота Врагу (1989 — 1991 гг.). Империя, застывшая в своем движении, прекратившая территориальную и культурную экспансию умирает, превращается в крепость, стенами страха отделяющую ее от остального мира, который становится логовом коварного Врага. Человек, приоткрывший нам окно в этот мир, показавший нам то, что средоточием страха, разлитого в мировом сообществе наций, являемся мы сами, совершил страшное предательство. Он разрушил стержень нашей социальности — образ Врага, ради борьбы с которым мы шли на столькие личные жертвы. По законам сказки, господствующим в нашем бессознательном, убивший Врага сам встает на его место. И расставаясь якобы навсегда со своим имперским прошлым на августовском карнавале у Белого дома, мы уже знали того, кто нам за все ответит ("оказался наш Отец не Отцом, а сукою...", говоря словами Галича), и того героя-отцеубийцу, который в полном объеме заменит нам уже отработанный объект любви и ненависти;

в) Невеселая комедия под залихватским названием "american boy, поеду с тобой!", позволившая подкрепить режим психического отстранения защитным фактором, известным в психоанализе под названием "идентификация с агрессором" (1991 — 1993 гг.). Если уж Враг победил и наша крепость пала, то давайте сдаваться на полную катушку: заведем себе Президента с его Администрацией и Госсекретарем, сенаторов

и губернаторов, позовем американских советников, как японцы в 1945 году, и наступит чудо возрождения! Кстати говоря, не так уж и неправ был А. Невзоров, называвший в 1992 году наше Правительство "оккупационным" — психологически, на уровне бессознательно воспроизводимых символических форм так оно тогда и было. И за это тоже кто-то должен был ответить;

г) античная трагедия, участвуя в которой и Хор (соратники Героя-отцеубийцы), и зрители, да и сам Герой-Президент прекрасно знают о том, что он обречен на гибель, на крах политической карьеры, хотя сам лично он ни в чем не виноват, — таковы законы жанра (1994 — может быть, дотерпим до 1996 года, когда нам обещали позволить распять нашего Героя легитимно, а может быть, и нет). Подробнее современная модель восприятия фигуры нынешнего Президента на уровне российского коллективного бессознательного подробнее будет разбираться в следующем разделе.

Пока же можно попытаться сформулировать главный вывод данного раздела и ответить заодно на вопрос о перспективах демократии в России.

При первом же взгляде на репертуар разыгрывания демократического мифа на российской политической сцене можно заметить характерное чередование жанров, отвечающих на традиционные "русские вопросы": "Что делать?" и "Кто виноват в том, что мы это сделали?" Виновного искать долго не приходится, ибо он всегда наготове — мы его для этого и выбрали (это вам не имперская модель, где властвующую элиту можно было "опускать" только в анекдотах и бредовых ритуалах псевдопоклонения!). Психологический механизм демократии прост и ясен: душевное здоровье народа в неврозогенной обстановке смены социального мифа обеспечивается за счет отреагирования обоих полюсов амбивалентного отношения (любви и ненависти) на одном и том же объекте. Но не в одно и то же время, как учил Иисус ("возлюбите врага своего...") — и в этом главное отличие нашей демократической модели от более стабильной западноевропейской, опирающейся на христианскую мифологию.

Российское общество восприняло детские демократические игры с небывалым энтузиазмом, поскольку инфантилизация в стране — большой Зоне всегда была на грани пре-

дельного значения (и особенно, по целому ряду причин, среди мужской части населения). Но имперское прошлое имеет и негативные последствия для массовой психологии, и главное из них — неизбывный патернализм, детская зависимость от властных структур как выражения родительского начала, а применительно к нашему случаю — как символического выражения т.н. "опорного объекта", материнской груди. Может быть, стоит даже заменить заимствованный термин "патернализм" на родное "кормило власти". Любой выраженный "оральный отказ" власти, попытка всерьез и надолго отнять нас от материнской груди государственного патронажа (типа пресловутой реформы 1992 года Ельцина-Гайдара) порождает сильнейший страх нелюбви, незащищенности и одиночества, выводящий нас автоматически во вторую, "кусачую" стадию оральной фазы развития.

Ни одно общество, а тем более организованное на федеральной основе, не в состоянии выдержать более двух последовательных циклов отреагирования любви и ненависти в отношениях "масса — правящая элита". Тот этап данного психологического действия, который мы переживаем сегодня и который характеризуется безнадежной попыткой запуска старого российского имперского мифа, а закончится традиционным для классической демократии и не опробованным у нас еще крахом функционирования Кабинета Министров, показывает, что в России наступает эпоха отдохновения от демократии. В детскую комнату, где резвятся милые сорванцы, периодически должны наведываться взрослые, чтобы уберечь детей от опасностей и заставить их прибрать свои игрушки. По мере становления властных структур и формирования правящей элиты демократические институты будут сворачиваться (естественно, во имя стабильности и безопасности граждан), начиная с муниципального уровня, где вместо низовых структур президентской власти во главе с назначаемым губернатором мы сегодня имеем мини-парламенты и мини-президентов.

Демократия дала нам главное — новую правящую элиту, каковой бы полукриминальной и бессознательно имперской она ни была. Как ни парадоксально это прозвучит, но именно ради этого и проводились все реформы (даже экономическая). Новая элита в поисках стабильного воспроизводства режи-

ма властвования абсолютно органично в течение нынешнего политического года выйдет на эксплуатацию национального мифа, чего ни при каких условиях не могла себе позволить ее предшественница времен "перестройки". При этом демократические механизмы становятся явным препятствием стабилизации социально-политической ситуации, а демократические лидеры — источником антигосударственных проявлений».

8. Скрытность манипулятивных методик в воздействии на психику индивида (массы)

Прослеживая вопрос использования манипулятивных методик в процессе управления массами, следует обратить внимание на то, что современная власть (да и, видимо, любая другая власть) старается явно не выпячивать свои методы воздействия на массу (толпу), притом что сама суть толпы уже практически не имеет значения. Так как независимо от статуса ее, в единой группе индивиды ведут себя на удивление одинаково.

«Исчезновение сознательной личности, — отмечал Ле Бон в работе "Психология масс"²⁶, — и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении — главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, — не требуют непременно и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы. Стоит какой-нибудь случайности свести этих индивидов вместе, чтобы все их действия и поступки немедленно приобрели характер действий и поступков толпы... Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем ду-

мал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие посредством этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности».

Причем в толпе отдельные индивиды словно бы наделяются некими едиными свойствами, они словно подпадают под власть единого порыва, и лидер, который в это время возглавит толпу, способен добиться своими действиями поистине невозможного. И фактически всего, что он захочет.

Становится возможным подобное от того, что толпа, масса, достаточно легко становится подвержена таким качествам, как внушение и заразительность.

Ле Бон отмечает²⁷, что в толпе наблюдается проявление «таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, — это восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта. Такой субъект вследствие парализованности своей сознательной мозговой жизни становится рабом бессознательной деятельности своего спинного мозга, которой гипнотизер управляет по своему произволу. Сознательная

личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения такой субъект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности. Люди, обладающие достаточно сильной индивидуальностью, чтобы противиться внушению, в толпе слишком малочисленны и потому не в состоянии бороться с течением. Самое большее, что они могут сделать, — это отвлечь толпу посредством какого-нибудь нового внушения. Так, например, удачное слово, какой-нибудь образ, вызванный кстат в воображении толпы, отвлекали ее иной раз от самых кровавых поступков.

Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе — это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром. Благодаря именно этому свойству толпы, нам прихо-

дится иной раз наблюдать, что присяжные выносят приговор, который каждый из них в отдельности никогда бы не произнес; мы видим, что парламентские собрания соглашаются на такие мероприятия и законы, которые осудил бы каждый из членов этого собрания в отдельности. Члены Конвента, взятые отдельно, были просвещенными буржуа, имевшими мирные привычки. Но, соединившись в толпу, они уже без всякого колебания принимали самые свирепые предложения и отсылали на гильотину людей, совершенно невинных; в довершение они отказались от своей неприкосновенности, вопреки своим собственным интересам, и сами себя наказывали... В числе специальных свойств, характеризующих толпу, мы встречаем, например, такие: импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенную чувствительность и т.п., которые наблюдаются у существ, принадлежащих к низшим формам эволюции, как-то: у женщин, дикарей и детей. На эту аналогию, однако, я указываю лишь мимоходом, так как мне пришлось бы нарушить рамки этой работы, если бы я захотел ее доказывать. Впрочем, это было бы бесполезно для людей, знакомых с психологией первобытного человека, тогда как для тех, кто не знаком с нею, такие доказательства все равно были бы недостаточно убедительны».

Видимо, исходя из как бы сознательного (на самом деле бессознательного отупения толпы) становится возможным и применение различных манипулятивных методик, вся суть и задача которых, собственно, сводится к воздействию на подсознание индивидов с целью формирования нужных мыслей, эмоций, образов и проч. то есть, другими словами, с целью управления такими индивидами. Причем, говоря об управлении, по всей видимости, не обязательно преследовать какой-либо негативный аспект. Нет. Суть управления как бы изначально не сводится к нанесению людям вреда (хотя и нечто подобное словно бы предусматривается во взгляде обывателя). На самом деле, на наш взгляд, уместней говорить о необходимости (и преимуществе, если хотите) самого управления, когда благодаря определенным технологиям для небольшой горстки людей становится возможным подчинить себе поистине нескончаемые человеческие ресурсы. Подчинить с целью направить для осуществления каких-то

масштабных проектов и проч., то есть мы рассматриваем как раз саму возможность такого подчинения. И вполне, на наш взгляд, обоснованно доказываем, что подобное возможно. А уже куда будут направляться эти людские потоки — это как бы второй вопрос. Хотя в данном случае дело и обстоит таким образом, что подобные два вопроса находятся, даже можно сказать, в некоем симбиотическом. Потому как второе почти непременно вытекает из первого. Но здесь уже вступают в действие законы природы. А также и то, что первое (подчинение) словно бы предполагает наличие второго (управления). И даже, может, выходит так, что без одного оказывается второе совсем ненужным, а то и невозможным.

Если проследивать управление массами за счет предварительного воздействия на подсознание с целью управления (манипулирования), то почти обязательно мы должны также заметить, что сами индивиды, испытывающие впоследствии подобное воздействие, сами как бы желают его. Ибо в их случае — нечто подобное не просто проявление манипулирования ими (ни о чем таком большинство и не догадывается), а именно благо для них самих, для народа (для масс). Ибо отыгрывают в таком случае массы свои различные невротические потребности. И, по сути, в данном случае (в случае масс) наступает исцеление (своеобразный терапевтический эффект) при условии рассмотрения болезни народа и сравнения ее с некоторыми случаями, встречающимися в клинической терапии (глубинной психологии — психоанализе).

Но ведь общество и на самом деле больно. Больно прежде всего индивидами, населяющими его. А если говорить сначала об одном индивиде, а он такой не один, значит, уже можно говорить о некой группе индивидов — массе. И уже рассматривать некую сплоченную массу индивидов, находящихся в состоянии, например, пограничной патологии. И уже именно так нам следует рассматривать общество. Об этом в конце жизни писал Фрейд (вспомним работы «Моисей и монотеизм» и др.), на это делает уклон в целом ряде своих исследований Владимир Медведев, руководитель Всероссийской ассоциации прикладного психоанализа. Подобное отмечают его ученики и многочисленные последователи, к числу коих относит себя и автор данной работы.

А вот выдержка из работы «Манипуляция сознанием» современного ученого, доктора наук С. Г. Кара-Мурзы. «Считается, — отмечает Кара-Мурза²⁸, — что утверждению психоанализа как основы доктрины манипуляции сознанием способствовали успехи ее применения в области рекламы. Но, по существу, на практике идеями психоанализа (не ссылаясь, конечно, на Фрейда) пользовались в своей очень эффективной пропаганде фашисты. Они обращались не к рассудку, а к инстинктам. Чтобы их мобилизовать, они с помощью целого ряда ритуалов превращали аудиторию, представляющую разные слои общества, в толпу — особую временно возникающую общность людей, охваченную общим влечением. Один из немногих близких к Гитлеру интеллектуалов, архитектор А. Шпеер, пишет в своих воспоминаниях: «И Гитлер, и Геббельс знали, как разжигать массовые инстинкты на митингах, как играть на страстях, прячущихся за фасадом расхожей респектабельности. Опытные демагоги, они умело сплавливали заводских рабочих, мелких буржуа и студентов в однородную толпу, формируя по своей прихоти ее суждения».

Фашисты исходили из фрейдистского сексуального образа: вождь-мужчина должен соблазнить женщину-массу, которой импонирует грубая и нежная сила. Это — идея-фикс фашизма, она обыгрывается непрерывно. Вся механика пропаганды представляется как соблазнение и доведение до исступления («фанатизация») женщины. Здесь — опора на первый, главный в учении Фрейда сексуальный инстинкт, Эрос (в психоанализе слово инстинкт имеет иной, нежели в физиологии, смысл; это не безусловный рефлекс, а влечение). Кстати, сам Фрейд был, видимо, восхищен новаторством фашистской пропаганды и в 1933 г. подарил Муссолини свою книгу, назвав его в посвящении «Героем Культуры».

Второй блок приемов, с помощью которых фашисты фанатизировали массы, обращаясь к подсознанию, опирается на другой главный в психоанализе Фрейда инстинкт — инстинкт смерти, Танатос. Культ смерти пронизывает всю риторику пропаганды фашистов. «Мы — женихи Смерти», — писали фашисты-поэты. Режиссеры массовых митингов-спектаклей возродили древние культовые ритуалы, связанные со смер-

тью и погребением. Цель была разжечь, особенно в молодежи, самые архаические взгляды на смерть, предложив как способ ее «преодоления», самим стать служителями Смерти (так удалось создать особый, небывалый тип нечеловечески храброй армии — СС).

В США основные понятия психоанализа начал приспособлять для целей рекламы ученик Фрейда Эрнст Дихтер, психолог из Вены, который эмигрировал в США в 1938 г. Начал он с рекламы мыла, потом автомобилей, а на волне повального увлечения американцев психоанализом сделал немислимую карьеру. Он создал «Американский институт по изучению мотивации поведения». Принципиально отвергая теорию рационального внушения, он утверждал даже, что главная ценность товара для покупателя заключается не в его функциональном назначении, а в удовлетворении запрятаных глубоко в подсознании желаний, о которых сам покупатель может даже не подозревать. В большинстве случаев это темные инстинкты и тайные желания, «вытесненные» в подсознание именно потому, что они неприемлемы для сознания.

По мнению Дихтера, рекламные агентства в США стали «самыми передовыми лабораториями психологов». Они «манипулируют мотивацией и желаниями человека и создают потребность в товарах, с которыми люди еще незнакомы или, возможно, даже не пожелали бы их купить».

Успех института Дихтера в манипуляции поведением покупателей (а доходы института уже в середине 50-х годов составляли баснословные по тем временам суммы) привлек политиков. Так из рекламы товаров психоанализ был перенесен в манипуляцию сознанием в политической сфере. В принципе, задачи были схожи. Как пишет журнал «Тайм», «политическая реклама приближается к коммерческой, просто-напросто заменяя товар кандидатом». В 1960 г. Дихтер был советником в избирательной кампании Кеннеди. После выборов стало возможным проверить эффективность его рекомендаций на огромном статистическом материале. Его стали привлекать как консультанта в избирательных кампаниях в международном масштабе.

В 1957 г. принципы использования психоанализа в рекламе обобщил известный американский социолог Вэнс Пэккард в своем бестселлере «Тайные искусители». Эта книга до сих

пор считается классическим трудом в рекламном деле. В дальнейшем психоанализ стал дополняться методами герменевтики, семиотики (науки о символах), этнографии и культурологии — оставаясь ядром междисциплинарного подхода.

Вслед за институтом Дихтера в США возникли другие известные исследовательские центры, где изучались возможности использования психоанализа для манипуляции сознанием — уже по более частным направлениям. Известный психолог Луи Ческин, который также одним из первых применил психоанализ в рекламе, директор «Американского института по исследованию цвета», вел обширные работы по воздействию на подсознание с помощью окраски. На этих работах строилась реклама таких фирм, как «Проктер энд Гэмбл» (парфюмерия), «Филип Моррис» (сигареты), «Дженерал Фудс» (пищевые продукты). Все это товары массового спроса, и полученный при их продаже статистический материал был огромен, так что Луи Ческин имел хороший объект исследования и получил впечатляющие результаты. По ним можно было определить, например, какие эмоции возбуждает в подсознании цветовая гамма избирательного плаката в приличных кварталах и в трущобах, у людей разного возраста, с разными доходами и уровнем образования, разной национальности и т. д. И еще. «В области радиовещания велись большие исследования того, как влияет на подсознание пол диктора, тональность и тембр голоса, темп речи. Все эти параметры стали подбирать в зависимости от того, какие струны в подсознании требовалось затронуть при том или ином сообщении. Во время избирательной кампании Кеннеди психоаналитики предсказывали, что в радиодebатах он будет проигрывать Никсону в определенных штатах из-за слишком высокого голоса и «гарвардского акцента» — там низкий и грубоватый голос Никсона будет восприниматься как более искренний. Кеннеди советовали при любой возможности избегать радио и использовать телевидение — при зрительном восприятии проигрывал образ Никсона. После выборов анализ голосования в разных аудиториях подтвердил расчеты аналитиков.

Важное направление в использовании психоанализа открыл Джеймс Вайкери — он изучал подсознательный фактор в семантике, то есть воздействие слова на подсознание. Очевидно, что именно в сфере языка лежат главные возмож-

ности манипуляции сознанием. Известно, например, что на подсознание сильно действует слово «жизнь» и производные от него, в том числе приставка био-. Она к тому же имеет добавочную силу оттого, что ассоциируется с наукой и пользуется ее авторитетом. Поэтому в рекламе эти знаки используются очень широко. Стоит бросить взгляд на московскую газету, и сразу бросается в глаза: «Магазин здоровья — БиоНормалайзер», «Лавка Жизни... Молодая грудь... Биомаска для груди за 100 руб.» и т. д. Отработанные на массовом объекте в области рекламы в торговле, найденные методы и приемы семантики были перенесены затем в идеологическую и политическую сферы.

Пожалуй, самую широкую известность принесло Вайкери не это фундаментальное направление, а потрясающее открытие, названное им «сублиминальной» (т. е. подсознательной) рекламой или сублиминальным кино. Известно, что процессы восприятия нелинейны, они имеют четко выраженные пороги. В сознание человека поступают только те сигналы, которые по своей силе и продолжительности превышают некоторый порог, а остальные, более слабые и краткосрочные сигналы (шумы) отсеиваются. Но что с ними происходит?

Вайкери договорился с владельцем кинотеатра в Нью-Джерси и провел такие опыты. Он поставил второй кинопроектор, который в промежутках между кадрами кинофильма на короткое мгновение (0,003 секунды) проецировал на экран слова «Кока-кола» и «Ешьте поп-корн» (воздушная кукуруза). Эти сигналы были ниже порога восприятия, так как сознание фиксирует зрительные образы, которые задерживаются не менее 0,05 — 0,06 секунды. Сигналы, посылаемые вторым проектором, сознание зафиксировать не могло. Даже те, кто был предупрежден, не смогли заметить этих кадров. Но глаз-то их видел, и Вайкери предположил, что сигналы отпечатываются где-то в подсознании.

Эти опыты продолжались несколько месяцев и давали устойчивый результат: на тех сеансах, на которых включался второй кинопроектор с рекламой, продажа кока-колы в буфете выросла на 16, а продажа воздушной кукурузы — на 50%. Для рекламы подобных продуктов эффективность была беспрецедентной. Но главное заключалось в сразу же понятой специалистами новой огромной возможности манипулиро-

вать поведением человека вообще с помощью самых разных сигналов, посылаемых ему с интенсивностью выше «порога регистрации» (глазом, ухом, обонянием), но ниже «порога восприятия» (сознанием). Это получило название «воздействие на подсознание на уровне подвосприятия» (subperception). Вскоре после опытов Вайкери исследования в этом направлении почти исчезли из открытой печати.

Использование сублиминального воздействия запрещено в рекламе. Однако наличие в видеороликах «25-го кадра» обнаруживается только с помощью аппаратуры. Примечательно, что в России ни разу не было сделано официального заявления, что на телевидении существует обязательный контроль рекламы (и вообще передач) на отсутствие в них знаков подпорогового действия. Более того, в Москве широко рекламируются видеокурсы иностранных языков фирмы «Intellect», которые, как сказано, «делают возможным запоминание за 60 часов занятий от 2000 слов, которые остаются в памяти на долгие годы, даже если язык не используется». Основаны эти курсы якобы на сублиминальном воздействии. В рекламе так и сказано: «25-й кадр из-за сверхвысокой эффективности был запрещен в рекламе. Но не в образовании. Начиная с 50-х годов методика интенсивного обучения использовалась спецслужбами разных стран для подготовки агентов и дипломатов!». И вот теперь — доступна для всех простых россиян. За небольшую плату в память будут вбиты 2000 слов, которые застрянут там навсегда, «даже если язык не используется». Иными словами, реклама прямо обещает, что человек будет искалечен, ибо память может работать, только непрерывно очищаясь от того, что не используется. Без забывания нет активной памяти. Но это лирика...

Из психоанализа в доктрину манипуляции сознанием перешло важнейшее для этого дела понятие «психологическая защита». Вначале этим понятием обозначалось явление личностное, внутрипсихическое, потом рамки расширились и стали говорить о «психологической защите» в межличностных отношениях, а затем и межгрупповых. Сейчас, например, в прикладной психологии есть направление, занятое постановкой психологической защиты делегаций, управляющихся на переговоры.

Поставил проблему защитных механизмов психики, противодействующих внедрению извне, сам З. Фрейд (в связи с сопротивлением пациента терапевтическому воздействию психоаналитика). Последователи Фрейда разработали разделы проблемы — выявили те «границы», те структуры психики, которые находятся под защитой (например, образ Я, самооценка), основные классы угроз и ущерба, признаки «запуска» механизма защиты (возникновение тревоги) и главные средства этого механизма.

Понятно, что успех манипуляции сознанием наполовину зависит от умения нейтрализовать, отключить средства психологической защиты каждой личности и общественных групп. Поэтому весь накопленный в психоанализе интеллектуальный багаж был воспринят теми, кто посвятил себя разработке технологии манипуляции. Главное, пожалуй, было взято уже не из классического психоанализа личности, а из учения о коллективном бессознательном. К нашей проблеме прямо относится развитая Карлом Густавом Юнгом в книге «Архетип и символ» идея о защитной роли символов.

Родившись как тип власти вместе с капитализмом и идеологией, манипуляция сознанием как раз и стала возможной благодаря тому, что был снят тот защитный пояс символов, который придавал прочность сознанию христианской Европы Средневековья. Протестантизм, дав этическую основу для капитализма, одновременно разрушил священные образы. Карл Густав Юнг пишет: «Бессознательные формы всегда получали выражение в защитных и целительных образах и тем самым выносились в лежащее за пределами души космическое пространство. Предпринятый Реформацией штурм образов буквально пробил брешь в защитной стене священных символов... История развития протестантизма является хроникой штурма образов. Одна стена падала за другой. Да и разрушать было не слишком трудно после того, как был подорван авторитет церкви. Большие и малые, всеобщие и единичные образы разбивались один за другим, пока наконец не пришла царствующая ныне ужасающая символическая нищета... Протестантское человечество вытолкнуто за пределы охранительных стен и оказалось в положении, которое ужаснуло бы любого естественно живущего человека, но просвещенное сознание не желает ничего об этом знать, и в результате повсюду ищет то, что утратило в Европе».

Можно считать, что Реформация (эта «великая Перестройка Европы») задала всем будущим манипуляторам главный принцип: перед овладением умами людей необходима подготовка — разрушение священных образов («штурм символов»).

9. Историческая предрасположенность России (как правопреемницы Страны Советов) к манипулированию. Революция 1917 года как форма неизбежности смены правящего строя

В вопросе развития и использования манипулятивных методов в управлении страной, видимо, обязателен некий экскурс в историю России, в частности, необходимо разобрать причины, почему стало возможным учреждение на территории великой Российской империи советского строя, власти рабочих и крестьян.

Как отмечает ученый, доктор наук С. Г. Кара-Мурза²⁹ в своей работе «Советская цивилизация. От начала до Великой Победы», «...Кризис в России начала XX века был вызван очередной волной модернизации. В конце XIX века Россия переживала развитие промышленности по образцам западного капитализма. Но это развитие происходило в иных культурных и социальных условиях, нежели на Западе, так что накопившиеся противоречия подвели к революции с иными "действующими лицами" ... Главные "действующие лица" имели ясно выраженную антибуржуазную и антилиберальную направленность».

Кара-Мурза также отмечает, что те силы, которые могли бы поддержать легитимность существующей власти (славянофилы в конце XIX века, «черносотенцы» после революции 1905 года), фактически не имели влияния в обществе. «Возник фатальный резонанс между делами подрывающих государственность сил и действиями самого государства, — пишет далее Кара-Мурза. — Разумные, примирительные и даже прогрессивные дела царского правительства стали нередко судиться двойным стандартом, искаженно восприниматься в общественном сознании и ухудшать положение. Александр II,

осторожно и успешно проведший труднейшую реформу по отмене крепостного права, был убит народовольцами.

Имевшими большой авторитет в общественном мнении западниками был создан ряд "светлых мифов" о Западе и одновременно ряд "черных мифов" о России. Все более широкими становились контакты русской интеллигенции с Западом, где с конца первой трети XIX века в общественном мнении стала господствовать русофобия — представление Российской империи как деспотической тирании, душивательницы всякой мысли и свободы. В этой установке удивительным образом совпадали идеологические противники — и консерваторы, и либералы, а потом и марксисты Запада. С большим трудом добились европейские правительства участия России, в соответствии с ее обязательствами по Священному союзу, в подавлении революции 1848 г. в Австро-Венгрии — и тут же всеми газетами Россия была названа жандармом Европы. Такое представление о России импортировалось на родину, где благожелательно перепечатывали и комментировали модную на Западе книгу французского маркиза де Кюстина, в которой он дал примитивную карикатуру на государственное устройство России».

Можно предположить, что именно тогда начался еще больший разброд в мыслях жителей России (а в полной мере такой разброд в мыслях, вероятно, начался еще при Петре I, проводившем свои реформы, целью которых было преобразование патриархальной Руси и фактически принятие всего западного). То есть русским сказали, что все, что у вас, — это плохо и отстало. А то, что на Западе, — цивилизованно и хорошо. (Вспомним, что примерно то же самое нам стали говорить после начала горбачевской перестройки, когда в страну потянулись вагоны с зарубежным ширпотребом, а жители некогда великой державы спешно стали перенимать опыт из-за рубежа в надежде улучшить свою жизнь. Не получилось.)

«С конца XIX века быстрая утрата легитимности власти в России стала все более очевидной, — продолжает Кара-Мурза. — Революционеры разных направлений (кроме социал-демо-кратов) стали широко использовать террор, и красноречивым симптомом болезни государства был тот факт, что реакция общества была чуть ли не благожелательной. По

делу Веры Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, суд присяжных вынес вердикт: «Не виновна».

В условиях кризиса легитимности выбор линии поведения власти всегда становится очень сложной проблемой: общество реагирует по принципу «всякое лыко в строку». Не смогла стать арбитром в нарастающем расколе общества и власти Церковь. Характер ее участия в политической жизни лишь уменьшил ее авторитет, что нанесло еще больший ущерб легитимности самодержавия. В свою очередь, правительство также выбирало не лучшие решения: на крестьянские волнения 1902—1903 гг. оно ответило репрессиями и введением телесных наказаний для крестьян. Тайная полиция построила небывалую в истории систему провокаций, санкционируя (через Азефа) широкий террор против государственных чиновников даже очень высокого ранга. Разоблачение таких фактов подрывало сами основы государства и права. Расстрел 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») сломал хрупкое равновесие — возник кризис, завершившийся первой русской революцией с массовым насилием над крестьянством.

Согласившись на допущение ограниченных гражданских свобод с выборами первого сословного парламента (I Государственной думы), даже при очень урезанных избирательных правах, правительство не смогло вести с Думой диалог. Выборы были неравными и многоступенчатыми (для крестьян — четырехступенчатыми), и их бойкотировали большевики, эсеры и многие крестьянские и национальные партии. Тем не менее около 30% депутатов (из 450) были крестьянами и рабочими — намного больше, чем в парламентах других европейских стран. Например, в английской Палате общин в то время было 4 рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте — 6, во французской Палате депутатов — 5, в германском Рейхстаге — 17. На выборы оказала влияние культурная среда России, и уже первая Дума несла в себе не только парламентское, но и советское, соборное начало. Царское правительство распустило первую Думу всего через 72 дня работы. В 1907 г., после разгона II Думы, новый избирательный закон сильно урезал представительство крестьян и рабочих.

Но этот «ручеек» уже размыл плотину самодержавия. И разгон Думы, и выпущенное ею «Выборгское воззвание», и суд над

подписавшими воззвание 167 депутатами (из которых 100 были кадетами — членами партии самых умеренных либеральных реформ), и заключение в крепость депутатов во главе с председателем Думы С. А. Муромцевым — все это углубляло раскол и восставляло против государства даже тех, кто был его опорой. Ведь среди осужденных был «цвет нации», представители старинных дворянских и даже княжеских родов.

Роспуск Думы, на которую крестьяне возлагали надежды в решении земельного вопроса, сильно подорвал монархические чувства самого многочисленного сословия. Возросло пассивное сопротивление (например, бойкот винной монополии). На сходах принимались решения такого рода: «Мы полагаем, что в настоящее время глупо было бы платить подати, поставлять рекрутов и признавать какое-либо начальство — ведь это все лишь к нашему вреду ведется».

Таким образом, уже можно предположить, что тогдашние правители Руси действительно стали заложником надвигавшегося кризиса. Причем мы можем говорить, что той ситуации именно приход к власти большевиков оказался наиболее оправданным как для России, так и для всего русского народа. Но это произошло несколько позже. А тогда, в 1914 году, начавшаяся Первая мировая война только углубила кризис, разраставшийся в обществе.

«Начавшаяся в 1914 г. война углубила кризис, — продолжает Кара-Мурза. — Неудачи на фронте легко порождали слухи об измене — верный признак утраты легитимности власти. Вопрос: “Что это — глупость или измена?” — стал чуть ли не девизом выступлений в Думе. Председатель Центрального военно-промышленного комитета прогрессист А. И. Коновалов заявил в марте 1916 г. на съезде земских и городских союзов, что “под прикрытием работы на оборону страны Всероссийские земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты должны выделить из своей среды высший орган, который явился бы для всех них единым направляющим центром и был бы как бы штабом всех общественных сил России».

Как отмечает Кара-Мурза, в стране фактически процветал духовный распад в высших эшелонах власти. Взятничество и казнокрадство приняли катастрофический характер. Какие-либо назначения решались через дворцовые заговоры. В итоге уже фактически наметился распад власти, к которой в обществе относились с глубоким презрением.

«Это отвращение, — отмечает ученый, — к которому нечувствительна демократия, было губительно для монархии, легитимность которой предполагает наличие благодати».

«16 декабря 1916 г. А. И. Коновалов заявил в Государственной думе: вся Россия уже осознала, что "с существующим режимом, существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом". В конце 1916 г. распад государственного аппарата на его высших уровнях резко ускорился. Почти перестал собираться Государственный совет, многие из его членов вошли вместе с думским большинством в «прогрессивный блок», и 1 января 1917 г. пришлось реформировать Госсовет, заменив оппозиционеров крайне правыми. В Совете министров шли непрерывные ссоры и интриги, замены министров ("министерская чехарда"). Начались тайные совещания противостоящих групп министров, и решение всех важных вопросов взяла на себя придворная камарилья».

И далее события уже развивались стремительно.

«25 февраля 1917 г., — отмечает Кара-Мурза, — массовые демонстрации под лозунгами "Хлеба!" и "Долой самодержавие!" переросли во всеобщую политическую стачку. На другой день к ней стали присоединяться войска. 27 февраля Совет Министров послал царю в ставку (Могилев) телеграмму с просьбой о коллективной отставке и разошелся. 28 февраля многие министры, включая председателя Совета министров, были арестованы.

27 февраля Дума, подчинившись указу о ее роспуске, собралась на "неофициальное" заседание и образовала "Временный комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами" из 12 человек (председатель — октябрист Родзянко, члены "прогрессивного блока", один меньшевик и трудовик Керенский). На другой день Временный комитет назначил генерала Л. Г. Корнилова на пост командующего войсками Петроградского округа и послал своих комиссаров в Сенат и министерства. Он стал выполнять функции правительства и направил в ставку А. И. Гучкова и В. В. Шульгина для переговоров с царем об отречении, которое состоялось 2 марта. Временный комитет Думы продолжал действовать во главе с Родзянко до начала октября как орган

“общественности”. Он собирал иногда членов Государственной думы на “частные совещания”, которые выполняли роль совещательного органа при Временном правительстве.

2 марта в результате переговоров Временного комитета Думы с Исполкомом Петроградского Совета было создано Временное правительство. Великий князь Михаил, к которому перешла корона, отрекся от престола в пользу Временного правительства. С английским правительством велись переговоры о переезде семьи Романовых в Англию. 22 марта английское правительство приняло решение о приглашении Романовых, запросив при этом справку об имущественном состоянии семьи (“Весьма желательно, чтобы Его величество и его семья имели достаточные средства”). Затем, однако, король Георг V, двоюродный брат как Николая II, так и Александры Федоровны, категорически потребовал от правительства отмены приглашения. Английский заместитель министра иностранных дел вел переговоры с Францией, но ему ответили отказом принять Романовых якобы из-за германофильской репутации Александры Федоровны. Летом Временное правительство повторило запрос, но, как вспоминает А. Ф. Керенский, посол Англии Бьюкенен “со слезами на глазах” сообщил об окончательном отказе. Авторы большого исследования этой истории, опубликованного в Англии в 1976 г., пишут, что это и «решило судьбу Николая II и всей его семьи». Видимо, решение о его судьбе было принято в очень влиятельных европейских кругах, так что даже родственные связи не помогли».

Новое правительство было организовано из буржуазии, помещиков и кадетов и начало с объявления амнистии политическим заключенным, замену полиции — милицией, а также реформой самоуправления.

Получалось, что заменив собой царя, Госдуму и проч. и соединив в своем лице всю власть (законодательную и исполнительную), Временное правительство, по словам Кара-Мурзы, стало считать себя правопреемником монархического государства, стремясь сохранить старый государственный аппарат в который, впрочем, уже включались представители советов, профсоюзов и т. п.

В итоге в результате нескольких правительственных кризисов изменялся состав правительства, оно стало коалиционным, но уже ничто не могло изменить его судьбу. Да и в самой деятельности оно уже руководствовалось правилом еще боль-

ших поблажек толпе, массе. Той массе, которая, почувствовав свою силу (а фактически — почувствовав возможность безумия и беззакония), бурлила, выдвигая различные требования, иной раз и противоречивые.

К тому же следует заметить, что ни Милюков, ни его сторонники не считали большевиков реальной угрозой. И рассчитывали, что если Ленин сможет сбросить правительство Керенского, то Милюков, Родзянко, генерал Алексеев и другие, кто готовил заговор с целью захвата власти и установления правой диктатуры, собственно, эту власть и установят.

«Ленин сбросит Керенского, размышляли они, — отмечает историк Ю. В. Емельянов³⁰, — и тем самым, не подозревая об этом, расчистит путь к созданию “крепкого государства”, которое неизбежно придет к власти через три или четыре недели. Более того, по словам Керенского, правые заговорщики «распространяли компрометирующие слухи и сплетни» против Временного правительства. Керенский писал: “Именно такие “документы” дали в руки Ленина, Троцкого, Сталина и им подобным необходимые “свидетельства”, чтобы изобразить меня сторонником Корнилова”».

«В отличие от правых заговорщиков, — продолжает Емельянов³¹, — западные державы всерьез опасались прихода к власти большевиков и выхода России из войны. Именно этим и объяснялся приезд Моэма в Петроград. Менее чем за три месяца... этот... разведчик сумел организовать контрбольшевистский переворот с участием руководителей чехословацкого корпуса, видных генералов России и правых эсеров во главе с... террористом Б. Савинковым. (Разрозненные части этой заговорщической организации выступали против советской власти в различных частях России в течение 1918 года.) Позже Моэм описал, как он отправил зашифрованный план государственного переворота в Лондон. Он утверждал, что «план был принят, и ему были обещаны все необходимые средства». Однако великий разведчик попал в цейтнот. “Время поджимало. Росли слухи о растущей активности большевиков. Керенский носился взад и вперед, как перепуганная курица”. Очевидно, что сведения о тайной деятельности подданных Великобри-

30 Емельянов Ю. В. Сталин. Путь к власти. М. Вече. 2006 г. С. 322.

31 Там же.

тании становились известны большевикам. Во всяком случае, Сталин в своей статье «Иностранцы и заговор Корнилова» (14 сентября) обратил внимание на активное участие британских подданных в заговорах на территории России».

По словам Кара-Мурзы³², в результате того, что либеральные революционеры разрушили власть и Временное правительство вместо губернаторов назначило своих комиссаров, в стране фактически началось безвластие. Причем у назначенных комиссаров не было возможности как-то повлиять на положение. «Как они сами заявили на совещании в Петрограде, — продолжает Кара-Мурза³³, — без опоры на местные советы их власть "равна нулю", — но правительство вело дело к конфликту с Советами, в то же время потакая им (например, через комиссаров правительства шла финансовая поддержка Советов). Даже газета эсеров "Дело народа" жаловалась: "Местной власти нет: одни органы разрушены, другие нежизнеспособны, а главное — лишены всякого авторитета в глазах населения".

На этом фоне в области государственного строительства делалось следующее. 25 мая было образовано Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание. Выборы были назначены на 17 сентября, а затем перенесены на 12 ноября. До этого собирались разного рода форумы, которые должны были оказать поддержку правительству: Государственное совещание (12–15 августа в Москве) и Демократическое совещание (14–22 сентября в Петрограде). Последнее избрало Временный совет республики — Предпарламент. Предполагалось, что ему станет подотчетно правительство, но на деле Предпарламент сам стал лишь совещательным органом при Временном правительстве и заметной роли в укреплении государственной системы не сыграл.

3 июля было нарушено неустойчивое равновесие сил между Временным правительством и Петроградским советом («двоевластие»), была расстреляна демонстрация, шедшая под советскими лозунгами. Сформированное 24 июля правительство стало сдвигаться вправо, его председатель А. Ф. Керенский (перешедший в партию эсеров) занял посты военно-

32 Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М. Эксмо; Алгоритм, 2005. С. 139.

33 Там же.

го и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим.

25 августа произошел неудачный мятеж генерала Корнилова, который вместе с рядом других генералов пытался свергнуть Временное правительство. После этого из правительства были удалены министры-кадеты и 1 сентября сформирована Директория из пяти человек во главе с Керенским (в тот день Россия была объявлена республикой). Директория существовала до 24 сентября, когда было сформировано правительство.

В особых случаях Временное правительство создавало специальные органы: после событий 3—5 июля вместе с меньшевиками и эсерами из ВЦИК была учреждена Комиссия по водворению порядка в Петрограде, 25 июля был создан Комитет обороны, в который вошли ведущие министры. В конце сентября на секретном совещании в Ставке с деятелями буржуазных партий был утвержден план военного переворота. С фронта снимались войска и располагались вблизи крупных городов. Была создана возглавляемая министром внутренних дел Комиссия по разгрузке Петрограда, которая готовила переезд в Москву правительства и высших учреждений власти. Хотя было объявлено о ликвидации политического розыска, продолжался сбор материалов о рабочем и крестьянском движении, деятельности партий (с июня этим занялся Осведомительный отдел Главного управления по делам милиции).

При Министерстве юстиции 4 марта была учреждена получившая большую известность Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц. Она вела допросы высших царских чиновников и сановников и готовила «стенографические отчеты», главным редактором которых был поэт А. А. Блок.

15 августа в Москве открылся церковный Собор, который должен был обсудить вопросы взаимодействия Православной церкви с новым государством. 5 ноября Собор избрал Патриархом всея Руси московского митрополита Тихона (В. И. Белавина).

В государственном аппарате на местах произошли более крупные изменения, чем в центре. Здесь происходило два процесса — децентрализация (вследствие ослабления государственного аппарата и местнических устремлений буржуа-

зии) и демократизация — под сильным давлением снизу. Были ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления. Упраздненные должности заменялись комиссарами Временного правительства. В первые дни революции на местах в противовес Советам буржуазия создавала комитеты общественных организаций, которые сотрудничали с комиссарами.

Значительно расширились полномочия земских и городских органов самоуправления. Волостные и уездные земские учреждения стали избираться всеобщими прямыми и равными выборами с тайным голосованием. Старые волостные крестьянские учреждения (сход, суд, правление) упразднялись. В городах с населением свыше 150 тыс. человек были учреждены районные думы (и их управы) как органы самоуправления.

21 апреля был учрежден Главный земельный комитет, а также губернские, уездные и волостные земельные комитеты. Состав Главного земельного комитета был чисто кадетским. Основная задача этих комитетов состояла в том, чтобы предотвратить стихийное решение земельного вопроса крестьянами, затянуть процесс всякими проволочками и согласованиями. На местах стихийно создавались продовольственные комитеты, которые 2 апреля были закреплены как местные органы Министерства земледелия. Первоначально их задачей была борьба со спекуляцией и оказание помощи голодающим, а в сентябре они втянулись в политическую борьбу (срывали политику твердых цен).

Новым институтом местной власти стали учрежденные в июне комиссары труда, при которых действовали фабрично-заводские инспектора. В ведении комиссаров находились создаваемые на предприятиях примирительные камеры из представителей рабочих и администрации. Если трудовой конфликт не решался в примирительной камере, он передавался в третейский суд, составленный поровну из рабочих и предпринимателей.

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по армии — важнейшему институту государства. 2 марта секретарь ЦИК Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н. Д. Соколов (бывший, как и Керенский, одним из руководителей российского масонства тех лет) под-

готовил и принес в только что созданное Временное правительство известный «Приказ № 1». Приказ предусматривал выборы в войсках комитетов из нижних чинов, изъятие оружия у офицеров и передачу его под контроль комитетов, установление неограниченной “ни в чем” свободы солдата. Этот приказ начал разрушение армии. Став военным министром, Керенский издал аналогичный приказ, известный как “Декларация прав солдата”. В июле генерал Деникин заявил: “Развалило армию военное законодательство последних месяцев”.

Строго говоря, как показали детальные исследования истории принятия приказа № 1 Петроградского совета, этот приказ не содержал пункта о выборности командного состава в армии. Но эта идея господствовала в настроении солдат, и они истолковали этот приказ по-своему. Часто они и не делали различия между официальным текстом приказа и теми прокламациями, которые ходили по рукам. Как пишут историки, выборы командиров в военных частях вводились не в соответствии с буквой какого-то пункта приказа, а в соответствии со всем его духом.

В армии была проведена “чистка” командного состава (по данным Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов). На главные посты были назначены близкие к думским оппозиционным кругам выдвиженцы — А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов, А. В. Колчак. Колчака активно поддерживала партия эсеров, которая мобилизовала сотни своих членов для агитации за него на кораблях.

Взяв курс на продолжение войны “до победного конца”, Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями — армия стала неуправляемой, началось массовое дезертирство. В июле на фронте были восстановлены упраздненные во время революции военно-полевые суды, но это не поправило дела. Учрежденное Политическое управление Военного министерства безуспешно пыталось наладить в войсках пропаганду в пользу продолжения войны. В городах вооруженные солдаты втянулись в политическую жизнь и входили во все более непримиримый конфликт с Временным правительством. В деревнях дезертиры организовывали крестьян на передел земли».

Как отмечает Кара-Мурза, система карательных органов России была разрушена революцией. Неспособность комиссаров Временного правительства справиться с ситуацией привела

к тому, что порядок сумела навести только более организованная Красная гвардия, которая, и поддерживала его. Временное правительство, стремившееся сохранить устои старого права, оставалось бессильным. Несмотря на то что назначенные в марте юристы-кадеты стремились совместно с Временным правительством отстаивать принципы либерально-буржуазного права, реального воплощения их в жизнь не наблюдалось.

«В октябре, — пишет Кара-Мурза³⁴, — уже полностью утрачивая контроль за ходом событий, правительство учреждает Особую комиссию Юридического совещания по составлению проекта основных государственных законов. С 11 по 24 октября эта комиссия разрабатывала проект Конституции. По этому проекту Россия становилась президентской буржуазной республикой с двухпалатным парламентом. Исключительно широкие полномочия президента по своей структуре напоминали компетенцию царя, а две палаты парламента — старые Госсовет и Государственную думу. Закончить работу комиссия не успела, и "Конституцию Российского государства" дописывали в 1919 г. уже в Париже».

В итоге, по всей видимости, мы действительно можем говорить о некой исторической предрасположенности в России государственного переворота (революции) и о том, что Ленин правильно почувствовал момент, да наверняка и еще о многом другом. Но уже верно то, что после свершения революции 1917 года мы получили практически совсем новую страну. Страну, где начали применяться некие особые технологии управления собственным народом. Причем уже справедливо будет говорить о том, что эти технологии постоянно совершенствовались. И если с момента первого зарождения республики, во времена власти под управлением Ленина и позже Сталина, использовались одни политтехнологии, то уже позже, особенно с массовым развитием телекоммуникаций (брежневские, горбачевские, путинские времена), мы становимся свидетелями невиданного по масштабам управления массовыми психическими процессами. Когда за один и тот же период времени «сигнал» (и воздействие манипулятивного характера на свою

34 Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. С. 143.

психику) получают столь огромное количество индивидов, что уже практически наверняка можно говорить о том, что благодаря подобному становится возможным претворение в жизнь практически любых идеалов правящей элиты. Причем желание в осуществлении установок уже будет исходить исключительно от самих индивидов. «Манипуляция — это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции», — отмечает Кара-Мурза в работе «Манипуляция сознанием», поясняя, что «манипуляция — способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении»³⁵.

10. Стремление индивидов к сосредоточению в массы как изначальная предрасположенность к манипулированию

Если проследивать путь индивида (нам следует обратить на это пристальное внимание), то уже тут можно заметить некую удивительную деталь человеческого сознания. А именно то, что человек в большинстве своем стремится к сосредоточению в группы, в массу.

В таком состоянии он в большинстве случаев чувствует себя значительно комфортнее, чем в одиночестве. Ну, об отрывании в массе своих комплексов мы уже говорили. Но главное — индивиды, сосредоточивающиеся в группы, чувствуют себя намного увереннее, чем при нахождении в одиночестве. С них как бы снимаются барьеры, которые довели над ними, когда они находились в одиночестве.

Вот как пишет об этом Э. Канетти в работе «Масса и толпа»³⁶: «Ничего так не боится человек, как непонятого прикосновения. Когда случайно дотрагиваешься до чего-то, хочется увидеть, хочется узнать или по крайней мере догадаться, что это. Человек всегда старается избежать чужеродного прикосновения. Внезапное касание ночью или вообще в темноте мо-

35 www.kara-murza.ru

36 Э. Канетти. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.

жет сделать этот страх паническим. Даже одежда не обеспечивает достаточной безопасности: ее так легко разорвать, так легко добраться до твоей голой, гладкой, беззащитной плоти.

Эта боязнь прикосновения побуждает людей всячески отгораживаться от окружающих. Они запираются в домах, куда никто не имеет права ступить, и лишь IBM чувствуют себя в относительной безопасности. Взломщика боятся не только потому, что он может ограбить, страшно, что кто-то внезапно, неожиданно схватит тебя из темноты. Рука с огромными когтями — обычный символ этого страха. Отсюда во многом двойственный смысл немецкого слова *angreifen*. Оно может означать и безобидное прикосновение, и опасное нападение, причем в первом значении всегда присутствует оттенок второго. Основное же значение существительного *Angriff* уже исключительно отрицательное: нападение, атака.

Нежелание с кем-либо соприкоснуться сказывается и на нашем поведении среди других. Характер наших движений на улице, в толпе, в ресторанах, в поездах и автобусах во многом определяется этим страхом. Даже когда мы оказываемся совсем рядом с другими людьми, ясно их видим и прекрасно знаем, кто это, мы по возможности избегаем соприкосновений. Коли же, напротив, мы рады коснуться кого-то, значит, этот человек оказался нам просто приятен, и сближение происходит по нашей инициативе.

Быстрота, с какой мы извиняемся, нечаянно кого-то задев, напряженность, с какой обычно ждешь извинения, резкая и подчас не только словесная реакция, если его не последует, неприязнь и враждебность, которую испытываешь к "злоумышленнику", даже когда не думаешь, что у него и впрямь были дурные намерения — весь этот сложный клубок чувств вокруг чужеродного прикосновения, вея эта крайняя раздражительность, возбудимость свидетельствуют о том, что здесь оказывается задето что-то затаенное в самой глубине души, что-то вечно недремлющее и коварное, что-то никогда не покидающее человека, однажды установившего границы своей личности. Такого рода страх может лишить и сна, во время которого ты еще беззащитней.

Освободить человека от этого страха перед прикосновением способна лишь масса. Только в ней страх переходит в свою противоположность. Для этого нужна плотная масса,

когда тела прижаты друг к другу, плотная и по своему внутреннему состоянию, то есть когда даже не обращаешь внимания, что тебя кто-то "теснит". Стоит однажды ощутить себя частицей массы, как перестаешь бояться ее прикосновения. Здесь в идеальном случае все равны. Теряют значение все различия, в том числе и различие пола. Здесь, сдавливая другого, сдавливаешь сам себя, чувствуя его, чувствуешь себя самого. Все вдруг начинает происходить как бы внутри одного тела. Видимо, это одна из причин, почему массе присуще стремление спланиваться тесней: в основе его желание как можно в большей степени освободить каждого в отдельности от страха прикосновения. Чем плотней люди прижаты друг к другу, тем сильнее в них чувство, что они не боятся друг друга. Этот переход боязни прикосновения в другое качество — свойство массы. Облегчение, которое в ней начинаешь испытывать... становится наиболее ощутимо при самой большой ее плотности».

При этом в отношении индивида к массе помимо всего прочего явно прослеживается связь с архетипическими составляющими человеческого разума. То есть, другими словами, наблюдается та некая филогенетическая связь, когда разум современного индивида пополняется информацией, которая уже была до него (мы говорим об информации, которой были наделены предшествующие поколения). И в этом случае можно заключить, что эффект каждого последующего поколения фактически несколько выше, чем поколений предыдущих. Это один из законов развития, используемых в том числе и в современном мире, в современной модели управления массами.

Вполне логично даже заключить, что методологические принципы манипулирования лишь на какой-то минимум дополняются новыми способами работы с массами, и то лишь зачастую продиктованные усовершенствованием самих методик, и в большей мере именно возрастанием способности масс к программированию их (к восприятию навязываемой информации). То есть, другими словами, с каждым последующим поколением явно повышается внушаемость индивидов, что необходимо использовать в работе манипуляторам.

Причем время в данном случае действительно играет на руку. Возрастают средства и способы коммуникативно-го общения. Бессознательное индивида все легче расправляется с цензурой собственной психики. И если раньше на пути потока новой информации стоял мощный кордон и эта самая информация вынуждена была в значительной мере подвергаться фильтрации, то теперь уже все значительно проще. Психика современного человека просто не успевает анализировать весь поступающий поток информации, вынужденно пропуская большинство из нее. А какие-нибудь цензурные варианты имеют возможность проанализировать лишь какую-то часть такой информации. Остальная, конечно же, тоже подвергается анализу. Но зачастую уже даже тогда, когда часть информации уже просочилась в сознание. Что, в общем-то, весьма печально, учитывая предназначение цензуры психики.

11. Психоанализ как эффективная методика манипулирования. Модели психики по Фрейд

В свое время Фрейд, представляя обществу свою модель устройства психики, выделял три компонента психики (работа «О психоанализе»³⁷): «Я», «Оно» и «Сверх-Я», отмечая, что «разделение Психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа и дает ему одному возможность понять в такой же мере частые, как и важные, патологические процессы психической жизни и причислить их к научным явлениям».

Фрейд предлагал рассматривать сознание как качество психики, которое в иных случаях может и отсутствовать. На первый план он выводит «Я» как некий обязательный компонент психики, к которому прикрепляется сознание и от которого зависит контроль над различными процессами. По мнению Фрейда, от «Я» также зависит разрядка раздражений во внешний мир. Он отмечает, что даже несмотря на то, что ночью «Я» засыпает, — все равно продолжает оказывать свое влияние, участвуя в цензуре сновидений.

Также Фрейд обращал внимание, что «Я» участвует в процессах вытеснения, когда некоторые психические процессы исключаются как из сознания, так «и из других видов значимости и действительности».

Рассматривая роль и место «Я» в психике индивида и сопоставляя его с другим компонентом психики — «Оно», Фрейд предлагает красивейшую метафору, сравнивая «Я» с всадником, а «Оно» — с диким конем, которого всадник («Я») стремится обуздать.

«...Разница в том, — пишет Фрейд³⁸, — что всадник пытается сделать это собственными силами, а «Я» — заимствованными. Если всадник не хочет расстаться с конем, то ему не остается ничего другого, как вести коня туда, куда конь хочет; так и «Я» превращает волю «Оно» в действие, как будто бы это была его собственная воля...»

Также Фрейд вводит еще одну ступень психики, называя ее «Сверх-Я», или «Идеал-Я». «Сверх-Я», по мнению Фрейда, это цензура психики. Рассматривая варианты происхождения данного компонента психики, Фрейд отмечает, что за причиной возникновения «сверх-Я» «кроется первая и самая значительная идентификация индивида, а именно — идентификация с отцом...». Далее Фрейд более подробно рассматривает возможность подобного.

«Эти соотношения все же настолько сложны, что необходимо описать их подробнее, — отмечает он³⁹. — Два момента создают эту complication, а именно: треугольная структура Эдипова комплекса и бисексуальность конституции индивида. Упрощенный случай принимает для ребенка мужского пола следующий вид: уже в совсем ранние годы он развивает в отношении матери загрузку объектом, которая исходной точкой имеет материнскую грудь и является образцовым примером выбора объекта по типу нахождения опоры, отцом мальчик овладевает путем идентификации. Оба эти отношения некоторое время идут параллельно; но затем, вследствие усиления сексуальных желаний в отношении матери и сознания, что отец для этих желаний является препятствием, возникает Эдипов комплекс. Идентификация с отцом принимает враж-

38 Там же.

39 www.zigmund.ru

дебную окраску, обращается в желание его устранить, чтобы занять его место у матери. С этого момента отношение к отцу амбивалентно; кажется, что амбивалентность, с самого начала имевшаяся в идентификации, теперь становится явной. Амбивалентная установка к отцу и только нежное объектное стремление к матери являются для мальчика содержанием простого позитивного Эдипова комплекса.

При разрушении Эдипова комплекса загрузка объектом-матерью должна быть покинута. Вместо нее могут возникнуть два случая: или идентификация с матерью, или усиление идентификации с отцом. Последний случай мы считаем более нормальным, так как он позволяет сохранить в известной степени нежное отношение к матери. Гибель Эдипова комплекса укрепила бы, таким образом, мужественность в характере мальчика. Эдипова установка маленькой девочки совсем аналогичным образом может окончиться усилением идентификации себя с матерью (или созданием такой идентификации), и это установит женственный характер ребенка.

Эти идентификации не оправдывают наших ожиданий, так как они не вводят в «Я» покинутого объекта; но бывает и такой исход, и у девочек он наблюдается чаще, чем у мальчиков. Очень часто из анализа узнаешь, что после того как пришлось отказаться от отца как объекта любви, маленькая девочка развивает в себе мужественность и идентифицирует себя уже не с матерью, а с отцом, т. е. с потерянным объектом. Очевидно, все зависит от того, достаточно ли сильны ее мужские свойства, в чем бы они ни состояли».

Фрейд вводил понятие бисексуальности в соотношении с Эдиповым комплексом, полагая, что исход Эдипова комплекса в идентификации с отцом или матерью зависит от силы того или другого пола, отмечал бисексуальную природу мальчика, у которого одновременно присутствует и «амбивалентная установка к отцу, и нежный выбор объекта-матери» и, вместе с этим, он может вести себя более нежно по отношению к отцу (проявляя жертвенную установку) и ревниво-враждебно — в отношении к матери.

Рассматривая существование Эдипова комплекса, Фрейд писал⁴⁰: «Мне думается, что будет целесообразным принять существование полного Эдипова комплекса вообще

и особенно у невротиков. Аналитический опыт показывает тогда, что в некотором количестве случаев часть комплекса исчезает до едва заметного следа; тогда получается ряд, на одном конце которого находится нормальный позитивный, а на другом — обратный негативный Эдипов комплекс; средние же звенья выявляют совершенную форму с неравным участием обоих компонентов. При гибели Эдипова комплекса четыре содержащиеся в нем стремления сложатся таким образом, что из них получится идентификация с отцом и идентификация с матерью; идентификация с отцом удержит объект-мать позитивного комплекса и одновременно объект-отца обратного комплекса; аналогичное явление имеет место при идентификации с матерью. В различной силе выражения обеих идентификаций отразится неравенство обоих половых данных.

Таким образом, можно предположить, что самым общим результатом сексуальной фазы, находящейся во власти Эдипова комплекса, является конденсат в "Я", состоящий в возникновении этих двух, как-то между собою связанных идентификаций. Это изменение "Я" сохраняет свое особое положение, оно противостоит другому содержанию "Я" как "Идеал Я" или "Сверх-Я".

Но "Сверх-Я" — не просто осадок первых выборов объекта, производимых "Оно"; "Сверх-Я" имеет и значение энергичного образования реакций против них. Его отношение к "Я" не исчерпывается напоминанием таким (как отец) ты должен быть, но включает и запрет: таким (как отец) ты не имеешь права быть, ты не можешь делать все, что делает он, на многое только он имеет право. Это двойное лицо "Идеала Я" проистекает из факта, что "Идеалу Я" пришлось трудиться над вытеснением Эдипова комплекса, более того, что само оно и возникло даже в результате этого перелома. Вытеснение Эдипова комплекса было, очевидно, нелегкой задачей. Так как родители, особенно отец, признаются препятствием для осуществления Эдиповых желаний, то инфантильное "Я" укрепилось для этой работы вытеснения, создав это же самое препятствие. Оно в некотором роде заимствовало для этого силу от отца, и это заимствование есть акт с исключительно серьезными последствиями. "Сверх-Я" сохранит характер отца, и чем сильнее был Эдипов комплекс, чем быстрее (под влияни-

ем авторитета, религиозного учения, обучения и чтения) произошло его вытеснение, тем строже "Сверх-Я" будет позже царить над «Я» как совесть, может быть, как бессознательное чувство вины...»

Рассматривая причины возникновения «Сверх-Я», Фрейд считал его образование результатом детской беспомощности, зависимости человека и наличием Эдипова комплекса, который объяснял «перерывом в развитии либидо, вызванным латентным временем, т. е. двумя — с перерывом между ними — началами его сексуальной жизни».

Таким образом, в причинах отделения «Сверх-Я» от «Я» Фрейд находил отображение черт развития индивида, а также влияние родителей.

«Таким образом, — писал Фрейд⁴¹, — "Идеал Я" является наследием Эдипова комплекса и, следовательно, выражением наиболее мощных движений и наиболее важных судеб либидо в "Оно". Вследствие установления "Идеала Я", "Я" овладело Эдиповым комплексом и одновременно само себя подчинило "Оно". В то время, как "Я", в основном, является представителем внешнего мира, реальности, — "Сверх-Я" противостоит ему как поверенный внутреннего мира, мира "Оно"», предлагая считать конфликты между "Я" и "Сверх-Я" отображением противоположностей, возникающих в мире внутреннем и мире внешнем».

«То, что биология и судьбы человеческого вида создали и оставили в "Оно", путем образования идеала передается в "Я" и вновь индивидуально в нем переживается, — отмечает Фрейд⁴². — "Идеал Я", вследствие истории своего образования, имеет самую обширную связь с филогенетическим приобретением, — архаическим наследием отдельного человека. То, что в отдельной психической жизни было самым глубоким, становится путем создания идеала наивысшим в человеческой душе, соответственно нашей шкале оценок. Было бы напрасным трудом хотя бы приблизительно локализовать "Идеал Я" так, как мы локализуем "Я", или же поместить его в одно из тех сравнений, какими мы пытались изобразить отношения "Я" и "Оно".

41 www.zigmund.ru

42 www.zigmund.ru

Легко показать, что "Идеал Я" удовлетворяет всем требованиям, которые предъявляются к высшему существу в человеке. Как замену тоски по отцу, он содержит зародыш, из которого образовались все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении "Я" с его идеалом вызывает смиренное религиозное ощущение, на которое ссылается исполненный страстью томления верующий. В дальнейшем ходе развития учителя и авторитеты продолжали роль отца; их заповеди и запреты остались действительно мощными в "Идеале Я" и выполняют теперь в виде совести моральную цензуру. Напряжение между требованиями совести и достижениями "Я" ощущается как чувство вины. Социальные чувства основываются на идентификации себя с другими на почве одинакового "Идеала Я".

Религия, мораль и социальное чувство — эти главные содержания высшего в человеке... первоначально составляли одно целое. По гипотезе, изложенной в "Тотем и табу", они филогенетически приобретались в отцовском комплексе; религия и моральное ограничение — путем преодоления прямого Эдипова комплекса; социальные же чувства вышли из необходимости побороть соперничество, оставшееся между членами молодого поколения. Во всех этих этических приобретениях мужской пол шел, по-видимому, впереди; но скрещенная наследственность сделала их и достоянием женщин. У отдельного человека еще и в наше время социальные чувства возникают как надстройка над ревнивым соперничеством между сестрами и братьями. Так как враждебность нельзя изжить, то создается идентификация с прежним соперником. Наблюдения над умеренными гомосексуалами поддерживают предположение, что и эта идентификация является заменой нежного выбора объекта, пришедшего на смену агрессивновраждебной установке».

Задаваясь вопросами что религия или нравственность в первую очередь приобрела от отцовского комплекса: "Я" или "Оно"? Почему, если это было "Я", — оно просто все не унаследовало, а если это было "Оно", то как это согласуется с характером "Оно", — Фрейд полагал, что разделение в психике на "Я" и "Оно" следует находить не только у первобытных людей, но и у гораздо более простых живых существ, так как это разделение исходит из влияния внешнего мира.

Фрейд находил взаимосвязь между образованием «Сверх-Я» и возникновением переживаний, которые привели к тотемизму, и отмечал, что именно «Я» заменяет для «Оно» внешний мир, хотя и «Я» является частью «Оно». А сами переживания «Я», если часто повторяются в сменяемых друг друга поколениях, начинают превращаться в переживания «Оно». «Таким образом, наследственное «Оно» вмещает в себе остатки бесчисленных жизней «Я», и когда «Я» черпает свое «Сверх-Я» из «Оно», то оно, может быть, лишь восстанавливает более старые образы «Я», осуществляет их воскрешение»⁴³, — заключает Фрейд, отмечая, что ранние конфликты «Я» с «Оно» могут продолжаться и со «Сверх-Я». А само «Сверх-Я» не может окончательно оставаться для «Я» недоступным.

Подытоживая вышесказанное, Фрейд замечает⁴⁴, что «если наше деление психического существа на "Оно", "Я" и "Сверх-Я" означает шаг вперед в нашем представлении об этом психическом существе, то это деление должно оказаться также и средством для более глубокого понимания и лучшего описания динамических соотношений психической жизни. Нам ясно и то, что «Я» находится под особым влиянием восприятий, и вчерне можно сказать, что для «Я» восприятия имеют то же значение, как инстинкты для «Оно». При этом «Я» подчиняется действию инстинктов так же, как «Оно»; «Я» ведь является лишь особо модифицированной частью «Оно».

Также мы считаем основанием для еще более подробного разъяснения роли и соотношения в психике трех ее ведущих компонентов («Я», «Оно», и «Сверх-Я») привести ключевые выдержки из 31-й лекции Фрейда по «Введению в психоанализ»⁴⁵.

«Я знаю, что в своих взаимоотношениях с лицами или вещами вы сами определяете, что является исходным пунктом. Так было и с психоанализом: для развития, которое он получил, для отклика, который он нашел, было небезразлично, что начал он с работы над симптомом, самым чуждым для "Я" элементом, который имеется в душе. Симптом происходит от вытесненного, являясь одновременно его представителем перед "Я", но вытесненное для "Я" — это чужая страна, внутренняя загра-

43 www.zigmund.ru

44 Там же.

45 www.psychol-ok.ru

ница, так же как реальность — разрешите такое необычное выражение — заграница внешняя. От симптома путь лежал к бессознательному, к жизни влечений, к сексуальности, и это было время, когда против психоанализа выдвигались глубокомысленные возражения, что человек — существо не только сексуальное, он знаком и с более благородными и более высокими порывами. Можно было бы добавить, что, вдохновленный сознанием этих высоких порывов, он нередко позволяет себе несуразные мысли и игнорирование фактов.

Вам лучше знать, что с самого начала у нас считалось: человек страдает от конфликта между требованиями жизни влечений и сопротивлением, которое поднимается в нем против них, и мы ни на миг не забывали об этой сопротивляющейся, отклоняющей, вытесняющей инстанции, которая, как мы полагали, обладает своими особыми силами, стремлениями "Я", и которая совпадает с "Я" популярной психологии. Только ведь при всех трудных успехах научной работы и психоанализу не под силу было одновременно изучать все области и высказывать суждение сразу по всем проблемам. Наконец, дело дошло до того, что мы смогли направить свое внимание с вытесненного на вытесняющее и встали перед этим "Я", казавшимся таким само собой разумеющимся, в твердой уверенности и здесь встретить вещи, к которым мы могли быть не подготовлены; однако было нелегко найти первый подход. Вот об этом-то я и хочу с вами сегодня побеседовать!

Предполагаю, однако, что это мое изложение психологии "Я" подействует на вас иначе, чем введение в психическую преисподнюю, которое ему предшествовало. Почему это так, с точностью сказать не могу. Как казалось мне сначала, вы подумаете, что ранее я сообщал вам факты, пусть даже непривычные и своеобразные, тогда как теперь вы услышите преимущественно мнения, т. е. умозрительные рассуждения. Но это не так; лучше все взвесив, я должен сказать, что удельный вес мыслительной обработки фактического материала в нашей психологии "Я" ненамного больше, чем в психологии неврозов. Другие обоснования своего предположения я тоже вынужден был отбросить; теперь я считаю, что каким-то образом это кроется в характере самого материала и в непривычности нашего обращения с ним. Все же я не удивлюсь, если в своем суждении вы проявите еще больше сдержанности и осторожности, чем до сих пор.

Ситуация, в которой мы находимся в начале нашего исследования, сама должна указать нам путь. Мы хотим сделать предметом этого исследования "Я", наше наисобственнейшее "Я". Но возможно ли это? Ведь "Я" является самым подлинным субъектом, как же оно может стать объектом? И все-таки, несомненно, это возможно. "Я" может взять себя в качестве объекта, обращаться с собой, как с прочими объектами, наблюдать себя, критиковать и Бог знает что еще с самим собой делать. При этом одна часть "Я" противопоставляет себя остальному "Я". Итак, "Я" расчленимо, оно расчленяется в некоторых своих функциях, по крайней мере, на время. Части могут затем снова объединиться. Само по себе это не ново, возможно, непривычный взгляд на общеизвестные вещи. С другой стороны, нам знакома точка зрения, что патология своими преувеличениями и огрублениями может обратить наше внимание на нормальные отношения, которые без этого ускользнули бы от нас. Там, где она обнаруживает слом и срыв, в нормальном состоянии может иметь место расчленение. Если мы бросим кристалл на землю, он разобьется, но не произвольно, а распадется по направлениям своих трещин на куски, грани которых, хотя и невидимо, все-таки предопределены структурой кристалла. Такими растрескавшимися и расколовшимися структурами являются душевнобольные. И мы не можем им отказать в чем-то вроде почтительного страха, который испытывали древние народы перед сумасшедшими. Они отвернулись от внешней реальности, но именно поэтому они больше знают о внутренней, психической реальности и могут нам кое-что выдать, что было бы нам иначе недоступно. Об одной группе таких больных мы говорим, что они страдают бредом наблюдения (*Beobachtungswahn*). Они жалуются нам, что постоянно и вплоть до самых интимных отправлений находятся под удручающим наблюдением неизвестных сил, вероятно все-таки лиц, и в галлюцинациях слышат, как эти лица объявляют о результатах своих наблюдений: "Сейчас он хочет сказать это, вот он одевается, чтобы выйти, и т. д." Это наблюдение — еще не то же самое, что преследование, но близко к нему, оно предполагает, что больному не доверяют, ждут, как бы застать его за запретными действиями, за которые его должны наказать. Что было бы, если бы эти сумасшедшие были правы, если бы у нас у всех была такая

наблюдающая и угрожающая наказанием инстанция в Я, которая у них лишь резко отделена от Я и по ошибке смещена во внешнюю реальность?

Не знаю, произойдет ли с вами все то, что и со мной. Но с тех пор как под сильным впечатлением этой картины болезни мною овладела идея, что отделение наблюдающей инстанции от остального "Я" может быть в структуре "Я" закономерной чертой, она меня не оставляет, и я вынужден был заняться изучением и других характерных особенностей и отношений этой отделенной таким образом инстанции. Вскоре был сделан следующий шаг. Уже содержание бреда наблюдения намекает на то, что наблюдение является лишь подготовкой к суду и наказанию, и, таким образом, мы узнаем, что у этой инстанции есть другая функция, которую мы называем своей совестью. Вряд ли в нас найдется что-либо другое, что мы бы так постоянно отделяли от своего "Я" и так легко противопоставляли ему, как совесть. "Я" чувствую склонность что-то сделать, что обещает мне наслаждение, но отказываюсь от этого на основании того, что совесть мне этого не позволяет. Или, поддавшись чрезмерному желанию наслаждения, я делаю что-то, против чего поднимается голос совести, и после проступка моя совесть наказывает меня упреками стыда, заставляет раскаиваться за него. Я мог бы сказать просто, что особая инстанция, которую я начинаю различать в "Я", является совестью, но более осторожным было бы считать эту инстанцию самостоятельной и предположить, что совесть является одной из ее функций, а самонаблюдение, необходимое как предпосылка судебной деятельности совести, является другой ее функцией. А так как, признавая самостоятельное существование какой-либо вещи, нужно дать ей имя, я буду отныне называть эту инстанцию в "Я" "Сверх-Я".

А теперь жду от вас иронического вопроса: не сводится ли эта ваша психология "Я" вообще к тому, чтобы буквально понимать общеупотребительные абстракции, превращая их из понятий в предметы, многого не выигрывая этим? Ответу: в психологии "Я" трудно будет избежать общеизвестного, здесь речь будет идти скорее о новых точках зрения и систематизациях, чем о новых открытиях. Так что оставайтесь пока при своем уничтожающем критическом мнении и подождите дальнейших рассуждений. Факты патологии дают нашим ис-

следованиям фон, который вы напрасно искали бы в популярной психологии. Далее. Едва мы примирились с идеей такого "Сверх-Я", которое пользуется известной самостоятельностью, преследует собственные намерения и в своем обладании энергией независимо от "Я", как перед нами неизбежно встает картина болезни, в которой со всей ясностью обнаруживается строгость, даже жестокость этой инстанции и изменения ее отношения "Я". Я имею в виду состояние меланхолии, вернее, приступа меланхолии, о котором и вы тоже достаточно много слышали, даже если вы не психиатры. При этом недуге, о причинах и механизмах которого мы слишком мало знаем, наиболее яркой чертой является способ обращения "Сверх-Я" — про себя вы можете сказать: совести — с "Я". В то время как меланхолик в здоровом состоянии может быть более или менее строг к себе, как любой другой, в приступе меланхолии "Сверх-Я" становится сверхстрогим, ругает, унижает, истязает бедное "Я", заставляет его ожидать самых строгих наказаний, упрекает его за давно содеянное, которое в свое время воспринималось легко, как будто оно все это время собирало обвинения и только выжидало своего теперешнего прииива сид, чтобы выступить с ними и вынести приговор на основании этих обвинений. "Сверх-Я" предъявляет самые строгие моральные требования к отданному в его распоряжение беспомощному "Я", оно вообще представляет собой требования морали, и мы сразу понимаем, что наше моральное чувство вины есть выражение напряжения между "Я" и "Сверх-Я". Это весьма примечательный результат наблюдения: мораль, данная нам якобы от Бога и пустившая столь глубокие корни, выступает [у таких пациентов] как периодическое явление. Потому что через определенное количество месяцев все моральное наваждение проходит, критика "Сверх-Я" умолкает, Я реабилитируется и вновь пользуется всеми человеческими правами вплоть до следующего приступа. Правда, при некоторых формах заболевания в промежутках происходит нечто противоположное: "Я" находится в состоянии блаженного опьянения, оно торжествует, как будто "Сверх-Я" утратило всякую силу, слилось с "Я", и это ставшее свободным, маниакальное Я позволяет себе действительно безудержное удовлетворение всех своих прихотей. Процессы, полные нерешенных загадок!

Вы ждете, конечно, больше, чем простой иллюстрации, услышав от меня, что мы кое-что знаем об образовании "Сверх-Я", т. е. о возникновении совести. Основываясь на известном высказывании Канта, сравнившего нашу совесть со звездным небом, набожный человек мог бы, пожалуй, почувствовать искушение почесть оба их за прекрасные создания творца. Небесные тела, конечно, великолепны, но что касается совести, то здесь Бог поработал не столь много и небрежно, потому что подавляющее большинство людей получило ее лишь в скромных размерах или в столь малой степени, что об этом не стоит и говорить. Мы ни в коей мере не отрицаем ту часть психологической истины, которая содержится в утверждении, что совесть — божественного происхождения, но это положение требует разъяснения. Если совесть тоже является чем-то "в нас", то это ведь не изначально. Это — полная противоположность сексуальной жизни, которая действительно была с самого начала жизни, а не добавилась лишь впоследствии. Но маленький ребенок, как известно, аморален, у него нет внутренних тормозов против стремлений к удовольствию. Роль, которую позднее берет на себя "Сверх-Я", исполняется сначала внешней силой, родительским авторитетом. Родительское влияние на ребенка основано на проявлениях знаков любви и угрозах наказаниями, которые доказывают ребенку утрату любви и сами по себе должны вызывать страх. Этот реальный страх является предшественником более позднего страха совести: пока он царит, нет нужды говорить о "Сверх-Я" и о совести. Только впоследствии образуется вторичная ситуация, которую мы слишком охотно принимаем за нормальную, когда внешнее сдерживание уходит вовнутрь, когда на место родительской инстанции появляется "Сверх-Я", которое точно так же наблюдает за "Я", руководит им и угрожает ему, как раньше это делали родители в отношении ребенка.

Сверх-Я, которое, таким образом, берет на себя власть, работу и даже методы родительской инстанции, является не только ее преемником, но и действительно законным прямым наследником. Оно и выходит прямо из нее, и мы скоро узнаем, каким путем. Но сначала остановимся на рассогласовании между ними. Кажется, что "Сверх-Я" односторонне перенимает лишь твердость и строгость родителей, их запрещающую и наказывающую функцию, в то время как их исполненная люб-

ви забота не находит места и продолжения. Если родители действительно придерживались строгого воспитания, то кажется вполне понятным, если и у ребенка развивается строгое "Сверх-Я", однако против ожидания опыт показывает, что "Сверх-Я" может быть таким же неумолимо строгим, даже если воспитание было мягким и добрым, если угроз и наказаний по возможности избегали. Позднее мы вернемся к этому противоречию, когда будем говорить о превращениях влечений при образовании "Сверх-Я".

О превращении родительского отношения в "Сверх-Я" я не могу сказать вам так, как хотелось бы, отчасти потому, что этот процесс так запутан, что его изложение не уместится в рамки введения, которое я хочу вам дать, а с другой стороны, потому, что мы сами не уверены, что полностью его поняли. Поэтому довольствуйтесь следующими разъяснениями. Основой этого процесса является так называемая идентификация (Identifizierung), т. е. уподобление "Я" чужому "Я", вследствие чего первое "Я" в определенных отношениях ведет себя, как другое, подражает ему, принимает его в известной степени в себя. Идентификацию не без успеха можно сравнить с оральным, каннибалистическим поглощением чужой личности. Идентификация — очень важная форма связи с другим лицом, вероятно, самая первоначальная, но не то же самое, что выбор объекта. Различие можно выразить примерно так: если мальчик идентифицирует себя с отцом, то он хочет быть, как отец; если он делает его объектом своего выбора, то он хочет обладать, владеть им; в первом случае его "Я" меняется по образу отца, во втором это не необходимо. Идентификация и выбор объекта в широком смысле независимы друг от друга; но можно идентифицировать себя именно с этим лицом, изменять "Я" в соответствии с ним, выбрав его, например, в качестве сексуального объекта. Говорят, что влияние сексуального объекта на Я особенно часто происходит у женщин и характерно для женственности. О наиболее поучительном отношении между идентификацией и выбором объекта я уже как-то говорил вам в предыдущих лекциях. Его легко наблюдать как у детей, так и у взрослых, как у нормальных, так и у больных людей. Если объект утрачен или от него вынуждены отказаться, то достаточно часто потерю возмещают тем, что идентифицируют себя с ним, восстанавливая в своем Я, так что здесь выбор объекта как бы регрессирует к идентификации.

Этими рассуждениями об идентификации я сам не вполне удовлетворен, но мне будет достаточно, если вы сможете признать, что введение в действие "Сверх-Я" может быть описано как удачный случай идентификации с родительской инстанцией. Решающим фактом для этой точки зрения является то, что это новообразование превосходящей инстанции в "Я" теснейшим образом связано с судьбой Эдипова комплекса, так что "Сверх-Я" является наследием этой столь значимой для детства эмоциональной связи. Мы понимаем, что с устранением Эдипова комплекса ребенок должен отказаться от интенсивной привязанности к объектам, которыми были его родители, а для компенсации этой утраты объектов в его "Я" очень усиливаются, вероятно, давно имевшиеся идентификации с родителями. Такие идентификации как следствия отказа от привязанности к объектам позднее достаточно часто повторяются в жизни ребенка, но эмоциональной ценности этого первого случая такой замены вполне соответствует то, что в результате этого в "Я" создается особое положение. Тщательное исследование показывает нам также, что "Сверх-Я" теряет в силе и завершенности развития, если преодоление Эдипова комплекса удастся лишь отчасти. В процессе развития на "Сверх-Я" влияют также те лица, которые заместили родителей, т. е. воспитатели, учителя, идеальные примеры. Обычно оно все больше отдаляется от первоначальных индивидуальностей родителей, становясь, так сказать, все более безличностным. Но нельзя также забывать, что ребенок по-разному оценивает своих родителей на разных этапах жизни. К тому времени, когда Эдипов комплекс уступает место "Сверх-Я", они являют собой нечто совершенно замечательное, утрачивая очень многое впоследствии. И тогда тоже происходят идентификации с этими более поздними родителями, они даже обычно способствуют формированию характера, но это касается только "Я", на "Сверх-Я", которое было сформировано более ранним образом родителей, они уже не влияют.

Надеюсь, у вас уже сложилось впечатление, что понятие "Сверх-Я" описывает действительно структурное соотношение, а не просто персонифицирует абстракцию наподобие совести. Мы должны упомянуть еще одну важную функцию, которой мы наделяем это "Сверх-Я". Оно является также носителем "Я-идеала", с которым "Я" соизмеряет себя, к ко-

тому оно стремится, чье требование постоянного совершенствования оно старается выполнить. Несомненно, этот "Я-идеал" является отражением старого представления о родителях, выражением восхищения их совершенством, которое ребенок им тогда приписывал.

Знаю, что вы много слышали о чувстве неполноценности, которое характеризует как раз невротиков. Оно проявляется, в частности, в так называемой художественной литературе. Писатель, употребивший словосочетание "комплекс неполноценности", считает, что этим он удовлетворяет всем требованиям психоанализа и поднимает свое творение на более высокий психологический уровень. В действительности искусственное словосочетание "комплекс неполноценности" в психоанализе почти не употребляется. Он не является для нас чем-то простым, тем более элементарным. Сводить его к самовосприятию возможного недоразвития органов, как это любят делать представители школы так называемой индивидуальной психологии, кажется нам недальновидным заблуждением. Чувство неполноценности имеет глубоко эротические корни. Ребенок чувствует себя неполноценным, если замечает, что он нелюбим, и точно так же взрослый. Единственный орган, который может рассматриваться как неполноценный, это рудиментарный пенис, клитор девочки. Но по большей части чувство неполноценности происходит из отношения "Я" к своему "Сверх-Я", являясь, так же как чувство вины, выражением напряжения между ними. Чувство неполноценности и чувство вины вообще трудно отделить друг от друга. Возможно, было бы правильно видеть в первом эротическое дополнение к чувству моральной неполноценности. Этому вопросу разграничения понятий мы в психоанализе уделяли мало внимания.

Именно потому, что комплекс неполноценности стал так популярен, я позволю себе сделать здесь небольшое отступление. У одного исторического деятеля нашего времени, который здравствует и поныне, но отошел от дел, вследствие родовой травмы имело место некоторое недоразвитие одного члена. Очень известный писатель наших дней, охотнее всего пишущий биографии замечательных людей, занялся жизнью этого упомянутого мной человека. Но ведь трудно подавить в себе потребность углубления в психологию, когда пишешь биогра-

фию. Поэтому наш автор отважился на попытку построить все развитие характера своего героя на чувстве неполноценности, вызванном этим физическим дефектом. Но при этом он упустил один маленький, но немаловажный факт. Обычно матери, которым судьба дала больного или неполноценного ребенка, пытаются восполнить эту несправедливость чрезмерной любовью. В нашем случае гордая мать повела себя по-другому, она отказала ребенку в любви из-за его недостатка. Когда он стал могущественным человеком, то всеми своими действиями доказал, что так никогда и не простил свою мать. Если вы представите себе значение материнской любви для детской душевной жизни, вы, видимо, мысленно внесете поправки в теорию неполноценности биографа.

Но вернемся к "Сверх-Я". Мы наделили его самонаблюдением, совестью и функцией идеала. Из наших рассуждений о его возникновении получается, что оно обусловлено чрезвычайно важным биологическим, а также определяющим судьбу психологическим фактом, а именно длительной зависимостью ребенка от своих родителей и Эдиповым комплексом, которые опять-таки внутренне связаны между собой. "Сверх-Я" является для нас представителем всех моральных ограничений, поборником стремления к совершенствованию короче, тем, что нам стало психологически доступно из так называемого более возвышенного в человеческой жизни. Поскольку оно само восходит к влиянию родителей, воспитателей и им подобных, мы узнаем еще больше о его значении, если обратимся к этим его источникам. Как правило, родители и аналогичные им авторитеты в воспитании ребенка следуют предписаниям собственного "Сверх-Я". Как бы ни расходилось их "Я" со "Сверх-Я", в воспитании ребенка они строги и взыскательны. Они забыли трудности своего собственного детства, довольны, что могут наконец полностью идентифицировать себя со своими родителями, которые в свое время налагали на них тяжелые ограничения. Таким образом, "Сверх-Я" ребенка строится, собственно, не по примеру родителей, а по родительскому "Сверх-Я"; оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения. Вы легко угадаете, какую важную помощь для понимания социального поведения человека, например, для понимания беспризорности, или даже практические советы по воспитанию можно извлечь из

представления о «Сверх-Я». Видимо, так называемые материалистические воззрения на историю грешат недооценкой этого фактора. Они отделяются от него замечанием, что «идеологии» людей суть не что иное, как результат и надстройка действующих экономических отношений. Это правда, но очень вероятно — не вся правда. Человечество никогда не живет полностью в настоящем, в идеологиях «Сверх-Я» продолжает жить прошлое, традиция расы и народа, которые лишь медленно поддаются влияниям современности, новым изменениям, и пока оно действует через «Сверх-Я», оно играет значительную, независимую от экономических отношений роль в человеческой жизни».

Фрейд также более подробно рассматривает такое свойство психики, как сопротивление, отмечая, что «вся психоаналитическая теория, собственно, построена на признании сопротивления, которое оказывает нам пациент при попытке сделать сознательным его бессознательное».

Рассматривая признаки возникновения сопротивления, Фрейд отмечает, что этому предшествуют ассоциативные мысли, которые или остаются необъяснимыми, или в своей возможной интерпретации уводят в сторону от правильного ответа. Косвенным свидетельством начала сопротивления, по мнению Фрейда, может служить тот факт, что индивид начинает испытывать стыд, когда приближаются к его разгадке. Хотя Фрейд и допускал, что подобное вполне может отсутствовать.

Фрейд, отмечая бессознательный характер сопротивления, считал, что сопротивление может быть выражением «Сверх-Я», которое или само осуществило это вытеснение, или с помощью «Я», которое в данном случае послушно ему. А если сопротивление не осознается, то это значит, что или «Я» и «Сверх-Я» могут работать бессознательно, или же, по мнению Фрейда, в отдельных ситуациях некоторые части «Я» и «Сверх-Я» сами являются бессознательными. «Это значит, — поясняет Фрейд⁴⁶, — что личность ничего не знает об их содержании и ей требуется усилие, чтобы сделать их для себя сознательными».

Далее Фрейд приводит значение слова «бессознательный». «Бессознательным, — пишет он⁴⁷, — мы называем психический процесс, существование которого мы должны предположить,

46 www.psychol-ok.ru

47 Там же.

поскольку мы выводим его из его воздействий, ничего не зная о нем. Далее, мы имеем к нему такое же отношение, как и к психическому процессу другого человека, только он-то является нашим собственным. Если выразиться еще конкретнее, то следует изменить предложение следующим образом: мы называем процесс бессознательным, когда мы предполагаем, что он активизировался сейчас, хотя сейчас мы ничего о нем не знаем. Это ограничение заставляет задуматься о том, что большинство сознательных процессов сознательны только короткое время; очень скоро они становятся латентными, но легко могут вновь стать сознательными».

Далее Фрейд допускает, что эти процессы могут стать бессознательными. Разгадать бессознательность становится возможным, по мнению Фрейда, с помощью ошибочных действий, на примере, например, оговорок. Когда создается некое «речевое намерение».

«По происшедшей ошибке в речи мы со всей определенностью догадываемся о нем, но оно не осуществилось, т. е. оно было бессознательным, — заключает Фрейд⁴⁸. — Если мы по прошествии какого-то времени приводим его говорившему и тот сможет признать его знакомым, то, значит, оно было бессознательным лишь какое-то время, если же он будет отрицать его как чуждое ему, то, значит, оно длительное время было бессознательным».

Таким образом, Фрейд находит нечто, что является бессознательным и находится в латентном (скрытом от сознания) состоянии. Фрейд также выводит два вида бессознательного, отличие между которыми заключается в том, что одно легко превращается в сознательное, а другое — с трудом (причем это может и вообще не произойти).

Бессознательное, которое, являясь латентным, легко становится сознательным, Фрейд предлагает назвать предсознательным. Тогда как другое остается, по его мнению, бессознательным. Таким образом, появляется три термина: сознательный, предсознательный и бессознательный. (Фрейд поясняет, что термин «предсознательный» тоже бессознателен.)

Далее Фрейд поясняет, что обширная часть душевной жизни индивида скрыта от «Я», поэтому протекающие там процессы следует признать бессознательными. При этом он «вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека» вводит понятие «Оно».

«Это безличное местоимение, — пишет Фрейд⁴⁹, — кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, ее чуждости "Я". "Сверх-Я", "Я" и "Оно" — вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности, взаимодействиями которых мы займемся в дальнейшем».

Фрейд отмечает⁵⁰, что "Оно" — это «темная, недоступная часть нашей личности; то немного, что вам о ней известно, мы узнали, изучая работу сновидения и образование невротических симптомов, и большинство этих сведений носят негативный характер, допуская описание только в качестве противоположности "Я". Мы приближаемся к (пониманию) "Оно" при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что у своего предела оно открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение, но мы не можем сказать, в каком субстрате. Благодаря влечениям оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обнаруживает общей воли, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в "Я" не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга, в лучшем случае для разрядки энергии под давлением экономического принуждения объединяясь в компромиссные образования. В "Я" нет ничего, что можно было бы отождествить с отрицанием, и мы с удивлением видим также исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших психических актов. В "Я" нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, никакого признания течения во времени и, что в высшей степени странно и ждет своего объяснения философами, нет никакого изменения психического процесса с течением времени. Импульсивные желания, которые никогда не переступают через "Оно", а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в "Оно", виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них

49 Там же.

50 Там же.

прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения».

Желая еще более внести ясность в отношении такой структуры психики, как "Я", Фрейд отмечает, что "Я" не знакомы никакие оценки добра и зла, оно индифферентно к морали и движет им исключительно принцип удовольствия. Проследившая связь между "Я" и "Я", Фрейд допускает, что "Я" представляет "Я" перед внешним миром, а отличается от него «стремлением к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которое совершенно отсутствует у "Я". Когда мы в будущем поведем разговор о влечениях в душевной жизни, нам, вероятно, удастся найти источник этой существенной характерной черты "Я". Она единственная дает ту высокую степень организации, которой "Я" обязано лучшими своими достижениями. Развитие идет от восприятия влечений к овладению ими, но последнее достигается только тем, что психическое выражение влечений включается в более широкую систему, входит в какую-то взаимосвязь. Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что "Я" в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а "Я" — неукротимые страсти».

Фрейд отмечает, что на самом деле "Я" значительно слабее "Я", так как является всего лишь его частью. «В динамическом отношении, — пишет основатель психоанализа, — оно слабо, свою энергию оно заимствовало у "Я", и мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать, лазеек, благодаря которым оно продолжает отнимать энергию у "Я". Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний "Я". "Я" сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, оно предлагает себя "Я" вместо объекта, желая направить либидо "Я" на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни "Я" принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем, "Я" должно проводить в жизнь намерения "Я", оно выполняет свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношение "Я" к "Я" можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь

дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между "Я" и "Я" слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается.

От одной части "Я" "Я" отделилось благодаря сопротивлению вытеснения. Но вытеснение не продолжается в "Я". Вытесненное сливается с остальным "Я".

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному "Я" еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что "Я" часто не справляется со своей задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, «сверх-Я» и "Я". Если понаблюдать за усилиями "Я", направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это "Я" в персонифицированном виде как некое существо. "Я" чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия, оно призвано представлять требования внешнего мира, но оно хочет быть и верным слугой "Я", пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между Оно и реальностью оно часто вынуждено одевать бессознательные... требования "Я" в свои предсознательные... рационализации, затушевывать конфликты "Я" с реальностью, с дипломатической неискренностью разыгрывать оглядку на реальность, даже если "Я" упорствует и не сдается. С другой стороны, за ним на каждом шагу наблюдает строгое "Сверх-Я", которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны "Я" и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания напряженным чувством неполноценности и сознания вины. Так "Я", движимое "Я", стесненное "Сверх-Я", отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем по-

■ С. А. Зелинский

давить восклицания: жизнь нелегка! Если Я вынуждено признать свою слабость, в нем возникает страх, реальный страх перед внешним миром, страх совести перед "Сверх-Я", невротический страх перед силой страстей в "Я".

Однако Фрейд предостерегал об введении излишних границ "Я", "Я" и "Сверх-Я", допуская, что они в иных случаях могут и переходить друг в друга и, что уж точно, не иметь каких-то четких границ и параметров.

Часть 2

12. Тайные желания индивида

12.1. Необузданность инстинктов

В связи с вышеизложенным следует обратить внимание, что состояние своей собственной психики любой индивид с полным правом (бессознательно) проецирует на окружающих. То есть уже в массах (объединяясь в массы, даже большей частью бессознательно) индивиды живут по законам психологии собственной души. А значит, удовлетворяют те желания, которые существуют (и до сей поры скрыты) в его бессознательном.

Это, по сути, страшные желания. Желания убить, съесть, изнасиловать. Желания, присутствующие в психике архаичного человека и вполне сохранившиеся в психике любого индивида в наше время. Просто культура уже накладывает определенный отпечаток на реализацию подобных желаний. И можно сказать, что чем культурнее психически развит индивид, тем, быть может, он глубже загоняет в глубь себя свое филогенетическое наследие.

Причем в иных случаях уже можно говорить о некой трансформации, расслоении подобных желаний в психике ряда современных индивидов. Притом что практически наверняка — если даже таким индивидам создать соответствующие условия (когда о том, что они сделают, никто не узнает и спровоцировать их на совершение подобного — на то, чтобы дать волю своему бессознательному) то уже можно с полным правом утверждать, что даже самые законопослушные в быту индивиды пойдут на преступления. Это практически непреложный факт, вытекающий из законов существования человеческой психики. Причем в иных случаях можно говорить и о том, что чем для такого индивида запреты ранее были строже — тем ужаснее произойдет реализация его девиантного поведения (с соблюдением условия, конечно, что об этом никто не узнает). Кстати, в воспоминаниях о немецком асе времен Второй мировой войны Эрихе Хартмане (число сбитых самолетов которого — 352 — в несколько раз превышало число самолетов, уничтоженных пятью нашими ведущими асами: Кожедубом — 62 самолета, Покрышкиным — 59 самолетов, Речкаловым — 58, Гулаевым — 57, Евстигнеевым — 52, — вместе взятыми —

данный факт находит свое подтверждение в мемуарах советского летчика Г. А. Литвина⁵¹) приводится такой факт бесчинства советских солдат на захваченных территориях⁵²: «В тех областях Германии, которые попали под русскую оккупацию, советские войска учиняли совершенно дикое сексуальное насилие над немецкими женщинами, не имеющее прецедентов в современной истории... Американцы бросали на немецких женщин восхищенные взгляды, однако позволили им оставаться со своими семьями. Эрих ощутил глубокое облегчение. Потеря часов и некоторых мелких вещей была совсем небольшой ценой за безопасность, так как они попали в руки американцев. Эрих порадовался, что его люди и их семьи будут избавлены от этих надругательств, так как американский офицер пообещал, что личный состав JG-52 не будет выдан Советам. Однако Эрих не подозревал, что американские 90-я пехотная и поддерживающая ее 16-я бронетанковая дивизии выполняли неутвержденный поиск глубоко за демаркационной линией. Самой восточной целью американской 3-й Армии был Пльзень. Верховное руководство союзников назначило освободителем Чехословакии Россию. Это означало, что немцы, захваченные восточнее Пльзеня американской армией, будут переданы наступающим русским.

Позднее это соглашение получило распространительное толкование. Под него попали многие германские солдаты и летчики, которые сражались против Советского Союза. Однако прежде всего оно было направлено против профессиональных германских офицеров. Возмездие этим людям было главной целью Советов. Под хиханьки Рузвельта и Сталина на Тегеранской конференции было утверждено истребление 50 000 германских офицеров, что привело в ужас Черчиля. То, что прошло как шутка Рузвельта и Сталина в Тегеране, после войны обернулось кровавым проектом, действовавшим много лет. По ночам германских офицеров выволакивали из домов и отправляли на долгие годы в советские лагеря.

Как ни странно, профессиональные германские офицеры были далеки от политики. Уставом им было запрещено вступать в любую партию, включая нацистскую. Идея передачи

51 Литвин Г. А. Я был воздушным стрелком. Ставрополь: Таврия, 1990.

52 Толивер Р.Ф., Констебль Т. Дж. Эрих Хартманн — белокурый рыцарь рейха. — Екатеринбург: Зеркало, 1998.

Советскому Союзу военнопленных, захваченных солдатами армий остальных союзников, имевшая целью их предание казни, было резким отходом от привычного порядка. Этот прецедент потом аукнулся самим американцам, когда в лапы Советов были переданы американские солдаты, захваченные в плен во время многочисленных конфликтов в Азии.

Колонна беженцев и пленных, среди которых находился Эрих, была помещена в загон за колючей проволокой возле Шюттенхофена в Западной Богемии. Туда прибывали тысячи новых беженцев и солдат из распущенных германских частей. На каждом углу лагеря торчали американские танки. В лагере под открытым небом вскоре собралось более 50 000 солдат и гражданских всех возрастов, от детей до стариков.

Условия быстро ухудшались, и санитарные проблемы приобрели серьезный характер. Временами офицеры лишь с большим трудом удерживали порядок. Американские часовые начали просто закрывать глаза на большое число «пленных», которые просто бежали на запад, пытаясь как угодно пробраться домой. Многие американцы давали советы этим беглецам, помогали им, давая карты и какой-то запас продуктов из солдатских пайков. Эти действия американцев не были следствием какого-то приказа или устного распоряжения. Просто они проявляли как могли свою человечность. Часовые решили, что пленникам лучше позаботиться о себе самим и постараться добраться до дома, чем умереть голодной смертью на голой земле в лагере возле Шюттенхофена.

Многие немцы сегодня говорят, что оставались в плену у американцев всего несколько дней. Поэтому ясно, что такое положение существовало не только в этом лагере, но и во всем районе. Большая часть немцев сумела пешком добраться до своих домов в течение нескольких недель. Хартманну повезло меньше.

Через неделю после сдачи прошел слух, что Хартманна и остальных его людей перевезут в тыл. 16 мая 1945 года американцы сообщили Эриху Хартманну, Герману Графу и Хартманну Грассеру, что вся колонна пленных будет отправлена в Регенсбург для расследования. Их отправят на грузовиках в 16.00. Восемь дней в руках американцев они провели, не

имея еды. Приходилось довольствоваться теми жалкими крохами, которые они успели захватить с собой, и жалкими подачками дружелюбно настроенных американских солдат. Эрих был рад отправиться туда, где будет больше порядка.

Немцы сели в грузовики, и их повезли из Писека. Проехав несколько миль, колонна остановилась. Эриху и его товарищам приказали спуститься на землю. И тут в поле их окружили русские солдаты. Полные дурных предчувствий, немцы начали выбирать-ся из грузовиков. Русские немедленно начали отделять женщин от мужчин.

Прежде чем американцы уехали, они получили представление о том, на какую участь они невольно обрекли немецких женщин и детей, единственным преступлением которых было то, что они родились в Германии. Американцы обнаружили, что их союзники способны превзойти все мыслимые и немыслимые пределы человеческой жестокости. Молодые парни из Алабамы и Миннесоты воочию увидели Медведя в действии.

Полу пьяные солдаты Красной армии, увешанные винтовками и пулеметами, построили безоружных немцев в шеренги. Другие русские начали валить на землю женщин и девочек, срывать с них одежду и принялись насиловать свои жертвы прямо перед строем остальных русских. Немцы могли лишь молча сжимать кулаки. Американские солдаты из своих грузовиков смотрели на все это широко открытыми глазами.

Казалось, их просто парализовало это зрелище. Когда две молодые немецкие девушки, раздетые догола, с криком бросились к грузовикам и в отчаянии начали карабкаться туда, американские часовые оказались достаточно сообразительными, чтобы втащить их наверх. Русским такое благородство совсем не понравилось. Стреляя в воздух и дико крича, русские бросились к американским грузовикам. Американские солдаты поспешно взяли оружие на изготовку, и грузовики помчались по дороге. Когда исчезло последнее препятствие, русские набросились на немецких женщин.

Молодая немецкая женщина, чуть за тридцать, мать 12-летней девочки, стояла на коленях у ног русского капрала и молила Бога, чтобы советские солдаты взяли ее, а не девочку. Но ее молитвы остались без ответа. Слезы текли по щекам, когда она посылала молитвы к небу. Немецкие мужчины стояли, окруженные пулеметными стволами.

Русский капрал отошел от женщины, его лицо исказила глумливая усмешка. Один из солдат изо всех сил ударил женщину сапогом в лицо. «Проклятая фашистская свинья!» — зарорал он. Молодая мать упала на спину. Солдат, который ее ударил, выстрелом в голову из винтовки убил ее.

Русские хватали всех немецких женщин, которых видели. Маленькую дочь убитой женщины потащил за танк убийца ее матери. К нему присоединились другие русские. Полчаса раздавались дикие крики и стоны. Потом совершенно голая девочка, не способная держаться на ногах, выползла назад. Она скорчилась и замерла.

Однако в той общей картине зверств, которую сейчас представлял луг, страдания этой девочки не были чем-то особенным. Беспомощные немцы убеждали русских часовых позволить им помочь девочке. Взяв винтовки наперевес, русские позволили германскому медику подойти к девочке. Через час она умерла, и ее последние всхлипывания огнем жгли сердца Эриха и его солдат.

8- и 9-летних девочек раз за разом безжалостно насилowała озверелая русская солдатня. Они не выказывали никаких других чувств, кроме ненависти и похоти. Пока все изверги удовлетворяли себя среди диких криков и плача женщин, Эрих и его солдаты сидели под дулами пулеметов.

Забрызганные кровью русские, удовлетворив вожделение, сменяли товарищей за пулеметами, принимая охрану над германскими солдатами. Матери пытались защитить своих дочерей, но их избивали до потери сознания и оттаскивали в сторону, а потом насилovali в таком состоянии. Закаленных в боях пилотов, прошедших сотни боев и получившие множество ран, просто отшвыривали в сторону. Пораженный в самое сердце тем, что увидел, Эрих нечеловеческим усилием воли подавил приступ рвоты.

Подобная оргия просто не могла тянуться долго. Похоть была насыщена, и начали появляться первые признаки жалости. Иногда ухмыляясь, иногда безразлично, иногда чуть удрученно, русские солдаты вернули женщин и девочек, над которыми кончили издеваться. Тех, кого утащили прочь от грузовиков, больше никто не видел. Остальные падали без чувств на руки потрясенных отцов и мужей. Они полной мерой хлебнули унижения и страдания, но все это еще не закончилось.

Немцы были согнаны в импровизированный лагерь на лугу. Им было позволено пройти к озеру, чтобы умыться и постирать одежду. Потом вокруг луга было выстроено кольцо из 30 танков, чтобы организовать охрану на ночь. Русские солдаты снова и снова возвращались к немцам, утаскивая женщин и девочек, которым не могло помочь присутствие мужей и отцов. Насилие продолжалось всю ночь, прекратившись только перед самым рассветом. Женщин притащили назад, как сломанных кукол, когда русские натешились. Солдатам JG-52 этой ночью пришлось сделать трудный выбор, и многие из них его сделали.

Когда первые лучи солнца упали на окруженный танками луг, множество немцев не поднялось. Те, кто проснулся, обнаружили, что находятся в ужасном царстве смерти, которая каленным железом запечатлелась в их памяти навсегда. Когда Эрих проснулся, то увидел унтер-офицера с женой и дочерью, лежащих рядом. Сержант тихо перерезал жене вены на руках самодельным кинжалом. Потом он так же убил свою 11-летнюю дочь, после чего перерезал вены и самому себе. Жизнь медленно уходила из них, пока Эрих спал невдалеке.

Другие мужчины задушили своих жен и дочерей, после чего сами повесились на бортах грузовиков. Они предпочли смерть долгому и мучительному умиранию. Эрих начал спокойно разговаривать сам с собой, чтобы преодолеть страшное воздействие кровавых сцен на сознание. "Ты должен жить, Эрих, что бы ни случилось. Ты ДОЛЖЕН выжить, чтобы рассказать другим о том, во что сам не можешь поверить сейчас, когда смотришь на все это. Ты никогда не сможешь забыть, что способны натворить люди, опустившиеся ниже всяких животных".

Через день зверства прекратились так же внезапно, как начались. Прибыл русский генерал и взял все под свой контроль. Ему не требовались рапорты о происшедшем. Он немедленно запретил все подобные крайности в согласии с новой директивой Красной армии. Грабеж и насилие в восточных областях Германии уже прогремели по всему миру.

Генерал приказал отделить германских унтеров и рядовых от офицеров. Женщины были отданы на попечение офицеров, и русским солдатам было приказано держаться подальше от них. Когда русские солдаты нарушили этот приказ и ночью

ворвались в офицерский лагерь, чтобы похитить и изнасиловать девочку, русское возмездие обрушилось на соотечественников с такой же безжалостностью, как на бывшего врага.

Изнасилованной девочке предложили опознать преступников. Трое солдат были выведены из строя. Не было никакого следствия и допросов и суда. Этим троим проволокой связали руки за спиной и тут же повесили на глазах у немцев и русских. Дисциплина была восстановлена железной рукой.

И это тоже было отражением образа мыслей русских. Эрих смог это оценить позднее. Русская литература полна описаний подобных жестокостей. Виселица стала образом жизни сразу после революции 1917 года. Эриху Хартманну тогда исполнилось всего 23 года. Он стоял на лугу и смотрел на раскачивающиеся тела. Для него это было таким же ударом, как и вчерашнее насилие.

Фронтовые летчики редко попадают в плен. И редко они встречают противника лицом к лицу. В тех случаях, когда они видят вражеского пилота на земле после того, как его сбили, битва уже закончена для обоих. Пусть в измененном виде, но среди летчиков сохранилось рыцарство. Однако сухопутная война полна зверства и самых низменных проявлений различного рода. Ночь, которую Эрих провел в пехотном взводе после бегства из русского плена, дала ему незабываемые воспоминания о жестокостях сухопутной войны. И теперь он получил новый опыт, столкнувшись с образом мыслей, порожденным общей бесчеловечностью современной войны.

После повешения троих солдат обстановка в лагере немного успокоилась. Страх за себя у немецких женщин вскоре сменился другим чувством — позором. Отдельные женщины и девочки часто шли к русским победителям, чтобы заняться сексом. Матери отдавались советским офицерам и солдатам, чтобы получить немного продуктов для своих детей. Через неделю у немецких мужчин начали проявляться признаки истощения. В то же время те женщины, которые изменили свое мнение о русских, остались живы и даже начали поправляться. Нравственным следствием всего этого для Эриха стала полная переоценка всех ценностей.

Прожив последующие годы в тени советского колосса и даже вернувшись назад в Германию, Эрих никогда не забыл

горьких и болезненных уроков этого времени. Он учил свою жену Уш реалистичному взгляду на вещи, если такое обрешится на нее:

“Никогда не сомневайся в подобных случаях. Иди к высокопоставленному офицеру и постарайся очаровать его. Льсти ему и оставайся с ним. Он защитит тебя от остальных. Таким образом, тебе придется терпеть только одного мужчину, и ты сможешь избежать зверств и унижений группового изнасилования. Остальные смогут заполучить тебя только через труп твоего покровителя”. И он добавляет: “В тот век, когда мы живем, цивилизация может легко оказаться в лапах маньяков. Поэтому любая женщина на Западе должна быть готова иметь дело с людьми, обладающими восточным менталитетом”.

Этот урок Эрих извлек из своих страданий на памятном лугу. Поведение, абсолютно чуждое всему, чему его учили как германского солдата, нравственным принципам, заложенным его отцом, теперь стало частью его жизни. Он благодарил Бога, что именно ему пришлось пройти через насилия и повешения и что любимая Уш находилась в безопасности в Штуттгарте.

Эрих всего несколько лет назад был зеленым школяром, который не выносил задир. И это сделало эмоциональные последствия увиденного еще более резкими. Именно юношеская гибкость психики провела его через полторы тысячи боевых вылетов в ходе его героической карьеры, которая никогда не будет превзойдена. Однако ее не хватило, когда он столкнулся с примерами такого зверства и при этом был вынужден молчать. Впереди его ждали 10,5 лет русских лагерей, которые оставят множество черных воспоминаний. Из массы событий, хороших и плохих, происшедших с ним в течение всей жизни, только одно резко выделяется своей яркостью — картина дантовского ада на весеннем лугу».

Жестокое сексуальное насилие неразрывно связано с худшим из социальных конфликтов — войной. Патологическое нарушение сексуальных функций масс вызывает у непонимающего человека только недоуменное пожатие плечами. Люди считают, что подобные вещи существовали всегда и всегда будут существовать. Таким образом, они отрицают совершенно ясное свидетельство того, что неудовлетворенные любовные импульсы являются корнем социальных болезней, сотрясающих мир. Психопатические лидеры с помощью человеческого невежества или безразличия ухитряются манипулировать колоссальной энергией,

рождающейся из разочарований обездоленных масс. Этот малоизученный феномен лежит за всеми иррациональными социальными движениями, включая коммунизм и фашизм. Эти политические антиподы используют совершенно одинаковый источник энергии.

Деспоты, которые обращают миллионы добрых по природе людей в жестоких зверей, в современных условиях не могут обходиться без помощи пропагандистов — специалистов по созданию мифов и легенд, которые выдаются за правду. Геббельс выполнял эту роль в нацистской Германии. Илья Эренбург был советским Геббельсом. Красная армия потому начала свои зверства против немецкого гражданского населения, что Эренбург поднял настоящую истерию, призывая к мести.

От русских солдат требовали убивать фашистов, где только они их встречают, а также «брать гордых немецких женщин», чтобы забыть о тяжести сражений. Это была беспрюирышная ставка. Даже невинные немецкие дети стали объектами злобных нападков Эренбурга. «Никогда не забывай, что каждый немецкий ребенок, которого ты видишь, это детеныш фашиста», — вопил он. Последовала волна жестоких зверств, свидетелем которых стал и Эрих Хартманн на некогда мирном богемском лугу. В конечном итоге приказами по Красной армии все это было запрещено, однако злой гений Эренбурга сделал свое дело.

За свою историю человечество страдало от подобных проявлений, как от чумы, и потому отказывалось их признавать. Следует подходить к этим проявлениям человеческой природы, вооружившись новыми знаниями. Последние исследования Фрейда и других ученых проливают свет на человеческую психику и характер. В то время их данные не были достоянием широких кругов общественности.

Особенно ценными являются работы доктора медицины Вильгельма Рейха, который одно время работал ассистентом Фрейда. Он работал в германских психиатрических клиниках в годы, предшествовавшие приходу Гитлера к власти. В 1932 году он написал книгу «Массовая психология фашизма», которая, вероятно, является наиболее значительной социальной работой этого столетия. С помощью научного психоанализа он дал определение психической чумы, кото-

рой страдали Гитлер и Сталин и их пропагандистские лакеи и которой они заражали свой народ.

Основы сексуального насилия неотделимы от предельных человеческих страданий во время войны. Психическая зараза интернациональна и распространена по всему миру. Ни одна нация не имеет иммунитета. Как уже писалось, социальные зверства дома и за рубежом подтачивают целостность американской нации. Власти предпринимали множество усилий, чтобы скрыть эту работу и помешать ее распространению, но в то же время старались широко применять ее положения. Бежав от коммунистического и фашистского террора, доктор Рейх умер в 1957 году в американской федеральной тюрьме. Его книги и клинические записи, в том числе и «Массовая психология фашизма», были уничтожены американским правительством.

Авторы считали просто обязательным, перед тем как перейти к описанию десятилетия, проведенного Эрихом Хартманном в русских лагерях, указать, что знакомы с психологическими процессами, которые вызывают современные диктатуры. НКВД в России и СД в Германии, а также все секретные полицейские службы подобного рода являются питательной почвой для психопатов, обладателей незримой власти над миллионами. Честное разоблачение и описание деятельности таких организаций разумно и необходимо, чтобы навсегда отвлечь от человечества опасность этого заболевания».

Состояния психики, при которых становилось возможным подобное описанное в воспоминаниях летчика Хартмана, становились возможными исходя из специфики человеческой психики, открытой Зигмундом Фрейдом. Суть ее основывалась на том, что в психике любого индивида дремлют некие темные силы, которые искусственно (усилием воли и действием культуры) загоняются в самую глубь, чтобы ни в коем случае они не прорвались в сознание и такой индивид не начал творить сущие безобразия. Безобразия по меркам современного, культурного, общества. В одной из своих программных работ «Недовольство культурой» Фрейд задавался вопросом: "Что сами люди полагают целью и смыслом жизни, если судить по их поведению, чего они требуют от жизни, чего хотят в ней достичь?" Отвечая на этот вопрос, трудно ошибиться:

они стремятся к счастью, они хотят стать и пребывать счастливыми. Две стороны этого стремления — положительная и отрицательная цели; с одной стороны, отсутствие боли и недовольствия, с другой — переживание сильного чувства удовольствия. В узком смысле слова под «счастьем» понимается только последнее. В соответствии с этим удвоением цели деятельность людей идет по двум направлениям в зависимости от того, какую из этих целей — преимущественно или даже исключительно — стремится осуществить деятельность.

Как мы видим, цель жизни просто задана принципом удовольствия. Этот принцип с самого начала руководит работой душевного аппарата; не подлежит сомнению его целенаправленность, и все же программа принципа удовольствия вступает в противоречие со всем миром, как с макрокосмосом, так и с микрокосмосом. Она вообще неосуществима, ей противостоит все устройство Вселенной: можно было бы сказать, что намерение «осчастливить» человека не входит в планы «творения». То, что в строгом смысле слова называется счастьем, проистекает скорее из внезапного удовлетворения, разрядки достигнувшей высокого уровня напряженности потребности. По самой своей природе это возможно только как эпизодическое явление. Любое постоянство, длительность ситуации, страстно желательной с точки зрения принципа удовольствия, вызывает у нас лишь чувство равнодушного довольства. Мы устроены таким образом, что способны наслаждаться лишь при наличии контраста и в малой степени самим состоянием. Так что возможности нашего счастья ограничиваются уже нашей конституцией. Куда меньше трудностей с испытанием несчастья. С трех сторон нам угрожают страдания: со стороны нашего собственного тела, приговоренного к упадку и разложению, предупредительными сигналами которых являются боль и страх, — без них нам тоже не обойтись. Со стороны внешнего мира, который может яростно обрушить на нас свои огромные, неумолимые и разрушительные силы. И, наконец, со стороны наших отношений с другими людьми. Страдания, проистекающие из последнего источника, вероятно, воспринимаются нами болезненнее всех остальных; мы склонны считать их каким-то излишеством, хотя они ничуть не менее неизбежны и неотвратимы, чем страдания иного происхождения.

Не удивительно поэтому, что под давлением этих потенциальных страданий люди несколько умеряют свои притязания на счастье. Подобно тому как сам принцип удовольствия под влиянием внешнего мира преобразуется в более скромный принцип реальности, мы уже считаем себя счастливыми, если нам удалось избежать несчастья, превозмочь страдания. Задача избежать страдания вытесняет на второй план стремление к удовольствию. Размышление подводит нас к пониманию того, что к решению этой задачи ведут разные пути; все они рекомендовались различными школами житейской мудрости и были испробованы людьми. Ничем не ограниченное удовлетворение всех нужд выдвигается как самый что ни на есть соблазнительный образ жизни, но такая программа ставит наслаждение выше осторожности, что слишком быстро ведет к наказанию. Другие методы, основной целью которых является уклонение от неудовольствия, различаются в зависимости от того, какому источнику неудовольствия уделяется основное внимание. Имеются крайние и умеренные методы, односторонние или действующие сразу по нескольким направлениям. Добровольное одиночество, уход от других людей является самым обычным видом защиты от страдания, возникающего во взаимоотношениях между людьми. Понятно, какого рода счастья можно достичь на этом пути — счастья покоя. Если задача защиты от угроз внешнего мира ставится исключительно перед самим собой, то нет иного пути, кроме какого-нибудь ухода от мира. Конечно, есть иной и лучший путь: в качестве члена человеческого общества с помощью науки и техники перейти в наступление на природу и подчинить ее человеческой воле. Тогда человек действует со всеми и ради счастья всех. Самыми интересными методами предотвращения страданий являются, однако, методы воздействия на собственный организм. В конечном счете любое страдание есть лишь наше ощущение, оно существует только потому, что мы его испытываем вследствие определенного устройства нашего организма.

Самым грубым, но и наиболее действенным методом является химическое воздействие, интоксикация. Не думаю, что кому-либо удалось разгадать его механизм, но мы имеем дело с фактом существования чуждых организму веществ, наличие которых в крови и тканях вызывает у нас непосредственное чувство удовольствия; к тому же оно так изменяет

нашу чувствительность, что мы теряем способность ощущать неприятное. Оба эти воздействия не только одновременны, они кажутся и внутренне взаимосвязанными. В нашем собственном химизме, однако, должны существовать вещества, действующие подобным же образом. Мы знаем по крайней мере одно болезненное состояние — манию, при котором поведение напоминает воздействие наркотиков без их реального употребления. Кроме того, наша нормальная душевная жизнь представляет собой колебание между легкими и отягощенными формами разрядки чувства наслаждения, параллельно которым уменьшается или увеличивается чувствительность к неприятному. Очень жаль, что эта токсическая сторона душевных процессов до сих пор ускользала от научного исследования. Действие наркотиков в борьбе за счастье и избавление от бедствий оценивается как такое благодеяние, что и индивиды, и целые народы отводят им почетное место в своей экономике либидо. Наркотикам благодарны не только за непосредственное удовольствие, но также за высокую степень независимости от внешнего мира. С помощью этого «освободителя от забот» можно в любое время уклониться от гнета реальности и найти прибежище в своем собственном мире, где условия получения ощущений отличаются в лучшую сторону. Известно, что именно с этим свойством наркотиков связаны их опасность и вредность. Временами они повинны в том, что впустую растрачивается большое количество энергии, которую можно было бы употребить для улучшения человеческого удела.

Сложное строение нашего душевного аппарата допускает, однако, целый ряд иных воздействий. Удовлетворение влечений дает нам не только счастье, оно представляет собой и первопричину тягчайших страданий, когда внешний мир отказывает нам в удовлетворении потребностей и обрекает на лишения. Поэтому можно надеяться на освобождение от части страданий путем воздействия на эти влечения. Такого рода защита от страданий направлена уже не на аппарат ощущений, она желает подчинить внутренние источники потребностей. Крайним случаем такой защиты является умерщвление влечений — как тому учит восточная мудрость и как это осуществляется на практике йога. Если это удастся, то тем самым достигается и отречение от любой другой деятельности (в жертву

приносится жизнь), и мы иным путем достигаем опять-таки лишь счастья покоя. На этом пути можно ставить умеренные цели, скажем, когда стремятся только к контролю над жизнью наших влечений. Господствующими становятся в таком случае высшие психические инстанции, подчиненные принципу реальности. Здесь вовсе нет отречения от цели удовлетворения влечений; определенного рода защита против страданий достигается благодаря менее болезненному ощущению неудовлетворенности контролируемых влечений в сравнении с необузданными первичными влечениями. Но следствием этого является и несомненное снижение возможностей наслаждения. Чувство счастья при удовлетворении диких, не укрощенных "Я" влечений несравнимо интенсивнее, чем насыщение контролируемых влечений. Непреодолимость извращенных импульсов, а может быть, и притягательность запретного плода вообще находят здесь свое экономическое объяснение.

Другая техника защиты от страданий пользуется смещениями либидо, доступными нашему душевному аппарату. Благодаря этому его функционирование становится более гибким. Задача состоит в такого рода смещении целей влечений, чтобы они не сталкивались с отказом со стороны внешнего мира, чему способствует сублимация влечений. Человек достигает больше всего, повысив уровень наслаждения от психической и интеллектуальной работы. Тогда судьба мало чем может ему повредить. Такое удовлетворение, как, например, радость творчества художника при воплощении образов своей фантазии или радость ученого при решении проблем и познании истины, обладают особым качеством, которое нам, наверно, удастся когда-нибудь охарактеризовать с точки зрения метапсихологии. Сейчас мы можем лишь образно сказать, что они кажутся нам самыми "утонченными и возвышенными", но их интенсивность невысока в сравнении с грубыми первичными влечениями; они не потрясают нашу плоть. Слабость этого метода состоит в том, что его применимость не универсальна. Он доступен лишь немногим людям, предполагает наличие особых, не слишком часто встречающихся способностей и дарований. Но и этим немногим избранным он не обеспечивает совершенной защиты от страданий: он не одевает их в латы, непроницаемые для стрел судьбы, и отказывает, как только источником страданий оказывается собственная плоть. Если

уже этот метод дает наглядное представление о стремлении сделаться независимым от внешнего мира, о поисках удовлетворения во внутреннем мире психических процессов, то в следующем методе защиты от страданий эти черты еще более усиливаются. Связь с реальностью здесь еще меньше, удовлетворение достигается за счет иллюзий, признаваемых как таковые людьми, что не мешает им тем не менее находить наслаждение в уклонении от реальности. Эти иллюзии суть порождения фантазии. В свое время, когда завершалось развитие аппарата восприятия реальности, фантазия осталась за пределами требований проверки представлений действительностью и сохранилась как иллюзорное исполнение труднодостижимых желаний. На самой вершине такого рода фантастических удовлетворений стоит наслаждение произведениями искусства; посредством художника это наслаждение становится доступным и для нетворческой личности. Любому восприимчивому к воздействию искусства человеку оно знакомо как незаменимый источник наслаждения и утешения. Но легкий наркотизм, в который нас погружает искусство, дает не больше, чем мимолетное отвлечение от тягот жизни. Он недостаточно силен, чтобы заставить нас забыть о реальных бедах.

Энергичнее и основательнее другой метод, который видит единственного врага в реальности, являющейся источником всех страданий, — с нею невозможно сосуществовать, с нею нужно порвать всякие отношения, чтобы хоть в каком-то смысле быть счастливым. Отшельник отворачивается от мира, он не хочет иметь с ним дела. Но можно подвигнуться на большее, можно возжелать переделать мир, создать вместо него другой, в котором были бы уничтожены самые невыносимые его черты, — они заменяются на другие, соответствующие нашим желаниям. Тот, кто в отчаянном бунте становится на этот путь, как правило, ничего не достигает — действительность слишком сильна для него. Он становится безумцем и чаще всего не находит себе помощников в попытках реализации своих иллюзий. Впрочем, можно предположить, что у каждого из нас есть свой «пунктик», и мы ведем себя подобно параноику, желая своими мечтаниями исправить ту или иную невыносимую сторону мира, привнося свои иллюзии в реальность. На особую значимость претендует тот случай, когда множество людей совместными усилиями пытаются обеспечить себе счастье

и защиту от страданий путем иллюзорного преобразования действительности. Мы должны признать религии человечества видами такого массового безумия. Естественно, каждый, сопричастный этому безумию, таковым себя не считает».

Мы можем предположить, что становится возможным подобное оттого, что психика индивида уже как бы изначально ориентирована на получение принципа удовольствия (удовлетворения либидо). Причем выражаться это может как в легальной форме (во время добровольного вступления в половую связь лиц противоположного пола), так и в форме различных сексуальных девиаций и в форме насильственного удовлетворения сексуальных позывов. Причем зачастую выходит так, что если основываться на желании бессознательного, то на первый план выходит стремление удовлетворить себя самым что ни на есть извращенным способом (отсюда рост числа сексуальных насилий с несовершеннолетними, удовлетворения сексуальной страсти с лицами своего пола, вступления в половой контакт в форме сексуальных извращений и проч.). И это происходит в результате того, что на самом деле мы можем признать, что в большинстве случаев только такие формы удовлетворения сексуальных желаний являются самыми желанными для индивида. При таких формах он получает максимальное удовлетворение, которого зачастую лишен в современном обществе, где на первый план выходит оценка поведения любого индивида с позиции адаптации его в социуме, с позиции восприятия его поведения другими людьми.

Другими словами, в современное время, когда признаком цивилизации являются действия культурного человека, а цивилизация и культура стали своеобразными синонимами (порой исключительно взаимодополняющими друг друга), не только стало бы ошибочным для любого индивида удовлетворять свои сексуальные позывы в форме, которая ему больше всего нравится (при которой он мог бы получить максимальное удовлетворение), но и это бы еще вступило в противоречие с существующими законами. Поставив подобно тому индивида в форму маргинальности и противопоставление себя обществу, что привело бы (и обычно приводит, законы еще никто не отменял, причем в данном случае наблюдается состояние единства законов официальных с неофициаль-

ными — на зонах извращенцев уничтожают) к нанесению такому индивиду вреда путем изменения его психического и физического здоровья, и зачастую и действительно — морального и более чем реального уничтожения.

Причем следует заметить, что действия других людей в отношении сексуально озабоченных извращенцев вполне оправданны. Зачастую только таким образом становится возможно защититься от действий сексуальных маньяков, оберегая себя и своих близких от действий маргинально настроенных сограждан. При этом было бы еще более логичным выявление возможности таких деяний как бы изначально, заранее, чтобы потом собирать таких маньяков в одни места (своеобразные резервации), где в определенный момент всех разом и уничтожать. Ведь уже можно утверждать, что такие лица не исправятся. И при достижении определенных условий для осуществления чего-то подобного эти маньяки вновь будут стремиться удовлетворить свою страсть самым что ни на есть извращенным способом.

12. Тайные желания индивида

12.2. Принцип удовольствия

В свое время автор данной работы получил возможность взять интервью у человека, который провел более тридцати лет в закрытой спецпсихбольнице. Тридцать лет он провел, не выходя наружу. Получасовые прогулки на свежем воздухе бывали в лучшем случае раз в два-три дня, а все основное содержание сводилось к нахождению в камере и приему сильнодействующих лекарственных препаратов (его попросту «закалывали»). Попал в спецбольницу камерного типа он за совершение страшного преступления. Этот индивид вместе с подельником взорвал автобус с врачами, которые, по мнению преступника, поставили ему неправильный диагноз. Погибли несколько десятков человек. События произошли еще в советское время. В начале 90-х фактически пожизненно осужденного освободили, признав на нескольких комиссиях полностью исправившимся и не способным в дальнейшем к совершению противоправных деяний. Перед самым освобождением я спросил его, раскаивается ли он в совершенном, ведь

за это он провел большую часть жизни в тюрьме (попал в начале двадцатилетнего возраста, освобожден был когда ему было уже за пятьдесят. Выглядел, правда, моложе; маленького роста, сухонький, с опущенными чертами лица и тихой речью). Видимо, мне удалось затронуть что-то в его душе. Да и такие, как он, уже ничего не боятся (через какое-то время он действительно должен был выйти на свободу). И знаете, что он мне сказал? Он сказал, что жалеет только о том, что взял на дело подельника, который его сдал (как я знал из материалов дела, это было действительно так. К моменту, когда в милицию с повинной пришел напарник этого человека, уже готовились осудить совсем других людей.)

Другими словами, за годы, проведенные в застенках (а спецсикхбольница — это страшнее просто тюрьмы. В тюрьме вы ждете приговора или отбываете срок, а в спецбольнице вас еще и обрабатывают химиотерапией, делают уколы и проч.), этот человек нисколько не исправился, а лишь научился приспособливаться, разыгрывая осознавшего свою вину человека. При этом, удивительная деталь, он оставался в памяти и в сознании (тогда как известно, что советская психиатрия подобных попавших к ней людей не жалела, уже за достаточно непродолжительное время — порой хватало полугода и года — превращая внешне здоровых людей в психических и физических калек; причем, как и везде в нашей стране, помимо основной части действительно виновных находились в тюрьмах, лагерях и спецбольницах и ни в чем не повинные субъекты, вина которых часто заключалась лишь в том, что они оказались в ненужный час в ненужном месте, в результате чего попали под жернова, именуемые системой, ну а дальше, как говорится, дело техники. Сколько у нас по стране даже за один год выбивается признательных показаний — цифры страшные и ужасны.)

Если вернуться к вопросу принципа получения удовольствия, то тут, вероятно, следует вспомнить слова Фрейда, когда он, рассматривая вопрос устройства человеческой психики, отмечал, что «в нормальном состоянии для нас нет ничего достовернее чувства самих себя, нашего собственного "Я", кажущегося нам самостоятельным, целостным, ясно отличным от всего остального. Видимость обманчива, не существует четкой внутренней границы между "Я" и бессознательной ду-

шевной субстанцией, обозначаемой нами как «Оно». «Я» для нее служит лишь фасадом — этому научил нас психоанализ. Ему предстоит еще во многом уточнить отношения между «Я» и «Оно», однако, по крайней мере в отношениях с внешним миром, «Я» кажется отделенным от последнего резкой разграничительной линией. Только в одном, хотя и необычайном, но не патологическом состоянии дело обстоит иначе. На вершине влюбленности граница между «Я» и объектом угрожающе расплывается. Вопреки всякой очевидности, влюбленный считает «Я» и «Ты» единым целым и готов вести себя так, будто это соответствует действительности. То, что на время может устранить известная физиологическая функция, может, конечно, быть результатом и болезнетворных процессов. Из патологии нам известно большое число состояний, когда грань между «Я» и внешним миром делается ненадежной либо границы пролагаются неверно. Таковы случаи, при которых части нашего собственного тела или даже душевной жизни — наши восприятия, мысли, чувства — кажутся нам как бы чужими, не принадлежащими нашему «Я». Либо те случаи, когда на внешний мир переносится нечто порожденное или явно принадлежащее «Я». Таким образом, чувство «Я» также подвержено нарушениям, а границы «Я» неустойчивы.

Дальнейшие размышления показывают, что чувство «Я» взрослого человека не могло быть таковым с самого начала. Оно должно было пройти долгий путь развития. Понятно это зачастую недоказуемо, но реконструируется с достаточной степенью вероятности. Младенец еще не отличает своего «Я» от внешнего мира как источника приходящих к нему ощущений. Его постепенно обучают этому различные импульсы. Сильнейшее впечатление должно производить на него то, что одни источники возбуждения все время могут посылать ему ощущения (позже он узнает в них органы собственного тела), тогда как другие источники время от времени ускользают. Самый желанный из них — материнская грудь, призвать которую к себе можно только настойчивым криком. Так «Я» противопоставляется некий «объект», нечто находимое «во-вне», появляющееся только в результате особого действия. Дальнейшим побуждением к вычленению «Я» из массы ощущений, а тем самым к признанию внешнего мира, являются частые, многообразные и неустрашимые ощущения боли и неудоволь-

ствия. К их устранению стремится безраздельно господствующий в психике принцип удовольствия. Так возникает тенденция к отделению "Я" от всего, что может сделаться источником не-удовольствия. Все это выносится вовне, а "Я" оказывается инстанцией чистого удовольствия, которому противостоит чуждый и угрожающий ему внешний мир. Границы такого примитивно-го "Я" — чистого удовольствия — исправляются под давлением опыта. Многие из того, что приносит удовольствие и от чего нельзя отказаться, принадлежит все же не "Я", а "объекту". И наоборот, многие страдания, от которых хотелось бы избавиться, неотделимы от "Я", имеют внутреннее происхождение. Целенаправленная деятельность органов чувств и соответствующих умственных усилий учит человека методам различения внутреннего (принадлежащего "Я") и внешнего, пришедшего из окружающего мира. Тем самым он делает первый шаг к утверждению принципа реальности, который будет управлять дальнейшим его развитием. Такое различение, понятно, служит и практическим целям — защите от угрожающих неприятных ощущений. То обстоятельство, что "Я" способно применять для защиты от внутреннего недовольствия те же методы, которыми оно пользуется против внешних неприятностей, является исходным пунктом некоторых серьезных психических расстройств.

Так "Я" отделяется от внешнего мира. Вернее, первоначально "Я" включает в себя все, а затем из него выделяется внешний мир. Наше нынешнее чувство "Я" — лишь съжившийся остаток какого-то широкого, даже всеобъемлющего чувства, которое соответствовало неотделимости "Я" от внешнего мира. Если мы примем, что это первичное чувство "Я" в той или иной мере сохранилось в душевной жизни многих людей, то его можно признать своего рода спутником более узкого и ограниченного чувства "Я" в зрелом возрасте»⁵³.

Прослеживая взаимосвязь культуры, влияния культуры и условных запретов, налагаемых индивидами на свою психику, мы должны говорить и о том, что психике индивида подобное влияние, конечно же, приносит порой непоправимый вред.

Но ведь и иного, как говорится, не дано. Если мы хотим считаться цивилизованным обществом, то должны научиться держать в себе, не давая выход, различным позывам-желани-

ям. И вполне логично, что в случае, если кто-то все же позволяет дать им выход — в отношении его применяются меры правового характера, а такому индивиду инкриминируется та или иная статья Уголовного кодекса. И это нормально. В ином случае страну за достаточно короткое время объял бы хаос и массовый беспорядок. Причем тут уже следует вспомнить, что после того как власть в стране после совершения государственного переворота (революции) 1917 года перешла к большевикам, в стране не только начался хаос, анархия и разделение некогда единой державы на множество республик (Украина, Прибалтика, Закавказье, Север, Дальний Восток, Кубань, Дон, Польша, Финляндия и проч.), но и достаточно длительное время продолжались стихийные массовые бунты, люди организовывались в банды, учреждавшие свои республики даже на территории одного района (по типу моя деревня — отдельное государство) и т. п. безобразия. И только жесткий террор в отношении зачинщиков и пособников русского бунта смог вернуть страну в состояние стабильности и порядка.

Причем подобное смогли сделать только большевики. Ни меньшевики и кадеты (которых было большинство в то время в РСДРП, фигура Плеханова все же была несколько популярней молодого Ленина), ни эсеры, ни какая-либо другая власть (в том числе белогвардейцы, сохранявшие свое влияние в некоторых регионах вплоть до 1919 года) не смогли унять проявление этой анархии и стихийного бунта. А большевики смогли. Пусть и порой самыми жестокими мерами. Но подобное было оправданно. Большой частью народа вообще можно управлять исключительно на провоцировании в нем чувства страха. Это, конечно, уже не те искусные манипуляции с использованием СМИ, применяющиеся в современное время, когда хоть и происходит провоцирование в отдельных индивидах симптоматики психопатологии, что заставляет их сначала объединяться в массы, а после и подчиняться «исцелению», проецируемому от властей-манипуляторов. В те годы все же действовали прямолинейнее. И если задействовали в своих манипуляциях провоцирование базового инстинкта, то делали это просто и ненавязчиво. Заставляя подчиняться и выполнять требования новой власти, как говорится, под угрозой расстрела на месте.

Но и в том и в ином случае основное воздействие заключалось в провоцировании в сознании индивида чувства страха. Страх, именно страх, как говорится, действовал наверняка. Инстинкт сохранения собственной жизни — по сути один из самых сильнейших инстинктов в природе человека. (Правда, существует еще и танатос, по имени римского бога смерти, в контексте теории Фрейда — инстинкт смерти, желание смерти. Не рассматривая в данной работе танатос, мы тем не менее можем сказать, что его влияние весьма сильно в психике индивида. Большинство героических поступков, в том числе и смертельных, во время войны и прочих локальных конфликтов объясняется как раз наличием в психике индивида подобного инстинкта, инстинкта смерти. Да и сам Фрейд, как помним, открыл подобный инстинкт сразу после Первой мировой войны.)

Но вернемся к нашему разговору. Страх, относящийся, как мы помним, к базовым инстинктам, действует в иных случаях исключительно наверняка. Когда тому, на кого он направлен, уже словно бы и не остается иного выхода, кроме как подчиниться. И это действительно оправданно. И очень-очень результативно. Причем именно управление посредством страха можно назвать тем исконно русским (впрочем, хорошо известно управление страхом и в международной практике. Управление на Востоке и в исламском мире фактически вообще базируется на страхе и всецелом подчинении. На Западе точно такой же страх, начиная с Французской революции, когда обезумевшая толпа рубила головы монархам, в последующее время принял более извращенно-цивилизованную форму. И теперь уже там главенствует тот же страх, но, например, не страх смерти, а страх потерять высокооплачиваемую работу, страх скатиться вниз по социально-иерархической лестнице и проч.) понятием, своеобразной категорией, которая не одно поколение индивидов способна заставить выполнять установки и требования существующего правящего класса (более подробно страх мы рассматриваем в отдельной главе нашего исследования).

13. Современные средства манипулирования

13.1. Телевидение

Об ужасающем влиянии телевидения на подсознание (и уже так или иначе на сознание, потому как известно, что все находится в нашем подсознании, что через определенное время поступает в сознание), к сожалению, становится известно зачастую только людям, интересующимся данной проблемой. Что нельзя сказать об основной части общества, занятой решением совсем других целей и задач. Сказывается тут, главным образом, недостаток образования, ибо сейчас уже стало так выходить, что даже высшее образование не гарантирует того, что индивид получит — сможет получить — мозги, соответствующие хотя бы для правильного анализа окружающей жизни, книг и проч. Можно было бы сказать, что читают много. Но если посмотреть, что большинство читает, то лучше бы, как говорится, не читали. У основной части населения во вкусах превалирует или бульварное чтение, или литература совсем уж псевдонаучного содержания. Можно даже сказать, что филогенетически народ тянется к чтению научных произведений. Но неумение правильно осмыслить (даже вообще понять или прочитать до конца) подобные тексты вынуждает большую часть населения читать различные брошюры или книги сомнительного научного содержания, где авторы, прикрываясь дипломами несуществующих оккультных академий, по-своему искренне (хочется надеяться) стремятся донести до людей свои мысли, продиктованные больным воображением и искаженными знаниями подлинных фактов истории. Причем если вспомнить слова Геббельса чем сильнее ложь, тем в нее охотнее верят. Верят искренне и бессознательно. Но вот проблема только в том, что абсолютно любая информация, которая доходит до нас, сначала откладывается в подсознании, и только после часть ее переводится и в сознание.

Причем в большинстве случаев в таких ситуациях к индивиду приходит ощущение, что он сам дошел до мыслей, которые ранее к нему заблаговременно занесли в память манипуляторы. В этом-то вся и беда. Невозможно находиться в окружающей действительности и считать, что мы сами вольны отслеживать, что запоминать, а что нет. Это исключено. Это противоречит существующим законам психики, которые сви-

детельствуют о том, что любая информация, услышанная или увиденная нами, немедленно будет отложена в бессознательном нашей психики. Чтобы уже позже (причем это «позже» может наступить и через короткое время, и через годы и даже десятилетия) обнаружиться в сознании. С налетом выжимки как из информации прошлого (то есть с учетом задействования архетипической составляющей психики), так и будущего (то есть информации, которая поступала в психику все последующее время).

Иными словами, никому абсолютно нельзя быть уверенным в том, что нечто, что рождается (или может родиться) в его голове (какие-либо мысли и проч.), на самом деле появилось там просто так. Просто так ничего не бывает. Наша память своеобразный аппарат, который поглощает все, а потом, после переработки и проч. (в зависимости от того как у кого работает голова) в сознании отображается некий коррелят, некий результат, некая компиляция ранее увиденного и услышанного с налетом чего-то того, до чего мозги такого индивида дошли самостоятельно; когда в оценке принимают участие и все знания, полученные ранее, и весь жизненный опыт и проч.

Причем в данной ситуации вполне можно говорить о том, что получаемая информация распределяется неравномерно. В иных случаях какую-то часть ее вы всегда можете извлечь сразу. Другую — держать как бы про запас. А часть информации и не получить вовсе.

То есть, с одной стороны, она у вас вроде как и есть, а с другой — ее нет.

На первый взгляд — загадка. Если не знать, что любая информация поступает в сознание не сама по себе, а ее «выдергивает» какая-либо деталь, событие и проч. Какая-то мелочь. Но иногда как раз именно эта мелочь оказывается очень и очень важной. Причем действительно совсем невозможно предсказать, когда и как будет задействована нужная информация, когда она выйдет из под сознания.

Однако с приходом в нашу жизнь телевидения, которое, появившись в нашей стране в конце 50-х годов, к настоящему времени приобрело характер массового бедствия (по объему влияния на подсознание масс), можно говорить о том, что значительно упростились способы вызывания необходимых образов (ассоциаций) из подсознания.

Даже скажем так, что провокационные моменты посредством подаваемого сигнала с телеприемника (картинки изображения) в последнее время вполне позволяют достаточно безошибочно воздействовать на ту или иную аудиторию (целевую группу). И принцип, первоначально на Западе апробированный в рекламе, в современной России вполне стал использоваться в политтехнологиях. Причем применение его действительно столь успешно, что в зависимости от необходимости достижения того или иного результата специалисты могут действительно вызывать в человеке необходимые психологические состояния и, воздействуя на определенные механизмы сознания (вызывая необходимые стереотипы и проч.), добиваться практически любых результатов. Любых результатов, необходимых манипуляторам. Ибо, конечно же, совсем было бы наивно предполагать, что все задействованные манипуляторами технические средства направлены на благо общества. (Разве что можно сказать, что в аэропортах в информацию справочного характера, подаваемую диктором, вкрапливается специальная закодированная информация, направленная на то, чтобы террористы и проч. возможные нарушители выдали себя. То есть у них провоцируется нервозность, беспокойство и проч. Причем передаваемая информация становится понятна только им, остальные люди ее не замечают.)

Вообще же можно говорить о том, что в той или иной мере сейчас все, кто смотрит телевидение (если это только не просмотры эпизодического характера), уже как бы находятся в определенном биополе. Они получили (каждый свой) сигналы. Пока эти сигналы отложились у них в подсознании. Но при поступлении необходимой команды заложенная информация будет активизирована. При этом, в достаточной мере отследить то, что подобной кодировке уже подвержено ваше сознание (подсознание), практически невозможно. Ну, или это сможет только специалист (это, например, становится заметно, как вы реагируете на ту или иную информацию и проч.). Причем основная черта тех, кто получил свою долю кодировки от недобросовестных манипуляторов (посредством СМИ, и в первую очередь телевидения), — заниженный порог суггестивной чувствительности (повышенная внушаемость). В подобных случаях барьер критичности психики (цензура пси-

хики) весьма ослаблен. А значит, при должном желании подобного индивида легко ввести в заблуждение и фактически спровоцировать на то или иное действие массового характера.

Причем к каждому индивиду вполне возможно найти свой подход. Кого-то нужно направить на объединение с себе подобным (для достижения необходимого результата посредством повышения суггестивного воздействия). В ком-то резко повысить собственную значимость и уже посредством этого направить его на достижение необходимого манипуляторам результата. И т. п.

В общем, вполне можно заметить, что к любому индивиду можно подобрать ключик. Достаточно просто правильное наблюдение за ним, интуиция и соответствующие знания законов управления человеческой психикой (ну и еще ряд механизмов, как-то: владение методиками манипулирования, жизненный опыт и проч.).

13.2. Манипулирования посредством СМИ (краткий обзор)

Вернувшись к вопросу сравнения манипулятивного влияния на индивида или группу, мы можем еще раз сделать вывод, что различие между воздействием на отдельного индивида и группу индивидов лишь в его характере. В толпе влияние манипуляторов происходит значительно быстрее, а последствия такого внушения для индивида из группы — значительно выше (и страшнее, серьезнее, опаснее), нежели при манипулятивном влиянии на одного индивида (когда он действительно один и эффект присутствия толпы на него как бы не распространяется). Но при этом позволим себе повториться, что воздействие, оказываемое на одного индивида, по своей силе иной раз сопоставимо с тем воздействием, которое оказывается на группу. Хотя, безусловно, тут имеется целый ряд ограничений, главное из которых — целесообразность «окучевать» одного индивида, когда есть возможности оказывать массовое воздействие сразу на большую группу индивидов. Вот, например, выдержка с официального сайта Первого канала российского телевидения. «Сегодня Первый канал явля-

ется не только самым масштабным (программы Первого канала принимаются на территории, где проживает 98% населения страны), но и самым популярным телеканалом страны. Лидерство Первого канала убедительно подтверждают данные ведущих социологических служб, пользующихся разными методами измерения телеаудитории. По данным компаний TNS/Gallup Media, Russian Research, Comcon, с сентября 1995 года и по сей день Первый канал является единоличным лидером в эфире — доля аудитории Первого канала больше, чем у основных конкурентов»⁵⁴. (Согласно последней переписи 2002 года, население страны составляет чуть больше 145 млн чел. 98% от данной цифры — примерно 142 млн чел. Это и есть аудитория Первого канала.)

Поэтому при необходимости проведения тех или иных указов или иных мер целесообразно предварительно подготовить население страны. С помощью телевидения это становится очень даже возможно. Можно даже сказать, что в наше время с помощью телевидения возможно все. Ну, или почти все (если допустить, что определенная часть населения намеренно или в силу каких-то причин не смотрит телевизор).

С. Г. Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием» приводит способы манипулирования сознанием индивидов, которые используют СМИ. «Сегодня мало кто верит в объективность демократической прессы, купленной "олигархами", — пишет Кара-Мурза⁵⁵. — Но ведь еще недавно наша интеллигенция искренне в это верила — вот что удивительно. Еще удивительнее то, что на Западе никто особенно и не скрывает, что СМИ служат интересам господствующей олигархии и ни на какую объективность не претендуют. Американский король прессы Г. Люс (основатель журналов "Тайм", "Лайф", "Форчун" и многих других) в своем обращении к сотрудникам журнала "Тайм" заявил (1972): "Мнимая журналистская объективность, то есть утверждение, что автор подает факты без какой-либо ценностной оценки, является современной выдумкой, не более чем обманом. Я это отвергаю и осуждаю. Мы говорим: "К дьяволу объективность". Приятно послушать откровенного человека".

54 www.1tvspb.ru

55 www.kara-murza.ru

Далее Кара-Мурза приводит эти самые способы манипулятивных методик, которые использует СМИ. Разберем их вслед за великим ученым.

1. Фабрикация фактов или прямая ложь.

В данном случае эффект манипулирования, по словам Кара-Мурзы, происходит в результате мелких отклонений, используемых при подачи материала, но действующих всегда в одном направлении. Манипуляторы говорят правду, только когда правда может быть легко проверена. В остальных случаях стараются преподнести материал в нужном им ключе. Причем, по мнению Кара-Мурзы, ложь становится наиболее эффективной, когда опирается на заложенный в подсознание стереотип. И к сожалению, это действительно так же верно, как и то, что манипулирование становится наиболее эффективным, если ложные факты подменяются настоящими.

«Основные методы фабрикации фактов были отработаны уже в ведомстве Геббельса, — отмечает Кара-Мурза⁵⁶. — Они были во многом новаторскими и ставили в тупик западных специалистов. Так, фашисты ввели прием подстраховки ложных сообщений правдивыми, даже очень для них неприятными. В такой «упаковке» ложь проходила безотказно. Большое внимание уделялось провокациям с единственной целью снять «правдивый» пропагандистский фильм. Так, жителям оккупированного Краснодара было объявлено, что через город проведут колонну советских пленных и что им можно передать продукты. Собрались большое число жителей с корзинками, полными продуктов. Вместо пленных через толпу провезли машины с ранеными немецкими солдатами — и сняли фильм о «встрече».

Одно из важнейших правил манипуляции сознанием гласит, что успех зависит от того, насколько полно удалось изолировать адресата от постороннего влияния. Идеальной ситуацией для этого была бы тотальность воздействия — полное отсутствие альтернативных, неконтролируемых источников информации и мнения. Манипуляция несовместима с диалогом и общественными дебатами. Поэтому перестройка в СССР стала беспрецедентной по эффективности программой манипуляции — все средства массовой информации были в руках одного центра и подчинялись единой программе (тоталитарность контроля за прессой в годы перестройки была несравненно полнее, нежели

в «годы застоя»). Сложность выполнения этого правила прежде всего в том, чтобы создать у адресата иллюзию независимости, иллюзию плюрализма каналов информации. Для этого создается видимость многообразия СМИ по типу организаций, политической окраске, жанрам и стилям — при условии, что реально вся эта система подчиняется единым главным установкам. Идеальный случай — когда удается создать (точнее, допустить создание) радикальных оппозиционных источников информации, которые, однако, ограничивают свою информационную борьбу с режимом вопросами, которые не затрагивают сути главных программ манипуляции. А по остальным проблемам оппозиции разрешается извергать самую nepотpeбную хулу на власть.

Если по ходу воздействия изоляция адресата нарушается (например, появляется неожиданный неконтролируемый источник информации), то чаще всего операция по манипуляции свертывается, поскольку утрата иллюзии независимости резко усиливает психологическую защиту аудитории. Лучше смириться с потерей затраченных на неудачную попытку средств, нежели усиливать жертву — дороже обойдется при следующих попытках.

2. Отбор для материала событий реальности.

В данном случае, по мнению Кара-Мурзы, эффективным условием программирования мышления является контроль СМИ с целью подачи единой информации, но различными словами. Допускается также и деятельность оппозиционных СМИ. Но деятельность их подконтрольна и фактически не выходит за рамки разрешаемого им вещания. (То есть им разрешается критиковать, но при этом запрещается выстраивать в сознании масс единое представление о реальности.) Как говорится, кто располагает способностью к анализу и выведению необходимых результатов путем сопоставления фактов — тот эти факты в итоге и получает. Но уклон делается на то, что большинство не могут (или не будут). Поэтому в их подсознание станет закладываться модель, нужная манипуляторам.

Кроме этого, СМИ также используют т. н. принцип демократии шума, когда не нужное манипулятором сообщение (то, о котором для них невозможно умолчать) просто должно погибнуть под мощным выбросом разносторонней информации (то есть затрудняется анализ).

3. «Серая» и «черная» информация.

Вот как описывает это Кара-Мурза.

«Во второй половине XX века возник совершенно новый тип общественной жизни — СМИ стали использовать технологии психологической войны. Первоначально, после Первой мировой войны, этим термином обозначали пропаганду, ведущуюся именно во время войны, так что начало психологической войны даже рассматривалось как один из важных признаков перехода от состояния мира к войне. Американский военный словарь 1948 г. дает психологической войне такое определение: "Это планомерные пропагандистские мероприятия, оказывающие влияние на взгляды, эмоции, позиции и поведение вражеских, нейтральных или дружественных иностранных групп с целью поддержки национальной политики".

Г. Лассуэлл в "Энциклопедии социальных наук" (1934) отметил важную черту психологической войны — она "действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка". То есть как вид воздействия на сознание психологическая война направлена прежде всего на разрушение тех связей, которые соединяют людей в данное общество как сложную, иерархически построенную систему. Атомизация людей — вот предельная цель психологической войны... В... руководстве (1964) говорится, что цель такой войны — "подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится не способным к сопротивлению". Именно это и произошло с СССР — и каждый про себя может вспомнить, в какую сторону он стрелял в той войне.

В наставлении армии США "Ведение психологической войны" вводятся определения типа операций:

1. Белая пропаганда — это пропаганда, которая распространяется и признается источником или его официальными представителями.

2.. Серая пропаганда — это пропаганда, которая не идентифицирует специально свой источник.

3. Черная пропаганда — это пропаганда, которая выдается за исходящую из иного источника, чем подлинный».

Психологическая война против СССР стала важной частью холодной войны, что, кстати, является важным признанием того факта, что "холодная война" не была метафорой. Французский журнал пишет, что с конца 60-х годов "ЦРУ вышло за рамки обычного шпионажа, где, впрочем, не достигло больших результатов, для того чтобы начать действительно современную психологическую войну». Но здесь для нас даже важнее тот факт, что технологии "серой" и "черной" пропаганды вошли в обыденную практику СМИ и внутри собственных стран. До этого такие приемы применялись время от времени и были как бы отклонением от профессиональной этики»⁵⁷.

Кроме того, в данном случае используется также и информация без подтверждения источника (дается ссылка, например, на высокопоставленного чиновника и проч.).

4. Большие психозы.

Кара-Мурза отмечает, что тайными задачами СМИ является превращение граждан нашей страны в единую массу (толпу) с целью общего регулирования распространения потока информации, которой обрабатывается сознание и подсознание индивидов. В итоге — такой толпой легче управлять, а средний обыватель беспрекословно верит самым нелепыми утверждениям. Причем этот поток вполне может стать и международным.

«Континентальный (а теперь уже и межконтинентальный) размах, — пишет Кара-Мурза⁵⁸, — "толпообразующее" действие СМИ приобретает потому, что они образуют единую сеть, которой действительно накрывают всю массу людей, не имеющих ни времени, ни навыков для критического восприятия сообщений». А. Моль описывает конкретный случай цепной реакции сообщений:

«Корреспондент страсбургской газеты, прогуливаясь в районе исторической линии Мажино, обнаруживает, что какое-то предприятие производит там работы по восстановлению обрушившегося блиндажа, и пишет об этом заметку в разделе местных сообщений. Эта заметка попадает на глаза местному корреспонденту парижской газеты, который перепечатывает ее по той простой причине, что она по размеру точно дополня-

57 www.kara-murza.ru

58 Там же.

ет текст составленной им подборки до полной машинописной страницы. Новость попадает в Париж, где на нее не обращает внимания никто, кроме корреспондента иностранной газеты, пересылающего ее в свою редакцию. Затем через иностранное агентство печати сообщение попадает в нью-йоркскую газету, которая публикует его на второй странице. Там его находит и отбирает редактор парижской газеты. Все газеты, которые следят за этой парижской газетой и за "Нью-Йорк Таймс", воспроизводят эту новость под крупным заголовком, что в конечном счете приводит к соответствующим дипломатическим объяснениям».

А. Моль привел случай спонтанного возникновения маленького лавинообразного процесса. Но нередко такие процессы запускаются целенаправленно, и потом стоит многих усилий их блокировать. Пожалуй, одним из крупных недавних психозов, созданных СМИ, является паника в связи с болезнью «бешенства коров» в Англии. Цели операции не вполне ясны и будут обнародованы не скоро. Суть была в том, что вдруг во всей европейской прессе валом пошли статьи об эпидемии болезни коров, которая заразна для людей (при этом разрушается ткань головного мозга). В Великобритании от этой болезни умерли 10 человек, в газетах были опубликованы их биографии, вплоть до описания мясных блюд, которые они ели. Под давлением массового психоза руководство ЕЭС приговорило Англию к беспрецедентному наказанию — немедленно уничтожить всех коров в возрасте свыше трех лет и сжечь их трупы. Разумеется, был наложен запрет на экспорт мяса и т. д. Если бы эти санкции были реально выполнены, результатом была бы катастрофа английской экономики (шутка ли — забить в одночасье и уничтожить треть крупного рогатого скота). Психоз расширяться, возникли фирмы по проектированию и строительству коровьих крематориев. В кратчайший срок сжечь миллионы туш — небывалая техническая проблема.

Миф «бешенства коров» был создан средствами «серой» пропаганды. Установить его истоки по выступлениям прессы и телевидения было невозможно. Сначала ссылались на научную статью в известном журнале «Lancet», но ученые тут же открасились, а опубликованные в газетах выдержки из этой статьи никаких оснований для паники не давали — в ней лишь предполагалась возможность связи между болезнями коров и людей.

Но ведь и коровы могли заражаться от людей, а не наоборот. Да и вообще, 10 умерших за все время с момента открытия болезни — величина абсолютно ничтожная, таких странных болезней множество. Когда паника захлестнула Европу и люди перестали покупать говядину, в прессу стали просачиваться очень осторожные отрезвляющие сведения. Оказывается, в Испании от этой болезни умерли 53 человека, в Швейцарии — еще больше. Но поразительным образом никто в ЕЭС не пытался поставить вопрос о санкциях против Испании или Швейцарии — и в то же время никакие просьбы Англии о помиловании не действовали. Проблема была снята из СМИ какой-то новой сенсацией, так что о «бешенстве коров» все просто забыли. Никто уже не помнит, чем кончился этот скандал, — о нем в СМИ больше не было ни одного сообщения. Как сняли с Англии санкции, на каком основании — никто не знает и не интересуется. Чудесным образом исчезли крематории и фирмы, которые их собирались строить. Люди устали смотреть на другой спектакль...

Пресса (и вообще СМИ) сыграла важнейшую роль в процессе «толпообразования» в западном обществе. Человек массы, продукт мозаичной культуры, был в значительной степени создан прессой. Сами СМИ быстро стали объектом изучения в социодинамике культуры, и вскоре были обнаружены и даже математически выражены связи между простотой сообщения и его восприятием. СМИ, в отличие от высокой культуры, предназначены именно для массы. Поэтому в них были установлены жесткие ограничения на сложность и оригинальность сообщений (даже на длину слов, хотя два-три заумных слова всегда допускаются в статье в качестве «приправы» — они повышают привлекательность статьи в силу «гомеопатического» эффекта). В общем, давно было сформулировано такое правило: «Сообщение всегда должно иметь уровень понятности, соответствующий коэффициенту интеллектуальности примерно на 10 пунктов ниже среднего коэффициента того социального слоя, на который рассчитано сообщение» (А. Моль).

Под этим эмпирическим правилом лежит психологическое оправдание, согласно которому человек подсознательно тяготеет к примитивным объяснениям сложных проблем. Концепцию упрощения выдвинул еще в начале 20-х гг. У. Липпман (будущий «журналист № 1» США). Он считал, что

процесс восприятия — это всего-навсего механическая подгонка еще неизвестного явления под устойчивую общую формулу (стереотип). Поэтому пресса должна произвести стандартизацию явления, ставшего объектом сообщения. При этом, по его выражению, редактор должен опираться на стереотипы и рутинные мнения и «безжалостно игнорировать тонкости». Человек должен воспринимать сообщение без усилий и безоговорочно, без внутренней борьбы и критического анализа.

5. Утверждение и повторение.

В данном случае, отмечает Кара-Мурза, какая-либо информация подается в виде готовых шаблонов, которые фактически бьют на какие-либо стереотипы, имеющиеся в подсознании. Как пишет С. Московичи, «утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие. Это означает также просьбу к аудитории, к толпе принять идею без обсуждения, такой, какова она есть, без взвешивания всех «за» и «против», и отвечать «да» не раздумывая»⁵⁹.

В мышлении индивида, отмечает Кара-Мурза, сложился определенный, мозаичный тип культуры. СМИ являются фактором укрепления такого типа мышления, приучая индивида мыслить стереотипами и фактически снижая интеллектуальную задействованность при анализе материалов СМИ.

С. Московичи писал в «Учении о массах»: «Грамматика убеждения основывается на утверждении и повторении, на этих двух главенствующих правилах»⁶⁰. Он приводит слова Ле Бона: «Повторение внедряется в конце концов в глубины подсознания, туда, где зарождаются мотивы наших действий».

То есть, по мнению Кара-Мурзы, уже выходит так, что именно чрезмерное повторение в итоге притупляет сознание, заставляя практически без изменений любую получаемую информацию откладываться в подсознание. Заметим, что из подсознания через определенный промежуток времени вся информация в итоге оказывается в сознании.

59 www.kara-murza.ru

60 www.kara-murza.ru

«...Повторение — один из тех "психологических трюков", которые притупляют рассудок и воздействуют на бессознательные механизмы, — пишет Кара-Мурза⁶¹. — При злоупотреблении этим приемом стереотипы усиливаются до устойчивых предрассудков, человек тупеет». С. Московичи уделяет этому приему много внимания. Он пишет: «Таким образом, повторение является вторым условием пропаганды. Оно придает утверждениям вес дополнительного убеждения и превращает их в навязчивые идеи. Слыша их вновь и вновь, в различных версиях и по самому разному поводу, в конце концов начинаешь проникаться ими. Они, в свою очередь, незаметно повторяются, словно тики языка и мысли. В то же время повторение возводит обязательный барьер против всякого иного утверждения, всякого противоположного убеждения с помощью возврата без рассуждений тех же слов, образов и позиций. Повторение придает им осязаемость и очевидность, которые заставляют принять их целиком, с первого до последнего, как если бы речь шла о логике, в терминах которой то, что должно быть доказано, уже случилось...

Будучи навязчивой идеей, повторение становится барьером против отличающихся или противоположных мнений. Таким образом, оно сводит к минимуму рассуждения и быстро превращает мысль в действие, на которое у массы уже сформировался условный рефлекс, как у знаменитых собак Павлова... С помощью повторения мысль отделяется от своего автора. Она превращается в очевидность, не зависящую от времени, места, личности. Она не является более выражением человека, который говорит, но становится выражением предмета, о котором он говорит... Повторение имеет также функцию связи мыслей. Ассоциируя зачастую разрозненные утверждения и идеи, оно создает видимость логической цепочки». Как только появляется эта видимость, облегчается захват аудитории из интеллигенции. Теперь интеллигент может с легким сердцем верить любому абсурду, потому что не протестует логика — «полиция нравов интеллигенции».

6. Дробление и срочность.

В данной методике манипулирования, используемой СМИ, целостная информация, как отмечает проф. Кара-Мурза, раз-

61 Там же.

деляется на фрагменты, чтобы индивид не смог соединить их в единое целое и осмыслить проблему.

«Это фундаментальный принцип мозаичной культуры, — пишет ученый⁶². — Дроблению служит множество технических приемов: статьи в газете разбиваются на части и помещаются на разных страницах, текст или телепередача разбиваются рекламой».

Г. Шиллер дает описание этой технологии: «Возьмем, например, принцип составления обычной телевизионной или радиопрограммы или компоновки первой страницы крупной ежедневной газеты. Общим для всех является полная однородность подаваемого материала и абсолютное отрицание взаимосвязи освещаемых социальных явлений. Дискуссионные программы, преобладающие на радио и телевидении, представляют собой убедительные образцы фрагментации как формы подачи материала. Что бы ни было сказано, все полностью растворяется в последующих рекламных объявлениях, комических трюках, интимных сценах и сплетнях».

П. Фрейре считает дробление «характерным приемом культурного подавления», который принят как специфическая форма подачи информации в США. Из США этот прием распространился на все системы СМИ, занятые манипуляцией. Г. Шиллер так объясняет эффективность этого приема: «Когда целостный характер социальной проблемы намеренно обходится стороной, а отрывочные сведения о ней предлагаются в качестве достоверной "информации", то результаты такого подхода всегда одинаковы: непонимание, в лучшем случае неосведомленность, апатия и, как правило, безразличие». Разрывая на кусочки информацию о важном, быть может, даже трагическом событии, удается резко снизить отрезвляющее воздействие сообщения или вообще лишить его смысла.

Хаотизация потока сообщений носит в действительности лишь видимый характер, отбор событий, о которых решают дать информацию, производится определенной социальной структурой, в которую входят руководящие деятели СМИ. А. Моль пишет: «Задача этой группы деятелей заключается в том, чтобы выделить из совокупности всего, что только есть нового (в самом широком смысле слова, то есть учитывая,

что новизна может носить весьма относительный характер), небольшое число таких элементов и фактов, которые отвечали бы известным четко сформулированным критериям... Фактически средства массовой коммуникации сами и определяют "значительность" фактов... ведь именно они подают факты в таком свете, что в сознании миллионов людей весть о замужестве иранской принцессы предстает как не менее важное событие, чем последнее крупное открытие в области атомной энергии».

СМИ «конструируют» внешне хаотический поток сообщений таким образом, чтобы создать у читателя или зрителя нужный их владельцам (шире — господствующему классу) ложный образ реальности. Критерии отбора сообщений опираются на достаточно развитые теории и математический аппарат. Для каждого сообщения оценивается уровень трудности и дистанция до индивидуума (при этих расчетах в СМИ различают 4–5 слоев глубины психики человека, на которые должны воздействовать сообщения). Из этих данных сообщению присваивается ранг значимости, исходя из которого формируется газета или программа новостей. Опытные редакторы, конечно, расчетов не ведут, они владеют этими методами интуитивно (но главное, они точно улавливают сигналы, идущие от «хозяев»).

Одним из условий успешной и как бы оправданной фрагментации проблем является срочность, немедленность информации, придание ей характера незамедлительности и неотложности сообщения. Это — один из самых главных принципов американских СМИ. Считается, что нагнетаемое ощущение срочности резко усиливает их манипулятивные возможности. Ежедневное, а то и ежечасное обновление информации лишает ее какой-либо постоянной структуры. Человек просто не имеет времени, чтобы осмыслить и понять сообщения — они вытесняются другими, еще более новыми.

Г. Шиллер пишет: «Ложное чувство срочности, возникающее в силу упора на немедленность, создает ощущение необычайной важности предмета информации, которое так же быстро рассеивается. Соответственно ослабевает способность разграничивать информацию по степени важности. Быстрочередующиеся сообщения об авиационных катастрофах и наступлении национально-освободительных сил во Вьетнаме,

растратах и забастовках, сильной жаре и т. д. мешают составлению оценок и суждений. При таком положении вещей умственный процесс сортирования, который в обычных условиях способствует осмыслению информации, не в состоянии выполнять эту функцию. Мозг превращается в решето, в которое ежечасно вываливается ворох иногда важных, но в основном пустых информационных сообщений... Полнейшая концентрация внимания на происходящих в данную минуту событиях разрушает необходимую связь с прошлым».

Погрузив человека в поток «всегда срочных» сообщений, СМИ разорвали «цепь времен», создали совершенно новый тип времени — время спектакля, — в котором человек лишен исторических координат (в этом смысле он перестает, например, быть христианином). Мы не раз говорили, насколько это важно для снятия психологических защит против манипуляции. Французский философ (из греков) К. Касториadis в интервью 1994 г. сказал, отвечая на вопрос о том, каким образом это «остановившееся время» способствовало устранению смысла из всего происходящего: «Сейчас существует воображаемое время, которое состоит в отрицании реального прошлого и реального будущего — время без действительной памяти и без действительного проекта. Телевидение создает мощный и очень символический образ этого времени: вчера сенсационной темой была Сомали, сегодня о Сомали вообще не упоминают; если взорвется Россия, к чему, похоже, идет дело, то поговорят два дня о России, а потом забудут о ней. Сегодня ничему не придается действительно высокого смысла, это вечное настоящее представляет собой суп-пюре, в котором все растерто и доведено до одного и того же уровня важности и смысла».

Представление западными СМИ странной военной операции США в Сомали («Возвращение надежды») могло бы послужить прекрасной учебной задачей. К сожалению, ее, наверное, в России уже подзабыли. Я наблюдал ее по западному телевидению, и тогда это было еще в диковинку. Пока длилась операция, людей бомбардировали сенсационными и срочными репортажами с места событий — и ни разу не объяснили смысла всей этой затеи. При этом показ страшного зрелища сопровождался такими глумливыми и ерническими комментариями, что простой обыватель, еще не приученный

к Новому мировому порядку, испытывал шок. Как-то раз морские пехотинцы США от скуки разрядили свое оружие против группы «партизан» в Могадишо, которые сидели в какой-то мазанке. Никто даже не выяснял, против какой группы, — какая разница! Диктор телевидения сказал с гордостью, что «огневое превосходство американских войск было подавляющим». На деле «партизаны» не осмелились произвести ни одного выстрела и тут же подняли белую тряпку — благородная акция с начала до конца давалась в прямом эфире и записывалась на пленку (позже сомалийцы стали камнями забивать телерепортеров, снимающих такие акции). И мы видим на экране, как гиганты из морской пехоты ведут плененных противников — нескольких дистрофиков, некоторые из них на костылях. И диктор добавляет с тонкой иронией: «Похоже, что сомалийцам не понравилась атака американских войск, ибо голодающие дети стали кидать камни в грузовики, везущие им гуманитарную помощь». И следующим кадром — дети-скелеты, из последних сил кидающие камешки в мощные грузовики «US Army», везущие им еду. Как только США перестали «возвращать надежду», исчезновение самого слова «Сомали» из газет и телеэкранов произошло в один день и было абсолютным. Никакие «партизаны» и никакой голод никого в западных СМИ не интересует.

Пожалуй, еще более поучительным был поток информации из Никарагуа. Когда США начали большую войну против социал-демократического правительства сандинистов, Никарагуа стала одной из главных тем западной прессы. В 1990 г. народ маленькой страны изнемог и буквально со слезами на глазах на выборах отдал власть оппозиции, которой США обещали мир и помощь в 0,5 млрд долларов. В этот период теме Никарагуа отводилась в газетах целая страница. Я следил по испанской прессе, и там это вообще была тема № 1 — общий язык, близкая культура, правящая партия Испании была тесно связана с сандинистами, Умберто Ортега и Фелипе Гонсалес были друзьями и т. д. Сандинисты передали власть — и вдруг Никарагуа вообще исчезла со страниц прессы и с телеэкранов. Полностью! Как это может быть? Испанцам ведь интересно узнать, как там пошли дела, у многих родственники там. Никаких известий. Кое-что узнавали через иезуитов — там у них много миссионеров, кое-что от студентов, которые ездили пе-

редавать собранные для школ учебники и карандаши. В одной газете проскочил материал, написанный такими посланцами. Материал потрясает. Пришедшие к власти «демократы» приватизировали всю собственность, и она досталась нескольким семьям (раньше почти все принадлежало диктатору Сомосе и было национализировано). США, истратившие на войну 10 млрд долларов, обещанной помощи не дали. В результате безработица в Никарагуа составила 80% активного населения! И произошло то, чего никто не мог ожидать — ветераны гражданской войны, сандинисты и «контрас» объединились и с оружием в руках разъехались по кооперативам защищать их от приватизации. Народ живет на продаже кофе, что выращивают эти кооперативы (в одном из них и работали на уборке кофе испанские студенты, написавшие этот репортаж). Но это не те события, что западные СМИ распространяют для широкой публики.

7. Сенсационность.

В данном случае сохраняется тот же принцип — преподнести информацию так, чтобы не было возможности составлять единое целое. Но при этом выделяется какая-либо псевдосенсация. А уже под прикрытием ее — замалчивается по-настоящему важная новость (если эта новость по каким-то причинам опасна для кругов, контролирующих СМИ).

«Непрерывная бомбардировка сознания действующими на чувства сенсациями, — отмечает Кара-Мурза⁶³, — особенно "плохими новостями", выполняет важную функцию поддержания необходимого уровня "нервозности" (о ней писал уже Марат). Эта нервозность, ощущение непрерывного кризиса, резко повышает внушаемость людей и снижает способность к критическому восприятию. Нарушение привычной, стабильной социальной обстановки всегда повышает ситуативную внушаемость (в отличие от общей внушаемости так называют особые состояния, возникающие под действием аномальных ситуаций). Это стало предметом изучения в Европе 20-х годов, когда беззащитность против внушения наблюдалась не только у населения, терпящего социальное бедствие (как в Веймарской республике), но и в среде победителей.

Подготовка сенсации — кропотливая и дорогая работа, которую выполняют профессиональные специалисты. Замечательно то, что поданная в виде сенсации на телевидении информация, со всеми репортажами с места события, интервью в прямом эфире и т. д., как правило, принципиально искажает происшедшее событие. Это отмечается в специальной литературе по данной теме. Но это и не важно, важен эффект, ради которого запускается сенсация. При этом зритель очарован именно тем, что он наблюдает "неожиданное", неотобранный жизненный материал, так что между ним и реальностью нет никакого посредника. Эта иллюзия достоверности — сильное свойство телевидения....

Важным условием успешной манипуляции, как уже говорилось, является разрушение психологической защиты человека, тех устоев, на которых держится его способность к критическому восприятию информации.

В революции "по Грамши" телевидение стало главным оружием, посильнее тачанки Чапаева. Больше того, теория Грамши положена в основу современной рекламы. Ведь в принципе задачи схожи — убедить человека купить абсолютно ненужную вещь или выбрать в парламент Хакамаду. А сегодня оказалось, что соединение этих двух типов рекламы умножает силу «молекулярной агрессии». Так небольшая профессиональная группа — творческие работники телевидения — превращается в организацию, в особую спецслужбу, ведущую войну против сознания и мышления всей массы своих соотечественников.

Надо признать, что Запад сделал большой скачок в интеллектуальной технологии манипуляции. Неважно, что в целом мышление "среднего человека" там осталось механистическим, негибким — кому надо, эти новые технологии освоил. Специалисты и эксперты, советующие политикам, освоили новые научные представления, на которых основана "философия нестабильности". Они научились быстро анализировать состояния неопределенности, перехода стабильно действующих структур в хаос и возникновение нового порядка. Историки отмечают как важный фактор "гибридизацию" интеллектуальной элиты США, вторжение в нее большого числа еврейских интеллигентов с не свойственной англо-саксам гибкостью и парадоксальностью мышления.

Политэкономический смысл тех "цепей", что привязывают к телеэкрану пещерных людей XX века, в рыночном обществе лежит на поверхности. Говорят, что сейчас главным является рынок образов, даже такой товар, как автомобиль, сегодня есть прежде всего не средство передвижения, а образ, который представляет его владельца. Рынок образов диктует свои законы, и их продавец (телекомпания) стремится приковать внимание зрителя к своему каналу. Если это удастся, он берет плату с остальных продавцов, которые рекламируют свои образы через его канал. На Западе реклама дает 75% дохода газет и 100% доходов телевидения (в США реклама занимает около 1/4 эфирного времени). Даже немногие оставшиеся государственными каналы в большой степени финансируются за счет рекламы (во Франции два государственных канала зависят от рекламы на 66%; наиболее независимо телевидение ФРГ). В конце 80-х годов на американском телевидении плата за передачу 30-секундного рекламного ролика во время вечернего сериала составляла в среднем 67 тыс. долларов, а во время популярных спортивных состязаний — 345 тыс. долларов. В 2000 г. показ 30-секундного ролика во время финального матча чемпионата США по американскому футболу стоил 1,5 млн. долларов.

Соединение телевидения с рекламой придает ему совершенно новое качество. В рекламе "молекулярная" потребность предпринимателя в продвижении своего товара на рынке в условиях конкуренции соединяется с общественной потребностью буржуазии в консолидации общества (обеспечении своей культурной гегемонии). Именно этот кооперативный эффект сочетания потребностей вызвал взрывное развитие рекламы как особой культуры и индустрии. Мы не будем углубляться в сложную и далеко еще не выясненную природу рекламы и отметим лишь интересующую нас сторону. В современном буржуазном обществе в целом идеологическая роль рекламы намного важнее, чем информационная. Реклама создает виртуальный мир, построенный по "проекту заказчика", с гарантированной культурной гегемонией буржуазных ценностей. Это — наркотизирующий воображаемый мир, и мышление погруженного в него человека становится аутистическим. В общем такие люди образуют общество спектакля в чистом виде — они знают, что живут среди вымышленных образов, но подчиняются его законам.

В США в течение 10 лет (начиная с 1986 г.) велось организованное Фондом Карнеги большое исследование подростков в возрасте с 10 до 14 лет. Доклад, опубликованный в октябре 1995 г., впечатляет во многих отношениях, но здесь нас интересует один вывод: "Телевидение не использует своих возможностей в воспитании и дает пищу самым отрицательным моделям социального поведения... Пассивное созерцание рекламы может ограничить критическое мышление подростков и стимулировать агрессивное поведение".

Это действие рекламы, как уже говорилось, резко усиливается, когда она увязывается с, казалось бы, достоверными объективными сообщениями информационных выпусков. Возникает синергизм двух типов сообщений, и сознание людей расщепляется. Воображаемые образы рекламы по контрасту убеждают зрителя в правдоподобности известий, а теперь уже "заведомо истинные" известия усиливают очаровывающий эффект рекламы: бесстрастный репортаж создает инерцию "доверия", которое распространяется на идущую вслед за ним рекламу, а реклама, возбуждающая эмоции, готовит почву для восприятия идей, заложенных в "бесстрастном" репортаже. Поэтому увязка рекламы и последних известий на телевидении — вопрос большой политики. С другой стороны, реклама, разрывающая ткань целостного художественного произведения (например, кинофильма), резко снижает его благотворное воздействие на сознание человека. В начале 90-х годов в Италии коммунисты добились запрещения прерывать рекламой кинофильмы категории "высокохудожественные". Принятие закона сопровождалось тяжелым правительственным кризисом, это было одно из самых острых за последние годы политических столкновений. Удаление рекламы с экрана всего на полтора часа — вопрос принципиальной важности, существенно изменивший положение в обществе. Уже этого времени в сочетании с оздоровляющим воздействием неразрушенного фильма достаточно для починки сознания.

Реклама влияет на всю культурную политику телевидения. Часто указывают на тот очевидный факт, что телевидение в своей "охоте за зрителем" злоупотребляет показом необычных, сенсационных событий. Конечно, уже этим телевидение искажает образ реальности. Однако важнее другое: самый легкий способ привлечь зрителя, а значит, и рекламодателя —

обратиться к скрытым, подавленным, нездоровым инстинктам и желаниям, которые гнездятся в подсознании. Если эти желания гнездятся слишком глубоко, зрителя надо развратить, искусственно обострить нездоровый интерес. Один западный телепродюсер сказал об этом откровенно: рынок заставляет меня искать и показывать мерзкие сенсации; какой мне смысл показывать священника, который учит людей добру, — это банально; а вот если где-то священник изнасиловал малолетнюю девочку, а еще лучше — мальчика — а еще лучше старушку, то это вызовет интерес, и я ищу такие сенсации по всему свету. А свет велик, и такого материала для ТВ хватает.

Особо выгодным товаром оказываются для ТВ именно образы, запрещенные для созерцания культурными запретами. Перечень таких образов все время расширяется, и они становятся все более разрушительными. Простая порнография и насилие уже приелись, поиском оставшихся в культуре табу и художественных образов, которые бы их нарушали, занята огромная масса талантливых людей. Вот недавно телесериал "Бруксайд", отснятый коммерческим четвертым каналом британского ТВ, получил "замечание" Совета по контролю качества телепрограмм (есть такой в демократической Англии). Ради привлечения зрителя режиссер "без всякой необходимости" показал сцену инцеста — полового акта брата и сестры. Дело усугублялось еще и тем, что для этого были приглашены очень привлекательные актеры, играющие обычно положительных героев (Джон Сэндфорд и Элен Грейс). Как же оправдывался режиссер? Мы, сказал он, включили сюжет с инцестом, потому что это позволяет "атаковать последнее табу". Лучше не скажешь.

Таким образом, уже рынок, независимо от личных качеств телепредпринимателей, заставляет их развращать человека. Если это совпадает и с политическими интересами данной социальной группы, то ТВ становится мощной разрушительной силой. Что же мы знаем о разрушении культурных устоев с помощью ТВ? Прежде всего, ТВ интенсивно применяет показ того, что люди видеть не должны, что им запрещено видеть глубинными, неосознанными запретами. Когда человеку это показывают (а запретный плод сладок), он приходит в возбуждение, с мобилизацией всего низменного, что есть в душе. Набор таких объектов велик, обычно упирают на порнографию. Но упомянем таинство смерти. Смерть — важнейшее событие

в жизни человека и должна быть скрыта от глаз посторонних. Культура вырабатывает сложный ритуал показа покойного людям. Одно из главных обвинений ТВ — срывание покровов со смерти. Это сразу пробивает брешь в духовной защите человека, и через эту брешь можно внедрить самые разные установки.

На частом показе смерти настаивают рекламодатели. Специалисты по рекламе, следующие принципам школы фрейдизма, считают, что зрелище смерти, удовлетворяющее "комплексу Танатоса", сильнее всего возбуждает внимание и интерес зрителей. А. Моль отмечает, что это мнение очень распространено среди редакторов прессы и телевидения: "Смерть является несомненной ценностью, так как человек с удовольствием узнает, что кто-то умер, в то время как он сам продолжает жить..." Не вполне объяснена цель, но надежно установлен факт: ТВ... формирует "культуру насилия", делает преступное насилие приемлемым и даже оправданным типом жизни для значительной части населения. ТВ резко преувеличивает роль насилия в жизни, посвящая ему большое время; ТВ представляет насилие как эффективное средство решения жизненных проблем; ТВ создает мифический образ насильника как положительного героя. Эксперты ТВ говорят, что, показывая "спектакль" насилия, они якобы отвлекают от насилия реального: когда человек возвращается в жизнь, она оказывается даже лучше, чем на экране. Мол, "создается культура насилия, которая заменяет реальность насилия" (это так называемая гипотеза катарсиса). Психологи же утверждают, что культура насилия не заменяет, а узаконивает реальность насилия. Более того, в жизни акты насилия изолированы, а ТВ создает насилие как систему, что оказывает на психику гораздо большее воздействие, чем реальность. Психолог Э. Фромм считает, что показ насилия ТВ — попытка компенсировать страшную скуку, овладевшую лишенным естественных человеческих связей индивидуумом. Он "испытывает пассивную тягу к изображению преступлений, катастроф, кровавым и жестоким сценам — этому хлебу насущному, которым ежедневно кормят публику пресса и телевидение. Люди жадно поглощают эти образы, ибо это самый быстрый способ вызвать возбуждение и тем облегчить скуку без внутреннего усилия. Но всего лишь малый шаг отделяет пассивное наслаждение насилием от активного возбуждения посредством садистских и разру-

шительных действий". ТВ становится "генератором" насилия, которое выходит из экрана в жизнь. Во всяком случае, для части населения это надежно подтверждено.

Уже ясны многие истоки этого нигилизма и тоски — платы за лишение мира его святости и благодати. Важная причина — духовная пища, те образы, которые человек получает через ТВ. Человек жадно глотает их, чтобы защититься от тоски, но ТВ создало такой тип образов, которые легко потребляются, но из которых выхолощена суть, это огромный поток штампов. Они обладают гипнотическим действием и формируют суррогат мнения, но подавляют всякую творческую, духовную активность человека. Это — вывод специалистов, и доказывается он сложными и тонкими наблюдениями.

В результате, как и в случае наркотиков, человек должен потреблять все большее количество и все более сильных и грубых образов — пока он не будет разрушен как личность или не перейдет к другому способу отвлечения. Десять лет назад средний класс США нашел такое развлечение — обмен женами на уик-энд. Но сегодня это уже пресно. И возник новый бизнес под жаргонным названием snuff (что-то вроде "понюхать"). Людей похищают, чтобы затем пытаться их до смерти в подпольных студиях, где на хорошей аппаратуре записывают видеофильм: пытку, агонию, смерть. Эти кассеты идут по очень высокой цене, и бизнес цветет. В Англии, по сведениям Скотланд-Ярда, распространением видеофильмов только о пытках детей заняты около 4 тыс. продавцов. Но это — совершенно логичный этап той спирали "фиктивного" насилия, которую развернуло ТВ.

Буржуазное общество сотворило нового человека и совершило богоборческое дело — сотворило новый язык. Язык рациональный, порвавший связь с традицией и множеством глубинных смыслов, которые за века выросли на слова. Сегодня телевидение, как легендарный Голем, вышло из-под контроля (эта аллегория тем более поразительна, что в иудейской легенде раби Лев оживил Голема, написав у него на лбу слово "Эметх" — "Истина". То же самое слово буквально написано на лбу у телевидения). Оружие, которым укрепились западное общество и которым оно разрушает своих соперников, разрушает и "хозяина". Запад втягивается в то, что философы уже окрестили "молекулярная гражданская

война" — множественное и внешне бессмысленное насилие на всех уровнях, от семьи и школы до верхушки государства. Справиться с ним невозможно, потому что оно "молекулярное", оно не организовано никакой партией и не преследует никаких определенных целей. Даже невозможно успокоить его, удовлетворив какие-то требования. Их никто прямо и не выдвигает, и они столь противоречивы, что нельзя найти никакой "золотой середины". Насилие и разрушение становятся самоцелью — это болезнь всего общества...

Вот выводы ученых о том, какую роль сыграло ТВ как важнейший сегодня инструмент информации и культурного воздействия на человека. Первый и поистине поразительный вывод: ТВ обладает свойством устранять из событий правду. Именно глаз телекамеры, передающий событие с максимальной правдоподобностью, превращает его в "псевдособытие", в спектакль. Кассеты с записью суда даже не могут считаться документом истории — они искажают реальность. Объектив камеры действует таким образом, что меняет акценты и "вес" событий и стирает границу между истиной и вымыслом. Этот эффект еще не вполне объяснен, но он подтвержден крупным и дорогим экспериментом Би-Би-Си.

И вот общий вывод о различии двух зрелищных искусств: театра и ТВ. Драма на сцене, независимо от числа трупов в финале, производит эмоциональное очищение зрителя — катарсис, который его освобождает от темных импульсов и желаний. Телесуды (и над Симпсоном, и другие) не только не производят катарсиса, но, напротив, оставляют "лишний осадок злобы, подозрений, цинизма и раскола". Анализ показал, что ТВ именно "конструирует реальность" — все участники суда над Симпсоном "работали на объектив". То впечатление, которое спектакль оказывал на страну, бумерангом действовало и на суд. Даже судья, когда делал заявление, поворачивался лицом к телекамере. Присутствие ТВ оказывает такое воздействие, что экс-премьер и сенатор Италии Андреотти согласился предстать перед судом, если процесс будет передаваться в прямом эфире. Он уже знал об эффекте камеры. Прецедент был в 1986 г. в Нанте (Франция), где обвиняемые, тайно получив оружие, захватили заложниками весь суд, но не стали скрываться, а поставили условием пригласить на процесс ТВ. И автоматически превратились из преступников в героев захватывающего телесериала.

Видный юрист пишет, что объектив телекамеры, дающий крупным планом лицо обвиняемого, прокурора, судьи, служит как бы протезом глаза телезрителя, который приближает его на запретное расстояние и создает мерзкое ощущение мести. Эта способность ТВ не имеет никакого отношения к демократическому праву на информацию, это — право глядеть в "замочную скважину". По определению этого юриста, присутствие телекамеры в зале суда создает особый жанр порнографии и телесуд не может не быть неприличным спектаклем. Зал суда с телекамерой — это особый сценарий, действующий по своим законам и фабрикующий свою "правду".

Если телевидение не отражает, а создает реальность, значит, его никак нельзя сравнивать с безобидным зеркалом, на которое неча пенять. ТВ деформирует нас самих. Пресса полна сообщений о прямом воздействии ТВ на реальные события, на "создание" человеческих трагедий. Особенно в этом отличились передачи нового жанра — задушевных откровенных разговоров (talk show). Ради сенсации ведущие с ТВ лезут к людям в душу, вытягивают перед телекамерой скрытые грехи, семейные тайны, похороненные в глубине памяти гадости — а после этого у жертв наступает и раскаяние и злоба, случаются даже убийства...

...Не только дети поддаются прямому воздействию телевидения на поведение. В одном исследовании начала 80-х годов в США 63% осужденных заявили, что совершили преступление, подражая телевизионным героям, а 22% переняли из передачи телевидения "технику преступления". Однако дети и подростки оказались наименее защищенными против воздействия телевидения группами. Социальному "заражению" под действием телеэкрана дети начинают подвергаться уже с дошкольного возраста. Этому посвящены большие исследования психологов Стэнфордского университета под руководством А. Бандуры, которые положили начало целой научной области.

А. Бандура сначала изучал "заражение" при наблюдении сцен насилия и в обыденной жизни — в присутствии ребенка кто-то (взрослый или другой ребенок) ведет себя крайне агрессивно: бьет кукол, калечит искусственных животных и т. д. Как пишет другой известный психолог, профессор Корнельского университета У. Бронфенбреннер, после наблюдения та-

ких сцен "без всякого к тому побуждения абсолютно нормальные, хорошо адаптированные дошкольники начинают вести себя агрессивно. Причем они не только проделывают все, что увидели, но и дополняют "комплекс активности" собственной фантазией".

Затем А. Бандура заменил реальные сцены насилия сценами, увиденными по телевидению (в специально сделанных "лабораторных" фильмах, а также в художественных или документальных фильмах). Было проведено огромное количество экспериментов с людьми разного возраста (детьми, подростками, студентами и взрослыми) и сделан надежный вывод: сцены насилия на телеэкране вызывают сильные агрессивные импульсы. При этом вид страданий жертвы насилия лишь усиливает интенсивность агрессивной реакции телезрителя. Иными словами, эти эксперименты опровергли отмеченную выше "гипотезу катарсиса", согласно которой виртуальные сцены насилия вытесняют агрессивные импульсы. По поводу выводов А. Бандуры фирмы, производящие телевизоры, сделали коллективное заявление с попыткой поставить эти выводы под сомнение. Но этим только подлили масла в огонь и стимулировали много новых исследовательских проектов, которые эти выводы подтвердили (так, большие исследования были проведены в 80-е годы в Англии).

У. Бронфенбреннер заключает свою главу, подчеркивая связь воздействия телевидения с индивидуализмом как фактором, повышающим психологическую незащищенность подростков: "Образующийся моральный и эмоциональный вакуум вынужденно заполняется телеэкраном с его ежедневной проповедью меркантильности и насилия... Стоит отметить, что из всех шести стран, где проводились исследования, лишь одна превосходит Соединенные Штаты по степени склонности детей к антисоциальному поведению, причем эта страна ближе всех стоит к нам с точки зрения традиций англосаксонского индивидуализма. Речь идет об Англии, родине ансамблей "Битлз" и "Ролинг Стоунз", нашем основном конкуренте в области бульварных сенсаций, юношеской преступности и насилия».

Откуда у ТВ такая сила в манипуляции сознанием? Первое важное свойство телевидения — его "убаюкивающий эффект", обеспечивающий пассивность восприятия. Сочетание

текста, образов, музыки и домашней обстановки расслабляет мозг, чему способствует и умелое построение программ. Видный американский специалист пишет: "Телевидение не раздражает вас, не вынуждает реагировать, а просто освобождает от необходимости проявлять хоть какую-нибудь умственную активность. Ваш мозг работает в ни к чему не обязывающем направлении".

Насколько человек становится зависим от такого зрелища, говорит большая серия скандалов в США, связанных с разоблачением махинаций в популярных телевизионных шоу-викторинах. Тогда Институт Гэллага провел опрос телезрителей и выяснилось, что 92% зрителей знали об этих махинациях, но при этом 40% "хотели смотреть телевикторины, даже зная, что они фальсифицированы".

Человек может контролировать, "фильтровать" сообщения, которые он получает по одному каналу, например, через слово и через зрительные образы. Когда эти каналы соединяются, эффективность внедрения в сознание резко возрастает — "фильтры" рвутся. Так получилось с комиксами: любой, самый примитивный текст легко заглатывался, если сопровождался столь же примитивными рисунками. Комиксы стали первым мощным жанром, формирующим сознание "масс". ТВ умножило мощь этого принципа. Текст, читаемый диктором, воспринимается как очевидная истина, если дается на фоне видеоряда — образов, снятых "на месте событий". Критическое осмысление резко затрудняется, даже если видеоряд не имеет никакой связи с текстом. Неважно! Эффект вашего присутствия "в тексте" достигается.

Обратите внимание — чуть не в половине сообщений информационных программ это какие-то обрезки видеозаписей из архива. Иногда при монтаже даже не убирают дату съемки видеокadra, и бывает, что актуальный репортаж "из горячей точки" сопровождается видеозаписью многолетней давности. Вот в 1996 г. между США и Китаем возникла напряженность в связи с Тайванем. Антикитайские комментарии ведущих западного телевидения и кадры с мощными американскими авианосцами (защита тайваньской демократии) стали сопровождаться кадрами, сильно бьющими по чувствам, — зрелищем смерти. Ведущий предупреждает: сейчас мы покажем сцену, которая может быть слишком тяжелой для ваших нер-

вов. Массы телезрителей прикипают к экрану. Да, сцена тяжелая — расстрел торговцев наркотиками в КНР. Они стоят на коленях, им стреляют в затылок. В левом углу внизу видна дата — 1992 г. Но зритель на это не смотрит, он увязывает зрелище казни с Тайванем 1996 г. и идущими на выручку авианосцами. А иногда, то ли для проверки нашей тупости, то ли из озорства, на экране показывают вообще посторонний сюжет — какие-то автомобили, верблюды, городские толпы.

Множественность каналов информации в телевидении придает ему такую гибкость, что одно и то же слово может восприниматься по-разному, так что одному и тому же тексту можно придавать разное содержание (это, кстати, позволяет обходить нормы законов о телевидении, объектом которых является прежде всего текст). Американский профессор О'Хара в книге "Средства информации для миллионов" пишет об умелом дикторе: "Его сообщение может выглядеть объективным в том смысле, что оно не содержит одобрения или неодобрения, но его вокальные дополнения, интонация и многозначительные паузы, а также выражение лица часто имеют тот же эффект, что и редакторское мнение...

...Та аномальная сила внушения, которой обладает телевидение, может послужить симптомом для обнаружения более фундаментальной проблемы — изменения типа сознания и мышления при переходе человечества к новому способу получения информации, не с листа, а с экрана. Независимо от типа культуры все развитые общества Нового времени принадлежат к цивилизации книги. Точнее, к цивилизации чтения текста, изданного типографским способом. Именно чтение напечатанного на бумаге текста задает ритм и структуру мыслительного процесса в культурном слое всех стран и соединяет всех в связанную этими сходными структурами мышления цивилизацию. Этот тип чтения и соответствующий ему тип мышления — не простой продукт биологической эволюции мозга. Они появились только на заре Нового времени в результате появления книгопечатания и широкого распространения печатного текста. Возник новый способ чтения — через диалог читателя и текста.

Когда рукописную книгу читал человек Средневековья (обычно коллективно и вслух, нараспев), это не было диалогом — читатель, как пилигрим, шел по тексту к той ис-

тине, которая была в нем скрыта. Один философ сказал: так монахи на утренней молитве ожидают зари, которая осветит чудесный витраж собора. Текст был лабиринтом, почти иконой — расписан художником, без знаков препинания. С ним нельзя было спорить, его можно было только комментировать. Типография дала новый тип книги, читать ее стали про себя, перечитывая, размышляя и споря с автором. Читатель стал соавтором, чтение — творчеством.

Сегодня главным носителем текста стал экран — ТВ или компьютера. Возник огромный избыток информации ("шум") и огромная скорость, создавшие новый тип чтения без диалога, чтения-потребления. Текст на экране построен как поток "микрособытий", и это привело к кризису "макротекста", объясняющего мир и общество. Быстро набирающий силу Интернет помимо распространения экранных текстов восстанавливает и прямое общение людей, но рано давать оценки тех воздействий на общество, которые станут доминировать. Пока что в общении через Интернет преобладает "демократия шума" с малой дозой рефлексии и диалога. Кроме того, вопреки ожиданиям самих разработчиков сетей, общение через Интернет не уменьшает, а усиливает отчуждение людей. В общем, то общество, что складывается при чтении и вообще получении информации с экрана, называют по-разному: демократия шума, видеократия, общество спектакля и т. д. Но вернемся к вопросу о том, что произошло при широком использовании политической рекламы через телевидение.

Глубина изменений и общества, и типа власти видна из того, что из общественной жизни была устранена сама проблема политического выбора через столкновение идей. Если раньше политика предполагала наличие программы, постановку проблем, изложение альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь все это заменено конкуренцией образов, имиджей политиков, причем эти имиджи создаются по законам рекламного бизнеса. Формула такова: "если ты не принимаешь меня таким, каков я есть на самом деле, я стану таким, каким ты хочешь меня видеть". Литература полна описаний того, как политики, желающие охватить разнородные и даже противостоящие группы избирателей, готовят несколько рекламных роликов с совершенно различными, несовместимыми имиджами...

...Телевидение персонифицирует социальные и политические противоречия, представляет их не как столкновение социальных интересов и соответствующих программ, а как столкновение лидеров ("существование заменяет сущность"). Программная риторика вытесняется личностной, политические дебаты становятся театром с хорошей режиссурой (например, в таких дебатах большую роль приобретают не высказывания, а мизансцены, жесты, внешний облик). Те, кто наблюдает эти дебаты на телеэкране, входят в роль зрителя и утрачивают свободу воли и ответственность гражданина, делающего выбор. Политические консультанты, которые выступают как режиссеры этих спектаклей, сами могут вообще не иметь никаких идеологических пристрастий и выступают как специалисты по маркетингу. Нередко они после одной избирательной кампании получают контракт от политических противников "их" кандидата.

Создание телевизионного образа как главная технология политической борьбы имела для культуры и в целом для общества страшные последствия. Говорят, что "имидж господствует над речью" — произошла смена языка в политике. Язык стал таким, что политик может полчаса гладко говорить, но после этого невозможно кратко повторить основное содержание его речи. Из политики устраняется сама категория противоречия, конфликта. Телевидение превратило политический язык (дискурс) из конфликтного в соглашательский — политик, создавая свой имидж, всегда обещает "сотрудничать со всеми здоровыми силами". Таким образом, из политики устранена всякая диалектика. Язык тесно связан с системой ценностей, и, как считается, возникновение особого телевизионного языка привело к глубокому кризису самой категории ценностей в политике. Переход от диалектического языка к "соглашательскому" означал катастрофическое обеднение и упрощение политической жизни. Сегодня на Западе для среднего университетского профессора совершенно недоступен тот политический язык, которым владел грамотный рабочий начала XX века...»

Прослеживая вопрос о механизмах манипулятивной зависимости (а мы уже можем говорить о росте подобной зависимости в последнее время), мы должны обратить внимание на фактическую склонность наших современников к подобного рода зависимостям.

Еще сто лет назад (как, впрочем, и пятьдесят, и даже двадцать) люди в нашей стране вполне избегали тех форм манипулирования их сознанием, которые буквально обрушились на них в наше время. Мы уже разбирали вопрос со СМИ (еще более подробно проработан подобный вопрос в монографии автора о манипулировании массами). Можно вполне завидовать тому времени. Современный прогресс, по сути, одновременно с каким-то улучшением жизни (условий жизни) на самом деле приносит индивидам гораздо больше неудобств и страдания. Имеется в виду страдание в душевном плане. Все те муки и терзания, которые неким чудодейственным образом обходили стороной людей в прошлом, в современном мире все чаще опутывают щупальцами сознание масс, приводя к развитию патологии многих личностей, могущих ранее, быть может, занять достойное место в обществе.

Сейчас же они этого стали лишены. И виной всему, как ни странно, научно-технический прогресс. Причем стоит заметить, что, в общем и целом, мы совсем не стремимся быть зачисленными в отряд антиглобалистов. Совсем нет. Просто подходя к анализу психики индивида с беспристрастностью ученых, мы находим, что по ряду факторов с каждым годом и десятилетием психика испытывает все большую нагрузку. В какой-то мере этим объясняется процесс более раннего развития современных детей (даже Эдипов комплекс со времен Фрейда сдвинулся в среднем с пяти лет до года-полутора лет — у особо развитых детей). Да и объем информации, существующий ныне, просто не позволяет как-то поверхностно относиться к жизни и к знаниям, которые можно (имеется такая возможность) сейчас получить. Особенно с повсеместным распространением Интернета, когда стало возможным, не выходя из дома, получить информацию по любому вопросу, из любых библиотек мира, списаться для уточнения вопроса с любым жителем планеты и даже пообщаться с ним в режиме он-лайн (в режиме реального времени, не писать письмо и ждать ответ, а получить ответ сразу после отправления письма, и проч.).

Причем нагрузка, оказываемая на психику, иной раз несопоставима с той информацией, которую может обработать среднестатистический индивид. Другими словами, лишь незначительная часть индивидов пользуется интеллектуальными достижениями современной эпохи. Тогда как другие зачас-

тую, дабы не испытывать излишнюю нагрузку, выстраивают своеобразные защитные барьеры, в результате чего иной раз получают информации даже меньше, чем могли бы получить, живя они на несколько лет-десятилетий раньше.

Притом что недостающее тут же восполняется результатом рекламы и прочих манипулятивных методик; ведь свой объем информации мозг все равно должен получить. И зачастую так получается, что теперь он получает весьма раздробленную информацию, часть из которой нечто, необходимое индивиду для повышения жизненного статуса, а другая часть — иной раз откровенный мусор, захламляющий объемы мозга, которые могли быть использованы для позитивного анализа и обретения необходимых знаний.

Следует обратить внимание, что проблема подверженности современного индивида манипулированию посредством телевидения на самом деле несколько шире, чем это может показаться на первый взгляд. Ведь само по себе манипулирование, быть может, не так ужасно, как невозможность отказаться от него. Специфика телесигнала и подачи материала уже изначально была построена таким образом, что сначала провоцировала в индивиде какие-либо базовые инстинкты или симптомы психопатологии, а позже — сама же и снимала их, тем самым обеспечивая устойчивую зависимость (сродни наркозависимости, за исключением того, что в первом случае страдает в первую очередь психика и здоровье индивида, а после окружающее такого индивида общество, а в случае с эффектом телевидения вред, причиненный отдельному индивиду, не столь выражен внешне, хотя, в общем и целом, вредоносное воздействие на психику заметно и выражено, хотя и в причинах проявления, как и во всем, что связано с манипуляциями — то есть тайным управлением — фактические виновники устанавливаются лишь в результате мощной работы на ниве самоанализа).

Можно сказать, что уже фактически все, кто так или иначе на протяжении какого-то времени смотрели телевизор, «подключились» к некоему «высшему разуму». И теперь в случае избегания просмотра телепередач у подобных индивидов могут начинаться состояния, схожие с депрессивными (и любым другим проявлением нежелательной симптомати-

ки, начиная от нервозности и беспокойства — как наиболее распространенного телепсихоза — и заканчивая тяжелыми формами невротических и психических расстройств, когда психика вовремя не подключенного индивида испытывает некий заряд отрицательного саморазрушения, и провоцирования посредством этого более серьезной симптоматики, к которой в той или иной мере предрасположен каждый из нас).

Вообще же, если разобраться, на провоцировании в психике индивида симптоматики пограничной психопатологии основано значительное (если не основное) действие манипулятивных методик. Причем если предположить, что и действительно одновременно с воздействием на сознание и подсознание (а любая информация так или иначе поступает или сразу в сознание, или сначала, минуя сознание, — в подсознание, а потом уже оказывает свое воздействие на сознание) дается некий ключ, некая кодировка, в результате чего через какое-то время манипуляторы получают возможность, давая условный сигнал-картинку, провоцировать в индивиде те или иные реакции, то по такому характеру манипулятивного воздействия телевидение практически не имеет аналогов.

14. Законы массовой психологии на службе манипуляторов

14.1. Внушение и заразительность

Вообще же нам следует заметить, что манипулирование вполне начинается и с подчинения одного человека. Это уже другой вопрос, что подобные индивиды могут (и по сути должны) объединяться в массы. Но они ведь какое-то время могут и не объединяться.

Хотя и при этом стоит обратить внимание, что уже так или иначе все индивиды составляют как бы звенья одной цепи, если они находятся в социуме. Социум, среда, порождает при этом и определенную ментальность. Ведь уже, так или иначе, но все в социуме взаимосвязано. Вы не можете проживать там и оставаться в глубоком одиночестве. Нет, конечно, что-то такое возможно. Но при этом вы вполне должны отдавать отчет:

1) в своей маргинальности; 2) что рано или поздно вам все равно придется вступать с кем-нибудь в контакт. Если вы не желаете — с вами сами могут в любой момент вступить в контакт. Те же представители закона, например. И тогда уже сама модель маргинальности разрушится. Да и по сути маргинальность (от лат. *margo* — край, или *позднелат. marginalis* — находящийся на краю) — социологическое понятие, обозначающее прежде всего не полную изоляцию от общества (что, по сути, невозможно), а некую промежуточность положения человека между какими-либо социальными группами. Это состояние, состояние маргинальности — в большей мере состояние души, нежели какая-то реально сохраненная основа способа существования индивидов. Можно даже действительно сказать, что нечто подобное в нашем обществе до конца невозможно. Человек не может до конца абстрагироваться от социума. В этом случае он должен, например, или находиться, как Христос, в пустыне, или забиться в глубь глухого леса, то есть пребывать там, где контакт с другими индивидами невозможен по принципу (ну или возможен, но в процентном отношении весьма и весьма маловероятен).

То есть, другими словами, мы фактически если и должны иметь в виду какую-либо маргинальность в современном обществе, то лишь как некую достаточно условную форму, размытые края которой оставляют нам пространство для интерпретаций. А значит, в общем и целом, установив, что индивиды в социуме, в обществе, в принципе между собой взаимосвязаны, мы можем говорить, что управление одним индивидом уже, так или иначе, простирается и на управление какой-либо группой индивидов, с этим индивидом взаимосвязанных (работа, семья, проч.).

Другими словами, говоря об управлении с помощью скрытых (тайных, подсознательных) механизмов манипуляции, мы должны иметь в виду, что нам фактически все равно, один перед нами индивид или группа. Отличие, быть может, состоит лишь в том, что при воздействии на группу сразу мы более-менее гарантированы от какого-то искажения нашего влияния. Хотя и редко когда подбирается однотипная группа. Правда, если вспомнить Бехтерева (работа «Внушение и толпа»), то пос-

редством заразительности, распространяющейся в толпе, уже можно говорить о достаточно быстром превращении любой неоднородной массы в однородную. «почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своего вожака, — писал Бехтерев⁶⁴, — почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде?» Этот вопрос занимал умы многих авторов, вызывая довольно разноречивые ответы. Но было бы излишне входить здесь в какие-либо подробности по этому поводу, достаточно заметить, что нет никакого основания придерживаться заявленного в литературе мнения об особых "психических волнах", распространяющихся на массу лиц одновременно и способных при известных условиях даже к обратному отражению.

Такие "волны" никем и нигде не были доказаны, но не может подлежать никакому сомнению могущественное действие в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени.

Благодаря этому взаимовнушению отдельные члены как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли отступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления...

Очевидно, что сила внушения в этих случаях берет верх над убеждением и сознанием невозможности достигнуть цели и ведет к результатам, которых еще за минуту нельзя было ни предвидеть, ни ожидать. Таким образом, сила внушения берет перевес над убеждением и волей и приводит к событиям, свершить которые воля и сознание долга были бы не в состоянии.

Но, в отличие от последних, внушение есть сила слепая, лишенная тех нравственных начал, которыми руководятся воля и сознание долга. Вот почему путем внушения народные массы могут быть направляемы как к великим историческим подви-

гам, так и к самым жестоким и даже безнравственным поступкам. Поэтому-то и организованные толпы, как известно, нередко проявляют свою деятельность далеко не соответственно тем целям, во имя которых они сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудил в толпе низменные инстинкты, и толпа, объединившаяся благодаря возвышенным целям, становится в полном смысле слова зверем, жестокость которого может превзойти всякое вероятие.

Иногда достаточно одного брошенного слова, одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась рефлексивно жесточайшим злодеянием, перед которым бледнеют все ужасы грабителей...

Таким образом, в зависимости от характера внушения толпа способна проявлять возвышенные и благородные стремления или, наоборот, низменные и грубые инстинкты. В этом именно и проявляются характеристические особенности в действиях толпы.

Не подлежит вообще никакому сомнению, что объединенные известной мыслью народные массы ничуть не являются только суммой составляющих их элементов, как иногда принимают, так как здесь дело идет не об одном только социальном объединении, но и о психическом объединении, поддерживаемом и укрепляемом главнейшим образом благодаря взаимовнушению.

Но то же самое, что мы имеем в отдельных сформировавшихся толпах, мы находим в известной мере и в каждой вообще социальной среде, а равно и в больших обществах.

Отдельные члены этой среды почти ежеминутно инфицируют друг друга и в зависимости от качества получаемой ими инфекции волнуются возвышенными и благородными стремлениями или, наоборот, низменными и животными. Можно сказать более. Вряд ли вообще случается какое-либо деяние, выходящее из ряда обыкновенных, вряд ли совершается какое-либо преступление без прямого или косвенного влияния посторонних лиц, которое чаще всего действует подобно внушению. Многие думают, что человек производит то или другое преступление исключительно по строго взвешенным логическим соображениям; а между тем ближайший анализ действий и поступков преступника нередко открывает нам, что, несмотря на многочисленные колебания с его стороны, достаточно

было одного подбодряющего слова кого-либо из окружающих или примера, действующего подобно внушению, чтобы все колебания были сразу устранены и преступление явилось неизбежным.

Вообще надо иметь в виду, что идеи, стремления и поступки отдельных лиц не могут считаться чем-то вполне обособленным, принадлежащим только им одним, так как в характере этих идей, стремлений и поступков всегда сказывается в большей или меньшей мере и влияние окружающей среды.

Отсюда так называемое затягивающее влияние среды на отдельных лиц, которые не в состоянии подняться выше этой среды, выделиться из массы. В обществе этот психический микроб, понимаемый под словом "внушение", является в значительной мере нивелирующим элементом, и, смотря по тому, представляется ли отдельное лицо выше или ниже окружающей среды, оно от влияния последней делается хуже или лучше, т. е. выигрывает или проигрывает.

В этом нельзя не видеть важного значения внушения как условия, содействующего объединению отдельных лиц в большие общества.

Но кроме этой объединяющей силы внушение и взаимовнушение, как мы видели, усиливает чувства и стремления, поднимая до необычайной степени активность народных масс.

И в этом другое важное значение внушения в социальной жизни народов. Не подлежит никакому сомнению, что этот психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы время от времени к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений.

И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых физическим микробом во время народных эпидемий.

Тем не менее нельзя не признать, что внушение в других случаях является тем могущественным фактором, который способен увлечь народы как одно целое к величайшим подвигам, оставляющим в высшей степени яркий и величественный след в истории народов.

В этом отношении, как уже ранее упомянуто, все зависит от направляющей силы, и дело руководителей народных масс заключается в искусстве направлять их чувства и мысли к возвышенным целям и благородным стремлениям.

Отсюда очевидно, что внушение является важным социальным фактором, который играет видную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов.

Как в биологической жизни отдельных лиц и целых обществ играет большую роль микроб физический, будучи иногда фактором полезным, в других же случаях — вредным и смертельным, уносящим тысячи жертв, так и “психический микроб” в известных случаях может быть фактором в высшей степени полезным, в других случаях — вредным и губительным.

Можно сказать, что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором более или менее видная роль не выпадала бы на долю внушения и самовнушения.

Уже многие крупные исторические личности, как Жанна д'Арк, Магомет, Петр Великий, Наполеон Первый и пр., окружались благодаря народной вере в силу их гения таким ореолом, который нередко действовал на окружающих лиц подобно внушению, невольно увлекая за ними массы народов, чем, без сомнения, в значительной мере облегчалось и осуществление принадлежащей им исторической миссии. Известно далее, что даже одного ободряющего слова любимого полководца достаточно, чтобы люди пошли на верную смерть, нередко не отдавая в том даже ясного отчета.

Не менее видная роль на долю внушения выпадает, как мы видели, и при всяком движении умов, и в особенности в тех исторических событиях, в которых активною силою являлись народные сборища.

Ввиду этого я полагаю, что внушение как фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение...

При этом, однако, забывают о внушении, этой важной силе, которая служит особенно могучим орудием в руках счастливо одаренных от природы натур, как бы созданных быть

руководителями народных масс. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себе является отражением данной среды и эпохи, нельзя также отрицать и того, что ни одно историческое событие не может осуществиться, коль скоро не имеется для того достаточно подготовленной почвы и благоприятствующих условий, но также несомненно и то, что в руках блестящих ораторов, в руках известных демагогов и любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих правителей, наконец, в руках известных публицистов имеется та могучая сила, которая может объединять народные массы для одной общей цели и которая способна увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются на ряде грядущих поколений...»

А вот как описывает заразительность, распространяемую в толпе, Фрейд (работа «Психология масс и анализ человеческого Я»). «Масса производит на отдельного человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности, — отмечает Фрейд⁶⁵. — На мгновение она заменяет все человеческое общество, являющееся носителем авторитета, наказаний которого страшились и во имя которого себя столь ограничивали. Совершенно очевидна опасность массе противоречить, и можно себя обезопасить, следуя окружающему тебя примеру, то есть иной раз даже "по-волчьи воя". Слушаясь нового авторитета, индивид может выключить свою прежнюю "совесть", предавшись при этом соблазну услады, безусловно испытываемой при отбрасывании торможения. Поэтому не столь уж удивительно, если мы наблюдаем человека, в массе совершающего или приветствующего действия, от которых он в своих привычных условиях отвернулся бы. Мы вправе надеяться, что благодаря этим наблюдениям рассеем тьму, обычно окутывающую загадочное слово "внушение"... Мы исходили из основного факта, что в отдельном индивиде, находящемся в массе, под ее влиянием часто происходят глубокие изменения его душевной деятельности. Его аффективность чрезвычайно повышается, а его интеллектуальные достижения заметно понижаются, и оба процесса происходят, по-видимому, в направлении уравнивания себя с другими массовыми индивидами. Этот результат может быть достигнут лишь в том случае, если индивид перестанет тормозить свойственные ему первичные

позывы и откажется от удовлетворения своих склонностей привычным для него образом. Мы слышали, что эти часто нежелательные последствия хотя бы частично могут быть устранены более высокой "организацией" массы, но это не опровергает основного факта массовой психологии — обоих тезисов о повышении аффектов и снижении мыслительной работы в примитивной массе. Нам интересно найти психологическое объяснение душевного изменения, происходящего в отдельном человеке под влиянием массы.

Рациональные моменты, как, например, вышеупомянутая запутанность отдельного человека, т. е. действие его инстинкта самосохранения, очевидно, не покрывают наблюдаемых феноменов. Авторы по социологии и массовой психологии предлагают нам обычно в качестве объяснения одно и то же, хотя иногда под сменяющимися друг друга названиями, а именно: магическое слово "внушение". Тард назвал его "подражанием", но мы больше соглашаемся с автором, который поясняет, что в подражание включено понятие внушения и представляет собой лишь его следствие. Ле Бон непонятное в социальных явлениях относит к действию двух факторов: к взаимному внушению отдельных лиц и к престижу вождей. Но престиж опять-таки проявляется лишь в способности производить внушение. Следуя Мак Дугаллу, мы одно время думали, что его принцип "первичной индукции аффекта" делает излишним принятие факта внушения. Но при дальнейшем рассмотрении мы ведь должны убедиться, что этот принцип возвращает нас к уже известным понятиям "подражания" или "заражения", только с определенным подчеркиванием аффективного момента. Нет сомнения, что у нас имеется тенденция впасть в тот аффект, признаки которого мы замечаем в другом человеке, но как часто мы с успехом сопротивляемся этой тенденции, отвергаем аффект, как часто реагируем совсем противоположным образом? Так почему же мы, как правило, поддаемся этому заражению в массе? Приходится опять-таки сказать, что это внушающее влияние массы; оно принуждает нас повиноваться тенденции подражания, оно индуцирует в нас аффект. Впрочем, читая Мак Дугалла, мы и вообще никак не можем обойтись без понятия внушения. И он, и другие повторяют, что массы отличаются особой внушаемостью.

Все вышесказанное подготавливает утверждение, что внушение (вернее, восприятие внушения) является далее неразложимым прафеноменом, основным фактом душевной жизни человека...

Когда... я... обращаюсь к загадке внушения... вижу, что... прилагают особые усилия, чтобы правильно сформулировать понятие внушения, т. е. общепринятое значение этого слова; это отнюдь не излишне, так как оно все чаще употребляется в расширенном значении и скоро будет обозначать любое влияние; в английском языке, напр., "to suggest, suggestion" соответствует нашему "настоятельно предлагать" и нашему "толчок к чему-нибудь". Но до сих пор не дано объяснения о сущности "внушения", т. е. о тех условиях, при которых влияние возникает без достаточных логических обоснований...»

То есть уже получается, что многие индивиды фактически могут вести какую-то свою, отличную от других индивидов жизнь. Индивиды могут различаться в принадлежности к социальному положению (социальному классу). Находиться на совсем различных ступеньках иерархической лестницы как в условиях жизни, так и в рамках какой-либо даже одной структуры, предприятия. Да и вообще — индивиды могут значительно, и порой достаточно значительно, отличаться друг от друга. Но все это окажется абсолютно безразличным, если такие индивиды будут объединены в массу. В этом случае каждый из них уже себе не может принадлежать. А перед нами предстанет уже некая обезличенная масса, которая не будет принадлежать даже себе и которая искренне готова выполнять волю своего вождя, того, кто возглавит эту массу. Массу, сливавшуюся в своем архетипическом единстве со своими предками из прошлого, из первобытного строя, когда все было намного проще и в споре побеждал исключительно тот, кто сильнее.

«Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы, — отмечал Ле Бон (работа «Психология народов и масс»)⁶⁶. — Стоит какой-нибудь случайности свести этих индивидов вместе, чтобы все их действия и

поступки немедленно приобрели характер действий и поступков толпы... целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова. Одухотворенная толпа после своего образования приобретает общие черты — временные, но совершенно определенные. К этим общим чертам присоединяются частные, меняющиеся сообразно элементам, образующим толпу и могущим в свою очередь изменить ее духовный состав...

Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие посредством этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности...

Элементы бессознательного, образующие душу расы, именно и являются причиной сходства индивидов этой расы, отличающихся друг от друга главным образом элементами сознательного — тем, что составляет плод воспитания или же результат исключительной наследственности. Самые несходные между собой по своему уму люди могут обладать одинаковыми страстями, инстинктами и чувствами; и во всем, что касается чувства, религии, политики, морали, привязанностей и антипатий и т. п., люди самые знаменитые только очень редко возвышаются над уровнем самых обыкновенных индивидов. Между великим математиком и его сапожником может существовать целая пропасть с точки зрения интеллектуальной жизни, но с точки зрения характера между ними часто не замечается никакой разницы или же очень небольшая. Эти общие качества характера, управляемые бессознательным и существующие в

почти одинаковой степени у большинства нормальных индивидов расы, соединяются вместе в толпе. В коллективной душе интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества. Такое именно соединение заурядных качеств в толпе и объясняет нам, почему толпа никогда не может выполнить действия, требующие возвышенного ума.

Решения, касающиеся общих интересов, принятые собранием даже знаменитых людей в области разных специальностей, мало все-таки отличаются от решений, принятых собранием глупцов, так как и в том и в другом случае соединяются не какие-нибудь выдающиеся качества, а только заурядные, встречающиеся у всех.

В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. "Весь мир", как это часто принято говорить, никак не может быть умнее Вольтера, а наоборот, Вольтер умнее, нежели "весь мир", если под этим словом надо понимать толпу.

Если бы индивиды в толпе ограничивались только соединением заурядных качеств, которыми обладает каждый из них в отдельности, то мы имели бы среднюю величину, а никак не образование новых черт. Каким же образом возникают эти новые черты? Вот этим-то вопросом мы и займемся теперь.

Появление этих новых специальных черт, характерных для толпы и притом не встречающихся у отдельных индивидов, входящих в ее состав, обуславливается различными причинами. Первая из них заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности.

Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

В наши дни индивид в своей деятельности (в мыслях, поступках, желаниях) руководствуется в первую очередь тем, что находится в его психике, в его бессознательном. Можно даже сказать, что бессознательное — это самая основная, самая главная составляющая психики индивида. И именно от него,

от бессознательного, зависит поведение как отдельного человека в массе, так и массы в целом (при заключении индивидов в толпу).

Другими словами, все в нашей психике представлено бессознательным. Тем бессознательным, что составляет один из важнейших ее пластов. И где сосредоточены все наши желания, инициативная составляющая поступков, да и вообще все, что позже переходит в сознание и становится заметным большинству.

И уже один из пластов бессознательного составляет так называемое коллективное бессознательное, или те филогенетические схемы, которые практически в неизменном виде дошли до нас из архаичных времен. И уже они, так или иначе, оказывают свое управляющее влияние на психику индивида. Причем эффект наличия в бессознательном психики различных архетипов столь силен, что независимо от воли своего сознания тот или иной индивид бессознательно подчиняется некой бессознательной воле предков, практически бесповоротно готовясь исполнить любую волю вождя. Вспомним пример Третьего рейха. Независимо от уровня образованности и социального положения немцы не только бесповоротно объединялись в огромные массы, но и готовы были исполнить любую волю вождя, фюрера. Причем стоит заметить, что, в отличие от прихода к власти большевиков в нашей стране, подавляющее большинство немцев проголосовало за Гитлера на официальных выборах. А в отличие от современной России, никто и не думал подделывать голоса избирателей. В результате чего Адольф Гитлер пришел к власти легитимно, будучи выбранным большинством голосов на законных выборах канцлером Германии (в 1933 году), и в течение 15 лет был властителем дум, великим фюрером практически всего многомиллионного народа (за исключением небольшой кучки немецкого сопротивления, не играющей существенной роли).

Мы не рассматриваем сейчас вопрос использования Гитлером своей власти и тех бед, в которые он вовлек мир. Мы лишь с безучастностью ученых должны констатировать только факты. А факты таковы, что из некогда отсталой страны, выплачивающей многомиллионные контрибуции (в результате поражения в Первой мировой войне) и не имеющей права создавать свою армию, за достаточно короткий срок при Гитлере Германия вышла

в лидеры мировых стран. А в результате своей политики Гитлер за достаточно короткий срок избавил немцев от голода, ликвидировал преступность, приучил немцев к чистоте (известно, что специальные отряды правопорядка ходили по городу и разбивали невымытые стекла в домах), приучил к честности (хватило всего одного раза, когда, остановив общественный транспорт, вывели всех безбилетных пассажиров и тут же их расстреляли; после этого случая немцы платят в транспорте сами, а контролеров нет вообще), приучил к порядку, к соблюдению законов, да и вообще — вывел страну из глубокого кризиса после поражения в Первой мировой войне.

И самое главное, Гитлер внушил немцам веру в величие собственной нации. Поэтому и подчинялись ему безоглядно все. И даже те, кто готов был критиковать методы фюрера, в присутствии его терялись и преисполнялись решимостью исполнить любой его приказ (нечто подобное наблюдалось и в случае с другими великими диктаторами, Сталиным, Наполеоном и др., которые оказывали магнетическое воздействие на управляемые ими массы. Причем со стороны тех была исключительная любовь к тому или иному вождю и беззаговорочное подчинение ему).

К тому же, если проследить свершившийся факт и попытаться ответить на вопрос, как стало возможно подобное, чтобы разные по своему социальному положению люди и практически одна из самых талантливых наций мира (множество гениальных писателей, философов, ученых) добровольно объединились в безликую массу, следует вспомнить, что говорил проф. Ле Бон, когда отмечал проявление в любой толпе таких качеств, как «исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует. ...Становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т. е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к

произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе — это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром»⁶⁷.

То есть уже, другими словами, и не зависело ничего ни от самих немцев, ни от русских (примерно в то же время и даже чуть ранее подобное стремление к подчинению наблюдалось и в нашей стране по отношению к Иосифу Виссарионовичу Сталину), и вообще ни от какой нации не зависело ничего. Применялись беспрогрешные механизмы манипулирования, вынуждавшие людей не только подчиняться, но и желать этого подчинения.

14.2. Влюбленность и либидо

Прослеживая взаимосвязь с либидо воздействием, оказываемым на массу, Фрейд писал (работа «Манипулирование массами и анализ человеческого Я»): «Либидо есть термин из области учения об аффективности. Мы называем так энергию тех первичных позывов, которые имеют дело со всем тем, что можно обобщить понятием любви. Мы представляем себе эту энергию как количественную величину, — хотя в настоящее время еще неизмеримую. Суть того, что мы называем любовью, есть, конечно, то, что обычно называют любовью и что воспевается поэтами, — полая любовь с конечной целью полового совокупления»⁶⁸.

Однако Фрейд распространял понятие либидо на все любовные отношения, начиная с взаимоотношений между влюбленными противоположного пола и заканчивая взаимоотношениями между родственниками, друзьями, товарищами и проч. То есть, другими словами, для него было важнее само обозначение термина как факта, нежели детальное обо-

67 www.vapp.ru

68 www.vapp.ru

ние перспектив любовной связи (на это стоит обратить внимание всем тем, кто в последующем начал искажать теорию Фрейда).

«...Психоанализ научил нас рассматривать все эти стремления как выражение одних и тех же побуждений первичных позывов, влекущих два пола к половому совокуплению, при иных обстоятельствах от сексуальной цели отгесняемых или на пути к ее достижению приостанавливаемых, в конечном же итоге всегда сохраняющих свою первоначальную природу, в степени, достаточной для того, чтобы обнаруживать свое... стремление к сближению», — отмечал Фрейд⁶⁹.

Также Фрейд предлагал использовать слово «либидо» в концептуальном единстве к слову «любовь» и в применении к некоему научному методу исследования психики с позиции психоанализа. «Мы... думаем, что словом "любовь" в его многообразных применениях язык создал вполне оправданное сообщение и что мы с успехом можем применять это слово в наших научных обсуждениях и повествованиях, — писал он в работе «Психология масс и анализ человеческого Я»⁷⁰. — Принятием этого решения психоанализ вызвал бурю возмущения, как если бы он был повинен и кощунственным нововведением. А между тем этим "расширенным" пониманием любви психоанализ не создал ничего оригинального. В своем происхождении, действии и отношении к половой любви "Эрос" Платона совершенно конгруэнтен нашему понятию любовной силы психоаналитического либидо. В частности, это доказали Нахмансон и Пфистер, а когда апостол Павел в знаменитом Послании к коринфянам превыше всего прославляет любовь, он понимает ее, конечно, именно в этом "расширенном" смысле, из чего следует, что люди не всегда серьезно относятся к своим великим мыслителям, даже якобы весьма ими восхищаясь.

Эти первичные любовные позывы психоанализ а posteriori и с момента их возникновения называет первичными сексуальными позывами. Большинство "образованных" восприняло такое наименование как оскорбление и отомстило за это, бросив психоанализу упрек в "пансексуализме". Кто видит в сексуальном нечто постыдное и унижительное для человеческой природы, волен, конечно, пользоваться более аристократическими

69 Там же.

70 Там же.

выражениями — эрос и эротика. Я бы и сам с самого начала мог так поступить, избегнув, таким образом, множества упреков. Но я не хотел этого, так как я по мере возможности избегаю робости. Никогда не известно, куда таким образом попадешь. Сначала уступишь на словах, а постепенно и по существу. Я не могу согласиться с тем, что стыд перед сексуальностью — заслуга; ведь греческое слово "эрос", которому подобает смягчить предосудительность, есть не что иное, как перевод нашего слова любовь; и, наконец, тот, на кого работает время, может уступок не делать.

Итак, мы попытаемся начать с предпосылки, что любовные отношения (выражаясь безлично — эмоциональные связи) представляют собой также и сущность массовой души. Вспомним, что авторы о таковых не говорят. То, что им бы соответствовало, очевидно, скрыто за ширмой — перегородкой — внушения. Наши ожидания пока основываются на двух мимолетных мыслях. Во-первых, что масса, очевидно, объединяется некоей силой. Но какой же силе можно скорее всего приписать это действие, как не эросу, все в мире объединяющему? Во-вторых, когда отдельный индивид теряет свое своеобразие и позволяет другим на себя влиять, в массе создается впечатление, что он делает это, потому что в нем существует потребность быть скорее в согласии с другими, а не в противоборстве, т. е., может быть, все-таки "из любви" к ним...

...Прежде чем мы сможем использовать этот материал для понимания либидинозной организации массы, мы должны принять во внимание некоторые другие взаимоотношения между объектом и "Я".

Язык даже в своих капризах верен какой-то истине. Правда, он называет "любовью" очень разнообразные эмоциональные отношения, которые и мы теоретически сводим к слову любовь, но далее он все же сомневается, настоящая ли, действительная, истинная ли эта любовь, и указывает внутри этих любовных феноменов на целую шкалу возможностей. Нам тоже нетрудно найти ее путем наблюдения.

В целом ряде случаев влюбленность есть не что иное, как психическая захваченность объектом, диктуемая сексуальными первичными позывами в целях прямого сексуального удовлетворения и с достижением этой цели и угасающая; это то, что называют низменной, чувственной любовью. Но, как из-

вестно, либидинозная ситуация редко остается столь несложной. Уверенность в новом пробуждении только что угасшей потребности была, вероятно, ближайшим мотивом, почему захватченность сексуальным объектом оказывалась длительной и его "любили" и в те промежутки времени, когда влечение отсутствовало.

Из весьма примечательной истории развития человеческой любовной жизни к этому надо добавить второй момент. В первой фазе жизни, обычно уже заканчивающейся к пяти годам, ребенок в одном из родителей нашел первый любовный объект, на котором соединились все его искавшие удовлетворения сексуальные первичные позывы. Наступившее затем вытеснение имело следствием вынужденный отказ от большинства этих детских сексуальных целей и оставило глубокое видоизменение отношений к родителям. Ребенок и дальше остается привязанным к родителям первичными позывами, которые надо назвать "целепрегражденными". Чувства, которые он с этих пор питает к этим любимым лицам, носят название "нежных". Известно, что в бессознательном эти прежние чувственные стремления сохраняются более или менее сильно, так что первоначальная полнокровность в известном смысле остается и дальше.

С возмужалостью появляются, как известно, новые, весьма интенсивные стремления, направленные на прямые сексуальные цели. В неблагоприятных случаях они, как чувственное течение, отделены от продолжающихся "нежных" эмоциональных направлений. Тогда мы имеем картину, оба аспекта которой так охотно идеализируются известными литературными течениями. Мужчина обнаруживает романтическое влечение к высокочтимым женщинам, которые, однако, не влекут его к любовному общению, и потенцию только с другими женщинами, которых он не "любит", не уважает и даже презирает. Но чаще подрастающему юноше все же удается известная мера синтеза между нечувственной, небесной, и чувственной, земной любовью, и его отношение к сексуальному объекту отмечено совместным действием непрегражденных и целепрегражденных первичных позывов. Глубину влюбленности можно измерить по количеству целепрегражденных нежных инстинктов, сопоставляя их с простым чувственным вождением.

В рамках влюбленности нам прежде всего бросился в глаза феномен сексуального повышения оценки, тот факт, что любимый объект в известной мере освобождается от критики, что все его качества оцениваются выше, чем качества нелюбимых лиц, или чем в то время, когда это лицо еще не было любимом. Если чувственные стремления несколько вытесняются или подавляются, то появляется иллюзия, что за свои духовные достоинства объект любим и чувственно, а между тем, может быть, наоборот, только чувственное расположение наделило его этими достоинствами.

Стремление, которым суждение здесь фальсифицируется, — есть идеализация. Но этим самым нам облегчается и ориентировка, мы видим, что с объектом обращаются как с собственным "Я", что значит, при влюбленности большая часть нарциссического либидо перетекает на объект. В некоторых формах любовного выбора очевиден даже факт, что объект служит заменой никогда не достигнутого собственно "Идеала Я". Его любят за совершенства, которых хотелось достигнуть в собственном "Я" и которые этим окольным путем хотят приобрести для удовлетворения собственного нарциссизма.

Если сексуальная переоценка и влюбленность продолжают повышаться, то расшифровка картины делается еще яснее. Стремления, требующие прямого сексуального удовлетворения, могут быть теперь совсем вытеснены, как это обычно случается, например, в мечтательной любви юноши. "Я" делается все нетребовательнее и скромнее, а объект все великолепнее и ценнее; в конце концов он делается частью общего себялюбия "Я", и самопожертвование этого "Я" представляется естественным следствием. Объект, так сказать, поглотил "Я". Черты смирения, ограничение нарциссизма, причинение себе вреда имеются во всех случаях влюбленности; в крайних случаях они лишь повышаются и, вследствие отступления чувственных притязаний, остаются единствен, но господствующими.

Это особенно часто бывает при несчастной, безнадежной любви, так как сексуальное удовлетворение ведь каждый раз заново снижает сексуальное превышение оценки. Одновременно с этой "самоотдачей" "Я" объекту, уже ничем не отличающейся от сублимированной самоотдачи абстрактной идее,

функции "Идеала Я" совершенно прекращаются. Молчит критика, которая производится этой инстанцией; все, что объект делает и требует, — правильно и безупречно. Совесть не применяется к тому, что делается в пользу объекта; в любовном ослеплении идешь на преступление, совершенно в этом не раскаиваясь. Всю ситуацию можно без остатка резюмировать в одной формуле: объект занял место "Идеала Я".

Теперь легко описать разницу между идентификацией и влюбленностью в ее высших выражениях, которые называют фасцинацией, влюбленной зависимостью. В первом случае "Я" обогатилось качествами объекта, оно, по выражению Ференчи, объект "интроецировало" — во втором случае оно обеднело, отдалось объекту, заменило объектом свою главнейшую составную часть. Однако при ближайшем рассмотрении скоро можно заметить, что такое утверждение указывает на противоположности, которые на самом деле не существуют. Психоэкономически дело не в обеднении или в обогащении — даже и крайнюю влюбленность можно описать как состояние, в котором "Я" якобы интроецировало в себя объект. Может быть, другое различие скорее раскроет нам суть явления. В случае идентификации объект утрачивается или от него отказываются; затем он снова воссоздается в "Я", причем "Я" частично изменяется по образцу утраченного объекта. В другом же случае объект сохранен и имеет место "сверхзахваченность", но со стороны "Я" и за счет "Я". Но и это вызывает сомнение. Разве установлено, что идентификация имеет предпосылкой отказ от психической захваченности объектом, разве не может идентификация существовать при сохранении объекта? И прежде чем пуститься в обсуждение этого щекотливого вопроса, у нас уже может появиться догадка, что сущность этого положения вещей содержится в другой альтернативе, а именно — не становится ли объект на место "Я" или "Идеала Я"...

...Мы много говорили о прямых и заторможенных в отношении цели сексуальных первичных позывах и смеем надеяться, что это разграничение не вызовет больших возражений. Однако подробное рассмотрение будет нелишним, даже если оно большею частью повторяет уже заранее изложенное.

Либидинозное развитие ребенка дало нам первый и, вместе с тем, лучший пример заторможенных в отношении цели сексуальных первичных позывов. Все те чувства, которые

ребенок питает к своим родителям и опекающим его лицам, находят свое беспрепятственное продолжение в желаниях, выражающих его сексуальные стремления. Ребенок требует от этих любимых лиц всех нежностей, которые ему знакомы; он хочет их целовать, прикасаться к ним, разглядывать, хочет видеть их гениталии и присутствовать при интимных действиях экскрементации; он обещает жениться на матери или няне, что бы он под этим ни подразумевал; он намеревается родить отцу ребенка и т. д. Прямое наблюдение, как и дальнейшее психоаналитическое проникновение в рудименты детства, не оставляют никакого сомнения в непосредственном слиянии нежных и ревнивых чувств с сексуальными намерениями, а также показывают нам, сколь основательно ребенок делает любимое лицо объектом всех своих еще неверно направленных сексуальных стремлений (ср.: Sexual-theorie).

Это первый вид детской любви, типически подчиненный Эдипову комплексу, с началом латентного периода уничтожается, как известно, толчком вытеснения. Остаток любовных чувств проявляется в чисто нежной эмоциональной связи, направленной на те же самые лица, но эта связь уже не может быть описана как "сексуальная". Психоанализ, который просвечивает глубины психической жизни, без труда может доказать, что и сексуальные связи первых детских лет продолжают существовать, но уже в вытесненном и бессознательном виде. На основе психоанализа мы имеем смелость утверждать, что везде, где мы встречаем нежное чувство, оно является преемником вполне "чувственной" объектной связи с данным лицом или же со взятым за его прототип (его Imago). Правда, без особого исследования нельзя установить, является ли это предшествующее полнокровное сексуальное стремление в данном случае вытесненным или же оно уже себя истощило. Чтобы еще отчетливее выразить сказанное: установлено, что это сексуальное стремление еще имеется как форма и возможность, и путем регресса может быть снова заряжено, активировано; остается еще вопрос, на который не всегда можно ответить: какую заряженность и действенность оно еще имеет в настоящее время. При этом в равной степени надо остерегаться двух источников ошибок: как Сциллы — недооценки вытесненного бессознательного, так и Харибды — склонности измерять нормальное обязательно масштабами патологического. Психологии, которая не хочет или не

в силах проникнуть в глубины вытесненного, нежные эмоциональные связи во всяком случае представляются выражением стремлений, не направленных к сексуальной цели, хотя бы они и произрастали из стремлений, эту цель имевших.

Мы вправе сказать, что эти стремления отклонились от этих сексуальных целей, хотя и трудно удовлетворить требованиям метапсихологии при изображении такого отклонения от цели. Впрочем, эти заторможенные в отношении цели первичные позывы все еще сохраняют некоторые из непосредственно сексуальных целей; и нежно любящий, и друг, и поклонник ищут телесной близости или возможности видеть любимого человека, любимого хотя бы только в "паулистическом" смысле. Если нам желательно, мы можем признать в этом отклонении начало сублимации сексуальных первичных позывов или же раздвинуть границы последних еще более. Заторможенные в смысле цели сексуальные первичные позывы имеют перед незаторможенными большое функциональное преимущество, так как они, собственно говоря, неспособны к полному удовлетворению; они особенно пригодны для создания длительных связей, в то время как прямо сексуальные при удовлетворении каждый раз теряют свою энергию и должны ждать ее возобновления путем нового накопления сексуального либидо, причем за это время может произойти смена объекта. Заторможенные первичные позывы способны к любой мере смешения с незаторможенными, могут опять в них превратиться так же, как они от них изошли. Известно, как легко из эмоциональных отношений дружеского характера, основанных на признании и восхищении, между учителем и ученицей, артистом и восхищенной слушательницей, особенно у женщин, возникают эротические желания (у Мольера: *Embrassez-moi pour l'amour du Grec*). Да, возникновение таких чувств имеет несомненно более сложное построение сначала непреднамеренных — эмоциональных — связей напрямую приводит к проторенной дорожке сексуального выбора объекта. В своей статье Пфистер показал явный, конечно, не единичный пример, как легко даже интенсивной религиозной связи превратиться в пылкое сексуальное возбуждение. А с другой стороны, и переход прямых, самих по себе непродолжительных сексуальных стремлений в прочную, чисто

нежную связь представляет собой нечто весьма обычное, и упрочение брака, заключенного по влюбленной страсти, имеет большею частью своей подосновой этот процесс. Мы, конечно, не удивимся, если услышим, что заторможенные в отношении цели сексуальные стремления возникают из прямых сексуальных в тех случаях, когда к достижению сексуальной цели имеются внутренние или внешние препятствия. Вытеснение латентного периода есть такое внутреннее — или лучше сказать ставшее внутренним — препятствие. Относительно отца первобытной орды мы предположили, что своей сексуальной нетерпимостью он принуждает всех своих сыновей к воздержанию и этим путем толкает их к заторможенным в отношении цели связям; за собой он оставляет право свободного сексуального наслаждения и тем самым остается несвязанным. Все связи, на которых основана масса, имеют природу заторможенных в отношении цели первичных позывов. Но этим самым мы приблизились к разбору новой темы, которая обсуждает отношение прямых сексуальных целей к массообразованию.

...Последние два замечания уже подготовили нас к признанию, что прямые сексуальные стремления неблагоприятны для массообразования. Правда, и в истории развития семьи существовали массовые отношения сексуальной любви (групповой брак), но чем важнее становилась для "Я" половая любовь, чем больше развивалась в ней влюбленность, тем настоятельнее эта любовь требовала своего ограничения двумя лицами — *una cum uno* — ограничения, предписанного природой генитальной цели. Полигамические склонности были вынуждены довольствоваться последовательной сменой объектов.

Оба лица, сходящиеся в целях сексуального удовлетворения, ища уединения, демонстрируют против стадного инстинкта, против чувства массовости, они ищут одиночества. Чем больше они влюблены, тем менее они нуждаются в ком-либо помимо друг друга. Отказ от влияния массы выражается в чувстве стыдливости. Крайне пылкое чувство ревности возникает как охрана сексуального выбора объекта от вторжения массовой связи. Только в том случае, когда нежный, т. е. личный, фактор любовного отношения совершенно стусшевается перед чувственным, возможно любовное общение пары

в присутствии других лиц или же, наподобие оргии, одновременные сексуальные акты внутри группы. Но это регресс к более раннему состоянию половых отношений, при которых влюбленность еще не играла никакой роли и все сексуальные объекты рассматривались как равноценные. Примерно в духе злого выражения Бернарда Шоу, что быть влюбленным значит неподобающим образом переоценивать разницу между одной женщиной и другой.

Имеется достаточно указаний, что в сексуальные отношения между мужчиной и женщиной влюбленность вошла лишь поздно, так что соперничество между половой любовью и массовыми связями также позднего развития. Теперь может показаться, что это предположение не вяжется с нашим мифом о прасемье; ведь предполагается, что толпу братьев толкает на отцеубийство их любовь к матерям и сестрам; и трудно представить себе эту любовь иначе как цельной, примитивной, т. е. как глубокое соединение нежной и чувственной любви. Однако при дальнейшем размышлении это возражение становится подтверждением. Одной из реакций на отцеубийство было ведь установление тотемистической экзогамии, запрещение каких бы то ни было сексуальных отношений с женщинами семьи, которые были нежно любимы с детства. Этим был загнан клин между нежными и чувственными стремлениями мужчины, клин, и по сей день глубоко внедрившийся в любовную жизнь мужчины. Вследствие этой экзогамии чувственные потребности мужчин должны были довольствоваться чужими и нелюбимыми женщинами.

В больших искусственных массах — Церкви и войске — для женщин как сексуального объекта места нет. Любовные отношения мужчины и женщины находятся за пределами этих организаций. Даже там, где образуются массы смешанные, состоящие из мужчин и из женщин, половое различие не играет роли. Едва ли имеет смысл задавать вопрос о гомосексуальной или гетеросексуальной природе либидо, соединяющего массы, так как оно не дифференцируется по полу и, что особенно важно, совершенно не предусматривает целей генитальной организации либидо.

Для отдельного индивида, который в других отношениях растворяется в массе, прямые сексуальные стремления все же частично сохраняют какую-то индивидуальную деятельность.

Там, где они делаются господствующими, они каждую массовую формацию разлагают. Католическая церковь имеет обоснованные причины, когда рекомендует своим верующим безбрачие и налагает целибат на своих священников; но влюбленность часто толкала и священников на выход из Церкви. Подобным же образом любовь к женщине преодолевает массовые формации расы, национального обособления и социального классового порядка и этим самым выполняет культурно важные задачи. По-видимому, можно быть уверенным, что гомосексуальная любовь гораздо лучше согласуется с массовой связью даже и в тех случаях, когда она проявляется как прямое сексуальное стремление; факт — примечательный, объяснение которого завело бы нас очень далеко.

Психоаналитическое исследование психоневрозов учит нас, что их симптомы следует выводить из прямых сексуальных стремлений, которые были вытеснены, но остались активными. Мы можем усовершенствовать эту формулировку, добавив: или из таких заторможенных в смысле цели стремлений, подавление которых полностью не удалось или же освободило место для возврата к вытесненной сексуальной цели. С этим условием согласуется и то, что невроз делает больного асоциальным и удаляет его из обычных массовых формаций. Можно сказать, что невроз действует на массу так же разлагающе, как и влюбленность. Зато можно наблюдать, что там, где произошел толчок к образованию массы, неврозы слабеют и, по крайней мере на некоторое время, могут исчезнуть целиком. Вполне оправданы попытки использовать это противоборство между неврозом и массообразованием для терапевтических целей. Даже те, кто не сожалеет об исчезновении в современном культурном мире религиозных иллюзий, должны признать, что пока они были в силе, они служили наиболее эффективной защитой от опасности невроза тем, кто был во власти этих иллюзий. Нетрудно также распознать, что все связи с религиозно-мистическими или философско-мистическими сектами и объединениями являются выражением косвенного лечения разнообразных неврозов. Все это связано с контрастом прямых и заторможенных в смысле цели сексуальных стремлений.

Если невротик предоставлен самому себе, он вынужден заменять собственным симптомообразованием те большие массовые формации, из которых он исключен. Он создает себе

свой собственный фантастический мир, свою религию, свою бредовую систему, повторяя таким образом человеческие институты в искажении, которое отчетливо указывает на ярчайшее участие прямых сексуальных стремлений.

...Прибавим сравнительную оценку рассмотренных нами состояний с точки зрения теории либидо, а именно: состояния влюбленности, гипноза, массообразования и невроза. Влюбленность зиждется на одновременном наличии прямых и заторможенных в смысле цели сексуальных стремлений, причем объект перетягивает на себя часть нарциссического либидо "Я".

Влюбленность вмещает только "Я" и объект. Гипноз разделяет с влюбленностью ограничение этими двумя лицами, но он основан исключительно на заторможенных в смысле цели сексуальных стремлениях и ставит объект на место "Идеала Я".

В массе этот процесс умножен; масса совпадает с гипнозом в природе объединяющих ее первичных позывов и замене "Идеала Я" объектом, но сюда присоединяется идентификация с другими индивидами, ставшая первоначально возможной благодаря одинаковому отношению к объекту.

Оба состояния, как гипноз, так и массообразование, являются наследственными осадениями филогенеза человеческого либидо — гипноз как предрасположение, а масса, помимо этого, как прямой пережиток. Замена прямых сексуальных стремлений стремлениями в отношении цели заторможенными способствует в обоих случаях отделению "Я" от "Идеала Я", чему уже дано начало в состоянии влюбленности.

Невроз из этого ряда выступает. И он основан на особенности развития человеческого либидо — на прерванном латентным периодом двойном начатке прямой сексуальной функции. В этом отношении он имеет общий с гипнозом и массообразованием характер регресса, при влюбленности не наличествующий. Невроз всегда возникает там, где не вполне удался переход от прямых к заторможенным в смысле цели сексуальным первичным позывам, соответствуя конфликту между поглощенными "Я" первичными позывами, которые через такое развитие прошли, и частицами тех же первичных позывов, что из вытесненной бессознательной сферы — так

же, как и другие полностью вытесненные инстинктивные порывы — стремятся к своему прямому удовлетворению. Невроз необычайно богат содержанием, ибо охватывает всевозможные отношения между "Я" и объектом, как те, где объект сохранен, так и другие, в которых он покинут или восстановлен в самом "Я", но точно так же и конфликтные отношения между "Я" и его "Идеалом Я"».

Причем мы уже можем заметить, что состояние влюбленности весьма эффективно используется теми или иными манипуляторами массовым сознанием. На состоянии влюбленности, на провоцировании чувства любви основана любящая эффективная, даже более чем эффективная методика манипулирования. Причем все исходит от проекции отношений между двумя влюбленными. При этом даже в случае, если второй партнер не любит или чувства любви не развиты в нем столь же сильно, это практически совсем не играет роли. Так как психический аппарат первого партнера все равно будет испытывать все те негативные позывы влюбленности, вытекающие из самого состояния влюбленности и фактически приводящие психику того или иного индивида к неким необратимым последствиям, в результате которых он способен выполнять не свойственные ему раннее действия и вообще фактически действовать себе во вред (обычно вред от подобной любви наблюдается гораздо больший, нежели какая-либо позитивная составляющая этой самой любви). Да и сама любовь и влюбленность — это, по сути, невротические понятия. Потому как испытывает индивид при состоянии влюбленности нагрузку на свою психику, сопоставимую с той, которая проявляется у него при возникновении той или иной симптоматики психопатологического или неврологического заболевания. Что ужасно не только потому, что страдания и любовь выходят на одну параллель, но и потому, что, как и в состоянии любви и влюбленности, кто-то один обязательно начинает манипулировать другим. Причем в сопоставлении с властью и народом страны вполне можно заключить, что манипулятором выступает та или иная верхушка власти. И народ, которого искусственно вводят в состояние влюбленности, начинает испытывать на себе весь спектр негативного манипулятивного воздействия, ради которого власти предрержащие добиваются от масс не только безоговорочного подчинения,

но и выполнения различных подвигов (вроде тех, которыми насыщена вся наша советская история, от строительства узкоколеек и Магниток до покорения пустынных и непригодных для проживания земель). Можно даже сказать, что фактически и победа в Великой Отечественной войне стала возможна благодаря слепой любви к Иосифу Сталину, исключительному подчинению ему и выполнению требований, разрешению целей и задач, поставленных этим великим (даже, пожалуй, самым величайшим в истории) правителем нашей страны, России. Только подчинение, исключительное подчинение способно приводить к достижению побед и последующему обретению индивидами (и массами) земных благ. Но уже подобное становится возможным в одном случае — если правитель не только отвечает всем требованиям и чаяниям народа (как известно любой, любви можно достичь определенными манипулятивными методиками), но и по своим внутренним данным (ум, воля, характер, политическое предвидение, опыт, наличие развитой интуиции, популярности в народе и т. п.) способен привести страну к лидерству. (Вспомним, какая любовь у народа была к великому Сталину, и отношение этого народа к последующему лидеру — Хрущеву.)

Конечно, можно говорить, что иногда в своих приверженностях, тем или иным руководителям ошибается целый народ. Но разве в любви между двумя индивидами зачастую не совершаются те же самые ошибки, когда только со стороны становится заметно, что один из партнеров ну никак не подходит другому. И такое ведь встречается сплошь и рядом. Когда красивый и умный парень терпит издевательства внешне ничем не примечательной и внутренне закомплексованной подружки, в которую он слепо влюблен. А она, вместо того чтобы оценить благородство мужчины, начинает вымещать на нем все свои внутренние комплексы и личностный невротизм. Дорвавшись до власти и бессознательно понимая, что воздействие ее возможно только на одного человека (да еще, быть может, на родителей этой несчастной особи женского пола), потому как всем другим она не только безразлична, но, вполне возможно, всерьез ее никто и не воспринимает. И тогда эта bestия отрывается на своем слепо влюбленном в нее партнере (бой-френде, парне, муже), унижает и издевается над детьми (пока они маленькие и вынуждены терпеть невротизм дикой и закомпл-

лексованной мамаше), и вообще реализуя свои подсознательные инстинкты власти, такая дама весьма поднимается в собственной самооценке за счет унижения и подчинения других. И если ее не остановить, то вполне возможно, что она может внушить самой себе мнимое величие собственной персоны и даже вполне адаптироваться в обществе, подчиняя некоторых членов этого общества, по ошибке попавших ей на крючок. Хотя в большинстве случаев такие женщины не тянутся к какому-то образованию и знаниям, а значит, чувствуя свою ничтожность перед другими членами общества (социума), они довольствуются властью, оказываемой ими на близких. Вынуждая близких терпеть, и страдать, и служить для адаптации внутренних комплексов и невротической (а может, в отдельных случаях) и психопатологической симптоматики этих ведьм.

А ведь казалось открой глаза да посмотри, какое амебоподобное существо присосалось к тебе. Да и скинь этот ненужный нарост. И расцвети после этого.

Но вот как раз это в большинстве случаев и становится невозможно. Со временем жизни с такой бестией рождаются дети. И если слабый духом мужчина не смог освободиться (сбежать) от своей невротичной подруги (супруги), то у него совсем не хватит смелости теперь оставить еще и своих детей. Разве что дожидаться или пока дети подрастут, или пока какая-либо более сильная представительница женского пола не отобьет такого мужчину от унижающей его супруги. И даст ему то счастье, которого он более чем достоин.

И при этом следует обратить внимание, что вполне возможно и наоборот. Когда внешне и внутренне привлекательная девушка влюбляется в откровенного нравственного уродца. И терпит все выходки этого псевдочеловека, со временем придумывая себе, что, мол, живет она уже не для себя, а ради детей. И не понимая, что фактически приносит детям намного большее страдание, чем если бы она все же набралась решимости оторваться и сбежать от чудовища. И дала бы детям то счастье, которого они тоже ведь заслуживают. Причем, в отличие от их матери, дети ведь и не знают еще, что и как в этом мире бывает, что допустимо и что становится возможно. Поэтому, не видя другой жизни, они воспринимают ситуацию в семье за некий образец, за некое правило. Что, в свою очередь, весьма негативно отражается (в иных случаях) на их последу-

ющей жизни, когда они тоже обретают свою семью и фактически выстраивают в ней те же самые схемы, свидетелями которых являются в течение своего детства, когда в подсознание особенно успешно закладывается любая информация, поставляемая их сознанию.

14.3. Толпа и масса

Разбирая способы и методы образования масс и индуцированность в толпе, Фрейд в работе «Психология масс и анализ человеческого Я» достаточно подробно разбирает механизмы массообразования, отмечая, что «можно наблюдать очень различные виды, а также противоположные направления в развитии масс. Есть очень текучие массы и в высшей степени постоянные; гомогенные, состоящие из однородных индивидов, и не гомогенные; естественные и искусственные, которым для сплоченности нужно также внешнее принуждение; примитивные и высокоорганизованные, с четкими подразделениями. По некоторым основаниям — понимание которых пока неясно, — мы хотели бы особо отметить различие, на которое другие авторы обращали, пожалуй, слишком мало внимания; я имею в виду различие между массами, где вождь отсутствует, и массами, возглавляемыми вождями. В противоположность обыкновению, мы начнем наше исследование не с относительно простых, а с высокоорганизованных, постоянных, искусственных масс. Наиболее интересными примерами таких массовых образований являются Церковь, объединение верующих, и армия, войско»⁷¹.

Далее проф. Фрейд проводит аналогию между двумя крупными массообразованиями, армией и Церковью, отмечая, что «и Церковь, и войско представляют собой искусственные массы, т. е. такие, где необходимо известное внешнее принуждение, чтобы удержать их от распадаения", и задержать изменения их структуры. Как правило, никого не спрашивают или никому не предоставляют выбора, хочет ли он быть членом такой массы или нет; попытка выхода обычно преследуется или строго наказывается, или же выход связан с совершенно определенными условиями...»⁷².

71 www.zigmund.ru

72 Там же.

Основатель психоанализа также исследует механизмы управления массами, приходя к заключению, что «сущностью массы являются ее либидинозные связи, на это указывает и феномен паники, который лучше всего изучать на военных массах. Паника возникает, когда масса разлагается. Характеристика паники в том, что ни один приказ начальника не удостоивается более внимания, и каждый печется о себе, с другими не считаясь. Взаимные связи прекратились, и безудержно вырывается на свободу гигантский бессмысленный страх, конечно, и здесь легко возразить, что происходит как раз обратное: страх возрос до такой степени, что оказался сильнее всех связей и забот о других»⁷³.

Прослеживая возможность состояния паники в безоговорочном подчинении масс, Фрейд сравнивает «момент паники (правда, не военной) как образец подчеркнутого им повышения аффектов через заражение», пытаясь далее «объяснить, почему именно страх столь гигантски возрос», и отмечая, что сама сущность паники состоит в том, что паника оказывается «непропорциональна грозящей опасности, часто вспыхивая по ничтожнейшему поводу»⁷⁴.

Далее Фрейд, разбирая вопрос возможности развития паники, обращает внимание на то, что «если в момент панического страха отдельный индивид начинает петься только лишь о себе самом, то этим он доказывает, что аффективные связи, до этого для него опасность снижавшие, прекратились. Теперь, когда он с опасностью один на один, он, конечно, оценивает ее выше. Суть, следовательно, в том, что панический страх предполагает ослабление либидинозной структуры массы и вполне оправданно на это ослабление реагирует, а никак не наоборот, т. е. что будто бы либидинозные связи массы гибнут от страха перед опасностью. Эти замечания отнюдь не противоречат утверждению, что страх в массе возрастает до чудовищных размеров вследствие индукции (заражения)...»

Проводя аналогию между двумя искусственными массами, Церковью и армией, Фрейд находит, «что в них действует два вида эмоциональных связей, из которых первая — связь с вождем — играет, по крайней мере для этих масс, более определяющую роль, чем вторая — связь массовых индивидов между собой»⁷⁵.

73 Там же.

74 Там же.

75 www.zigmund.ru

Выдвигая предположение, что «простая человеческая толпа еще не есть масса», Фрейд приходит к заключению, «что в любой человеческой толпе очень легко возникает тенденция к образованию психологической массы. Нужно было бы обратить внимание на различные, спонтанно образующиеся, более или менее постоянные массы и изучить условия их возникновения и распада. Больше всего нас заинтересовала бы разница между массами, имеющими вождя, и массами, где вождь отсутствует, или являются ли те массы, где имеется вождь, более первоначальными и более совершенными. В массах второго рода не может ли вождь быть заменен абстрактной идеей, к чему ведь религиозные массы с их невидимым вождем уже и являются переходом, и может ли общая тенденция, желание, объединяющее множество людей, быть заменой его же самого? Это абстрактное начало опять-таки более или менее совершенно могло бы воплотиться в лице, так сказать, вторичного вождя, и из взаимоотношения между вождем и идеей вытекали бы разнообразные и интересные моменты. Вождь или ведущая идея могли бы стать, так сказать, негативными; ненависть к определенному лицу или учреждению могла бы подействовать столь же объединяюще и вызвать похожие эмоциональные связи, как и позитивная привязанность. Тогда возник бы и вопрос, действительно ли так необходим вождь для сущности массы, и многое другое. Но все эти вопросы, которые частично могут обсуждаться и в литературе о массовой психологии, не смогут отвлечь нашего внимания от основных психологических проблем, которые даны нам в структуре массы»⁷⁶.

В последующем Фрейд доказывает, что массу характеризует некая любовная привязанность, или т. н. либидинозные связи. «Мы стараемся уяснить себе, каково в общем отношении людей друг к другу в аффективной сфере, — пишет Фрейд⁷⁷. — Согласно знаменитому сравнению Шопенгауэра о мерзнущих дикобразах ни один человек не переносит слишком интимного приближения другого человека. Согласно свидетельству психоанализа почти каждая продолжительная интимная эмоциональная связь между двумя людьми, как-то, брачные отношения, дружба, отношения между родителями и детьми, — содержит

76 www.zigmund.ru

77 Там же.

осадок отвергающих враждебных чувств, которые не доходят до сознания лишь вследствие вытеснения. Это более неприкрыто в случаях, где компаньон не в ладах с другими компаньонами, где каждый подчиненный ворчит на своего начальника. То же самое происходит, когда люди объединяются в большие единицы. Каждый раз, когда две семьи рождаются через брак, каждая из них, за счет другой, считает себя лучшей или более аристократической. Каждый из двух соседних городов становится недоброжелательным соперником другого, каждый кантончик смотрит с пренебрежением, свысока на другой. Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга — южный немец не выносит северянина, англичанин клеветает на шотландца, испанец презирает португальца. То, что при больших различиях возникает труднопреодолимая антипатия — галла к германцу, арийца к семиту, белого к цветному, — нас перестало удивлять.

Когда вражда направляется против любимых лиц, мы называем это амбивалентностью чувств и конечно слишком рационалистически объясняем ее многочисленными поводами к конфликтам интересов, которые создаются именно при столь интимных отношениях. В неприкрыто проявляющихся отталкиваниях и антипатиях к близким мы узнаем выражение себялюбия, нарциссизма, добивающегося своей самостоятельности и ведущего себя так, будто случай отклонения от его индивидуальных форм уже есть критика последних и включает вызов их преобразовать. Почему столь велика чувствительность именно к этим подробностям дифференциации, мы не знаем; несомненно, однако, что в этом поведении людей проявляется готовность к ненависти, агрессивность, происхождение которой неизвестно и которой хотелось бы приписать примитивный характер».

Далее Фрейд отмечает, что какая-либо нетерпимость исчезает «при образовании массы и в массе. Пока продолжается соединение в массу и до пределов его действия индивиды ведут себя как однородные, терпят своеобразие другого, равняются и не испытывают к нему чувства отталкивания. Согласно нашим теоретическим воззрениям, такое ограничение нарциссизма может быть порождено только одним моментом, а именно либинозной связью с другими людьми. Себялюбие находит преграду лишь в чужелюбии, в любви к объектам. Тотчас же

будет поставлен вопрос, не должна ли общность интересов, сама по себе и без всякого либидиозного вклада, привести к проявлению терпимости к другому и к вниманию к его интересам. На это выражение мы отвечаем, что таким путем существенное ограничение нарциссизма все-таки не длительно, так как эта терпимость будет продолжаться не дольше, чем продолжается непосредственная выгода от сотрудничества с другим. Практическая ценность этого спорного вопроса, однако, меньше, чем можно было бы ожидать, так как опыт показал, что в случае сотрудничества между товарищами обычно устанавливаются либидиозные связи, которые определяют и продолжают отношения товарищей далеко за пределами выгоды. В социальных отношениях людей происходит то же самое: психоаналитическое исследование вскрыло это в ходе развития индивидуального либидо. Либидо опирается на удовлетворение основных жизненных потребностей и избирает их участниками своими первыми объектами. И как у отдельного человека, так и в развитии всего человечества только любовь, как культурный фактор, действовала в смысле поворота от эгоизма к альтруизму. Это касается не только половой любви к женщине, со всеми из нее вытекающими необходимостями беречь то, что женщина любит, но и десексуализированной, сублимированно гомосексуальной любви к другому мужчине, любви, связанной с общей работой.

Если, таким образом, в массе появляются ограничения нарциссического себялюбия, которые вне ее не действуют, то это убедительное указание на то, что сущность массообразования заключается в нового рода либидиозных связях членов массы друг с другом»⁷⁸.

Сравнивая влюбленность и некое подобное чувство, развивающееся в массе, и отмечая, что «в психологическом учении о неврозах мы до сих пор занимались почти исключительно такой связью любовных первичных позывов с их объектом, которые преследовали еще прямые сексуальные цели»⁷⁹, Фрейд приходит к предположению, что каких-то уж явных сексуальных целей в массе не существует. Хотя он и делает вывод, что в массе «мы имеем здесь дело с любовными первичными позывами, которые, не теряя вследствие этого своей

78 www.zigmund.ru

79 Там же.

энергии, все же отклонились от своей непосредственной цели. Ведь уже в рамках обычной сексуальной занятости объектом мы заметили явления, которые соответствуют отклонению инстинкта от его сексуальной цели. Мы описали их как степени влюбленности и признали, что они ведут за собой известное ущербление "Я". На этих явлениях влюбленности мы остановимся теперь более подробно, имея основания ожидать, что мы обнаружим у них обстоятельства, которые могут быть перенесены на связи в массах. Но, кроме того, мы хотели бы знать, является ли этот вид занятости объектом, знакомым нам из половой жизни, единственным видом эмоциональной связи с другим человеком, или же мы должны принять во внимание еще другие такие механизмы. Из психоанализа мы действительно узнаем, что есть еще другие механизмы эмоциональной связи, так называемые идентификации (отождествления), недостаточно известные, трудно поддающиеся описанию процессы, исследование которых удержит нас на некоторое время от темы массовой психологии»⁸⁰.

Кроме того, нам следует обратить внимание, что по своему развитию толпа заметно отброшена назад, в прошлое, и там фактически правят бал те первобытнообщинные представления о чести, власти и порядочности, которые были, вероятно, свойственны нашим предкам. Причем практически совсем безразличен состав толпы. Это могут быть и малообразованные субъекты, и представители высшего общества, и смешанные группы. Значения данный факт никакого не имеет. В толпе представлены (и работают, действуют) те механизмы, которые находят свою проекцию из бессознательного психики индивидов и дошли до наших дней из прошлого практически в неизменном виде. Да и вообще вполне можно говорить о том, что архаичная составляющая нашего бессознательного, как ничто иное отражает состояние внутреннего составляющего любого индивида. И уж тем более оно находит свое проявление, когда подобные индивиды объединяются в массы. Так приверженность к древнему укладу жизни вполне проявляется во всей красе в психике современных индивидов, которые при возникновении каких-либо сложных ситуаций руководствуются архетипическими составляющими своего бессознательного где прерогатива направлена на подчинение более сильному

самцу (вождю). Причем в едином следовании приказу и воле такого вождя совместно со всеми у отдельного индивида (и у всех индивидов вместе) наблюдается снижение различной симптоматики, как-то снижение уровня тревожности и исчезновение (или заглушение) беспокойства, волнения, фобийных состояний и проч.

Иными словами, вполне можно говорить о том, что исходя из методики научаемости (и того, что каждый индивид бессознательно — и постепенно — принимает к действию то, что приносит ему пользу, бессознательно отвергая то что вызывает раздражение и наносит ему вред), такой индивид бессознательно будет отмечать положительный результат (своего рода — терапевтическое воздействие) от следования указаниям вождя и совместных действий с другими индивидами, с которыми он волей случая объединился в массу, а значит, это уже так или иначе отложится у него в подсознании и в последующем начнет оказывать действие на сознание. А также будет воспринято как руководство к действию. И при возникновении всех последующих ситуаций такой индивид станет бессознательно тянуться к массе, толпе, чтобы уже благодаря ей снимать с себя, освобождаться от симптоматики начала развития каких-либо душевных заболеваний, тем самым обретая спокойствие, улучшение настроения и т. п. качества, которые могут быть выражены единым словосочетанием — душевное здоровье.

В итоге мы вполне наблюдаем терапевтический эффект от следования отдельного индивида действиям толпы. Именно не сопротивление толпе, массе (что привносит с собой лишь душевные муки и прочие терзания), а консолидацию с ней — на благо достижения общих результатов через разрешение совместных целей и задач.

Причем эти цели и задачи и действительно становятся совместными, потому как никому и в голову не придет обманывать и юлить в толпе. Ведь в толпе, в массе, все чувства необычайно обнажены. И душа каждого индивида словно бы распахнута, открыта на распашку. Здесь невозможно солгать, обманув другого. Здесь обо всем и все сразу же становится известно. А каждый индивид словно бы предстает как перед раем и адом. И уже сама толпа будет решать, куда он отправится. Причем если кто-то считает, что толпа руководствуется какой-

либо справедливостью то он уже изначально ошибается. Толпа является приверженцем совсем других принципов. Здесь важна в первую очередь ваша открытость, честность, умение играть на чувствах, но делать это так, чтобы никто не заподозрил какого-либо обмана или подвоха. Другими словами, все должно быть по-настоящему. Как говорится, без дураков. И при этом иной раз так случается, что лидерами становятся не те, кто умнее, как и не те, кто расчетливее и коварнее. А зачастую лидером, вождем толпы становится тот, кто сумел ее подчинить, воздействуя, быть может, и интуитивно, на те механизмы, которые неким таинственным образом стали ему известны.

То есть, другими словами, кого по-настоящему выберет толпа — предугадать практически невозможно. Так же как совсем невозможно предугадать, какой фильм или художественное произведение станет культовым, а какое ждет откровенный провал. Какой выдвигаемый властью партийный лидер станет очень популярным в народе (каким, например, в Ленинграде был Сергей Миронович Киров), а к деятельности кого основные массы народонаселения страны будут оставаться безучастными (здесь аналогии можно не приводить. Достаточно внимательно проанализировать любые выборы и соотнести финансовые затраты того или иного кандидата с результатами голосования за или против него).

14.4. Идентификация как предпосылка подчинения

Фрейд предлагал использовать термин «идентификация» в контексте отображения (обозначения) ранней эмоциональной связи с другим лицом, находя, что идентификация «играет определенную роль в предыстории Эдипова комплекса»⁸¹.

«Малолетний мальчик, — отмечал Фрейд⁸², — проявляет особенный интерес к своему отцу. Он хочет сделаться таким и быть таким, как отец, хочет решительно во всем быть на его месте. Можно спокойно сказать: он делает отца своим идеалом. Его поведение не имеет ничего общего с пассивной или женственной установкой по отношению к отцу (и к мужчине

81 www.vapp.ru

82 Там же.

вообще), оно, напротив, исключительно мужественное. Оно прекрасно согласуется с Эдиповым комплексом, подготовке которого и содействует.

Одновременно с этой идентификацией с отцом, может быть, даже и до того, мальчик начинает относиться к матери как к объекту опорного типа. Итак, у него две психологически различные связи: с матерью — чисто сексуальная захваченность объектом, с отцом — идентификация по типу уподобления. Обе связи некоторое время сосуществуют, не влияя друг на друга и не мешая друг другу. Вследствие непрерывно продолжающейся унификации психической жизни они наконец встречаются, и, как следствие этого сочетания, возникает нормальный Эдипов комплекс. Малыш замечает, что дорогу к матери ему преграждает отец; его идентификация с отцом принимает теперь враждебную окраску и делается идентичной с желанием заменить отца и у матери. Ведь идентификация изначально амбивалентна, она может стать выражением нежности так же легко, как и желанием устранения. Она подобна отпрыску первой оральной фазы либидинозной организации, когда соединение с желанным и ценным объектом осуществлялось его съеданием и когда при этом этот объект как таковой уничтожался. Людоед, как известно, сохранил ЭТУ точку зрения: своих врагов он любит так, что "съесть хочется", и он не съедает тех, кого, по какой-либо причине, не может полюбить.

Судьба этой идентификации с отцом позднее легко ускользает от наблюдения. Возможно, что в Эдиповом комплексе совершается обратный поворот, что отец при женственной установке принимается за объект, от которого ждут удовлетворения непосредственные сексуальные первичные позывы, и тогда идентификация с отцом предшествует объектной связи с отцом. Так же — с соответствующими заменами — обстоит дело и в случае малолетней дочери. Легко формулировать разницу между такой идентификацией с отцом и объектным избранием отца. В первом случае отец есть то, чем хотят быть, во-втором — то, чем хотят обладать. Разница, следовательно, в том, задевает ли эта связь субъект или объект человеческого "Я". Поэтому первая связь возможна еще до всякого сексуального выбора объекта. Гораздо труднее наглядно изложить это различие метапсихически. Достоверно лишь то, что идентифи-

кация стремится сформировать собственное "Я" по подобию другого, взятого за "образец". Из более сложной ситуации мы выделяем идентификацию при невротическом образовании симптомов. Предположим, что маленькая девочка, которую мы теперь возьмем как пример, испытывает тот же симптом болезни, как и ее мать, например, тот же мучительный кашель. Это может происходить различно. Либо идентификация та же, из Эдипова комплекса, т. е. означает враждебное желание занять место матери, и симптом выражает объектную любовь к отцу; симптом реализует замену матери под влиянием чувства виновности: ты хотела быть матерью, так теперь ты стала ею, по крайней мере в страдании. В таком случае это законченный механизм истерического симптомообразования либо симптом, равный симптому любимого лица (как, например, Дора имитировала кашель отца); тогда мы можем описать происходящее только таким образом, что идентификация заняла место объектного выбора, объектный выбор регрессировал до идентификации. Мы слышали, что идентификация является самой ранней и самой первоначальной формой эмоциональной связи; в условиях образования симптомов, т. е. вытеснения и господства механизмов бессознательного, часто случается, что объектный выбор снова становится идентификацией, т. е. "Я" перенимает качества объекта. Примечательно, что при этих идентификациях "Я" иногда копирует нелюбимое лицо, а иногда любимое. Достоинно внимания и то, что в обоих случаях идентификация лишь частичная, крайне ограниченная, и копируется только одна-единственная черта объектного лица.

Третьим, особенно частым и важным фактом симптомообразования является то, что идентификация совершенно лишена объектного отношения к копируемому лицу. Если, например, девушка в пансионе получает от тайного возлюбленного письмо, вызывающее ее ревность, и она реагирует на него истерическим припадком, то с несколькими из ее подруг, которые знают о письме, тоже случится этот припадок как следствие, как мы говорим, психической инфекции. Это — механизм идентификации. На почве желания или возможности переместить себя в данное положение. Другие тоже хотели бы иметь тайную любовную связь и под влиянием сознания виновности соглашаются и на связанное с этим страдание. Было бы неправильно утверждать, что они усваивают симп-

том из сочувствия. Сочувствие, наоборот, возникает только из идентификации, и доказательством этого является то, что такая инфекция или имитация имеет место и в тех случаях, когда можно предположить еще меньшую предшествующую симпатию, чем обычно бывает у подруг в пансионе. Одно "Я" осознано в одном пункте значительную аналогию с другим "Я" — в нашем примере одинаковую готовность к эмоции; затем в этом пункте возникает идентификация, и под влиянием патогенной ситуации эта идентификация перемещается на симптом, рожденный первым "Я". Таким образом, идентификация через симптом делается для обоих "Я" признаком взаимного перекрытия какой-то части их личности, которое должно оставаться вытесненным».

Подводя итоги своему рассмотрению вопроса идентификации, Фрейд заключает, что помимо обозначения ранней связи с объектом идентификация становится заменой либидинозной объектной связи посредством своей интроекции «Я» в объект, а также вполне может «возникнуть при каждой вновь замеченной общности с лицом, не являющимся объектом сексуальных первичных позывов. Чем значительнее эта общность, тем успешнее может стать эта частичная идентификация и соответствовать, таким образом, началу новой связи».

«Мы предчувствуем, — пишет Фрейд далее⁸³, — что взаимная связь массовых индивидов уже по самой природе такой идентификации является важной аффективной общностью, и можем предполагать, что эта общность заключается в характере связи с вождем. Другое предположение может подсказать нам, что мы далеко не исчерпали проблему идентификации, что мы стоим перед процессом, который психология называет "вживанием" и который играет первостепенную роль для нашего понимания чужеродности "Я" других людей. Но здесь мы ограничимся ближайшими аффективными воздействиями идентификации и оставим пока в стороне ее значение для нашей интеллектуальной жизни.

Психоаналитическое исследование иногда занималось и более трудными проблемами психозов и смогло обнаружить идентификацию и в некоторых других случаях, которые не сразу доступны нашему пониманию. Я подробно изложу два этих случая как материал для наших дальнейших рассуждений.

Генезис мужской гомосексуальности в целом ряде случаев следующий: молодой человек необыкновенно долго и интенсивно, в духе Эдипова комплекса, сосредоточен на своей матери. Но наконец по завершении полового созревания все же настает время заменить мать другим сексуальным объектом. И тут происходит внезапный поворот: юноша не покидает мать, но идентифицирует себя с ней, он в нее превращается и ищет теперь объекты, которые могут заменить ему его собственное "Я", которых он может любить и лелеять так, как его самого любила и лелеяла мать. Этот часто наблюдающийся процесс может быть подтвержден любым количеством случаев; он, конечно, совершенно независим от всяких предположений, которые делаются относительно движущей силы и мотивов этого внезапного превращения. Примечательна в этой идентификации ее обширность, она меняет "Я" в чрезвычайно важной области — а именно в сексуальном характере — по образцу прежнего объекта. При этом сам объект покидается, покидается ли он совсем или только в том смысле, что он остается в бессознательном, не подлежит здесь дискуссии. Идентификация с потерянным или покинутым объектом, для замены последнего, интроекция этого объекта в "Я" для нас, конечно, не является новостью. Такой процесс можно непосредственно наблюдать на маленьком ребенке. Недавно в Международном психоаналитическом журнале было опубликовано такое наблюдение. Ребенок, горевавший о потере котенка, без всяких обиняков заявил, что он сам теперь котенок, и поэтому стал ползать на четвереньках, не хотел есть за столом и т. д.

Другой пример такой интроекции объекта дал нам анализ меланхолии, аффекта, считающего реальную или аффективную потерю любимого объекта одной из самых важных причин своего появления. Основной характер этих случаев заключается в жестоком унижении собственного "Я" в связи с беспощадной самокритикой и горькими упреками самому себе. Анализы показали, что эта оценка и эти упреки в сущности имеют свою целью объект и представляют собой лишь отмщение "Я" объекту. Тень объекта отброшена на "Я" — сказал я однажды. Интроекция объекта здесь чрезвычайно ясна.

Эти меланхолии, однако, выявляют и нечто другое, что может оказаться важным для наших дальнейших рассуждений. Они показывают нам "Я" в разделении, в расщепленности на

две части, из которых каждая неистовствует против другой. Эта другая часть есть часть, измененная интроекцией, заключающая в себе потерянный объект. Но знакома нам и часть, так жестоко себя проявляющая. Она включает совесть, критическую инстанцию, которая и в нормальные времена критически подходила к "Я", но никогда не проявляла себя так беспощадно и так несправедливо. Мы уже в предшествующих случаях должны были сделать предположение (нарциссизм, печаль и меланхолия), что в нашем "Я" развивается инстанция, которая может отделиться от другого "Я" и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее "Идеалом Я" и приписали ей функции самонаблюдения, моральной совести, цензуры сновидений и основное влияние при вытеснении. Мы сказали, что она представляет собой наследие первоначального нарциссизма, в котором детское "Я" удовлетворяло само себя. Из влияний окружающего эта инстанция постепенно воспринимает требования, которые предъявляются к "Я" и которые оно не всегда может удовлетворить; но когда человек не может быть доволен своим "Я", он все же находит удовлетворение в "Идеале Я", которое дифференцировалось из "Я". В мании выслеживания, как мы далее установили, явно обнаруживается распад этой инстанции, и при этом открывается ее происхождение от влияний авторитетов — родителей прежде всего. Мы, однако, не забыли отметить, что мера удаления "Идеала Я" от "Я" актуального очень варьируется для отдельных индивидов и что у многих людей эта дифференциация внутри "Я" не больше дифференциации у ребенка».

14.5. Гипноз

Фрейд также прослеживает связь помимо влюбленности и гипноза в вопросе манипулирования массами. Он пишет⁸⁴: «От влюбленности явно недалеко до гипноза. Соответствие обоих очевидно. То же смиренное подчинение, уступчивость, отсутствие критики как по отношению к гипнотизеру, так и по отношению к любимому объекту. Та же поглощенность собственной инициативы, нет сомнений, что гипнотизер занял место "Идеала Я". В гипнозе все отношения еще отчетливее и

интенсивнее, так что целесообразнее пояснять влюбленность гипнозом, а не наоборот. Гипнотизер является единственным объектом; помимо него никто другой не принимается во внимание. Тот факт, что "Я" как во сне переживает то, что гипнотизер требует и утверждает, напоминает нам о том, что, говоря о функциях "Идеала Я", мы упустили проверку реальности. Неудивительно, что "Я" считает свое приятие реальным, если психическая инстанция, заведующая проверкой реальности, высказывается в пользу этой реальности. Полное отсутствие стремлений с незаторможенными сексуальными целями еще более усиливает исключительную чистоту явлений. Гипнотическая связь есть неограниченная влюбленная самоотдача, включающая сексуальное удовлетворение, в то время как при влюбленности таковое оттеснено лишь временно и остается на заднем плане как позднейшая целевая возможность».

Однако Фрейд допускает, что гипноз идентичен объекту образования масс, изолируя из сложной цепи важный объект — поведение индивида в отношении к вождю. «Этим ограничением числа, — отмечает Фрейд⁸⁵, — гипноз отличается от образования масс, а отсутствием прямых сексуальных стремлений — от влюбленности. Он, таким образом, занимает между ними среднее положение».

Сравнивая любовь и гипноз, проявляемый в массах, Фрейд отмечает, что «заторможенные в целевом отношении сексуальные стремления устанавливают между людьми... прочную связь»⁸⁶, объясняя, что эти сексуальные стремления ослабевают в случае достижения сексуальной разрядки. «Чувственная любовь приговорена к угасанию, если она удовлетворяется, — пишет Фрейд⁸⁷. — Чтобы продолжаться, она с самого начала должна быть смешана с чисто нежными, т. е. заторможенными в целевом отношении компонентами, или же должна такую трансформацию претерпеть».

Фрейд допускает, что гипноз, происходящий в массах, содержит черты влюбленности с исключением сексуальных целей. «Он содержит примесь парализованности, вытекающей из отношения могущественного к бессильному, беспомощному, что примерно приближается к гипнозу испугом у живот-

85 Там же.

86 www.vapp.ru

87 Там же.

ных. Способ, которым гипноз достигается, и сопряженность гипноза со сном неясны, а загадочный отбор лиц, для гипноза годных, в то время как другие ему совершенно не поддаются, указывает на присутствие в нем еще одного неизвестного момента, который-то, может быть, и создает в гипнозе возможность чистоты либидинозных установок. Следует также отметить, что даже при полной суггестивной податливости моральная совесть загипнотизированного может проявлять сопротивление. Но это может происходить оттого, что при гипнозе в том виде, как он обычно производится, могло сохраниться знание того, что все это только игра, ложное воспроизведение иной, жизненно гораздо более важной ситуации»⁸⁸.

Далее Фрейд уточняет понятие массы, которая имеет вождя и не приобрела качеств, присущих отдельному индивиду. «Такая первичная масса, — отмечает он⁸⁹, — есть какое-то число индивидов, сделавших своим "Идеалом Я" один и тот же объект и вследствие этого в своем "Я" между собой идентифицировавшихся...»

Фрейд находит, что у индивида в массе отсутствуют самостоятельность и инициатива, а какие-либо его реакции снижены до позиции реакций других индивидов. Однако, отмечает Фрейд⁹⁰, «при рассмотрении массы как целого она показывает нам больше: черты ослабления интеллектуальной деятельности, безудержность аффектов, неспособность к умеренности и отсрочке, склонность к переходу всех пределов в выражении чувств и к полному отводу эмоциональной энергии через действия — это и многое другое, что так ярко излагает Ле Бон, дает несомненную картину регресса психической деятельности к более ранней ступени, которую мы привыкли находить у дикарей или у детей. Такой регресс характерен особенно для сущности обыкновенных масс, в то время как у масс высокоорганизованных, искусственных такая регрессия может быть значительно задержана».

Фрейд обращает внимание, что чувства отдельного индивида в толпе требуют своего неперемennого одобрения со стороны других индивидов массы. «Загадка суггестивного влияния разрастается, если признать, что это влияние исходит не

88 Там же.

89 Там же.

90 www.vapp.ru

только от вождя, но также и от каждого индивида на каждого другого индивида... — заключает он⁹¹. — Отдельный индивид чувствует себя незавершенным, если он один. Уже страх маленького ребенка есть проявление стадного инстинкта. Противоречие стаду равносильно отделению от него, и поэтому противоречия боязливо избегают. Но стадо отвергает все новое, непривычное...»

Фрейд, останавливаясь на причинах нереализованных желаний, отмечает, что страх сначала обращен к матери, а позже и к другим близким. Причем, по мнению Фрейда, «страх одинокого маленького ребенка при виде любого другого человека "из стада" не утихает, а, наоборот, с привхождением такого "чужого" как раз и возникает. У ребенка долгое время и незаметно никакого стадного инстинкта или массового чувства. Таковое образуется вначале в детской, где много детей, из отношения детей к родителям, и притом как реакция на первоначальную зависть, с которой старший ребенок встречает младшего. Старшему ребенку хочется, конечно, младшего ревниво вытеснить, отдалить его от родителей и лишить всех прав; но, считаясь с фактом, что и этот ребенок, как и все последующие, в такой же степени любим родителями, и вследствие невозможности удержать свою враждебную установку без вреда самому себе, ребенок вынужден отождествлять себя с другими детьми, и в толпе детей образуется массовое чувство или чувство общности, получающее затем дальнейшее развитие в школе. Первое требование этой образующейся реакции есть требование справедливости, равного со всеми обращения. Известно, как явно и неподкупно это требование проявляется в школе. Если уж самому не бывать любимчиком, то пусть по крайней мере ни единому таковым не быть! Можно бы счесть такое превращение и замену ревности в детской и классной массовым чувством — неправдоподобным, если бы позднее этот же процесс не наблюдался снова при иных обстоятельствах. Вспомним только толпы восторженно влюбленных женщин и девушек, теснящихся, после его выступления, вокруг певца или пианиста. Каждая из них не прочь бы, конечно, приревновать другую, ввиду же их многочисленности и связанной с этим невозможности овладеть

91 Там же.

предметом своей влюбленности они от этого отказываются и вместо того, чтобы вцепиться друг другу в волосы, они действуют, как единая масса, поклоняются герою сообща и были бы рады поделить его локоном. Исконные соперницы, они смогли отождествлять себя друг с другом из одинаковой любви к одному и тому же объекту. Если ситуация инстинкта способна, как это обычно бывает, найти различные виды исхода, то не будет удивительным, если осуществится тот вид исхода, что связан с известной возможностью удовлетворения, в то время как другой, даже и более очевидный, не состоится, так как реальные условия достижения этой цели не допускают.

Что позднее проявляется в обществе как корпоративный дух и т. д., никак тем самым не отрицает происхождения его из первоначальной зависти. Никто не должен посягать на выдвижение, каждый должен быть равен другому и равно обладать имуществом. Социальная справедливость означает, что самому себе во многом отказываешь, чтобы и другим надо было себе в этом отказывать или, что то же самое, они бы не могли предъявлять на это прав. Это требование равенства есть корень социальной совести и чувства долга. Неожиданным образом требование это обнаруживается у сифилитиков в их боязни инфекции, которую нам удалось понять с помощью психоанализа. Боязнь этих несчастных соответствует их бурному сопротивлению бессознательному желанию распространить свое заражение на других, так как почему же им одним надлежало заразиться и лишиться столь многого, а другим — нет? То же лежит и в основе прекрасной притчи о суде Соломоновом. Если у одной женщины умер ребенок, пусть и у другой не будет ребенка. По этому желанию познают потерпевшую. Социальное чувство основано на изменении первоначально враждебных чувств в связь положительного направления,носящую характер идентификации. Поскольку было возможно проследить этот процесс, изменение это осуществляется, по видимому, под влиянием общей для всех нежной связи с лицом, стоящим вне массы. Наш анализ идентификации и нам самим не представляется исчерпывающим, но для нашего настоящего намерения достаточно вернуться к одной черте, к настойчивому требованию уравнивания. При обсуждении обеих искусственных масс — Церкви и войска — мы уже слышали об их предпосылке, чтобы все были одинаково любимы одним

лицом — вождем. Но не забудем, требование равенства массы относится лишь к участникам массы, но не к вождю. Всем участникам массы нужно быть равными меж собой, но все они хотят власти над собою одного. Множество равных, кои могут друг с другом идентифицироваться, и один-единственный, их всех превосходящий — вот ситуация, осуществленная в жизнеспособной массе. Итак, высказывание Троттера: человек есть животное стадное, мы осмеливаемся исправить в том смысле, что он скорее животное орды, особь предводительствуемой главарем орды»⁹².

15. Архетипическая составляющая массообразования. (Масса — как первобытная орда)

Разбирая причины массообразования, Фрейд пишет: «Человеческие массы опять-таки показывают нам знакомую картину одного всесильного среди толпы равных сотоварищей, картину, которая имеется и в нашем представлении о первобытной орде. Психология этой массы, как мы ее знаем из часто проводившихся описаний, а именно: исчезновение сознательной обособленной личности, ориентация мыслей и чувств в одинаковых с другими направлениях, преобладание аффективности и бессознательной душевной сферы, склонность к немедленному выполнению — внезапных намерений — все это соответствует состоянию регресса к примитивной душевной деятельности, какая напрашивается для характеристики именно первобытной орды»⁹³.

Сравнивая массу с первобытной ордой, Фрейд отмечает, что из любой толпы может вновь возникнуть орда. «...с самого начала существовало две психологии, — отмечает он⁹⁴. — Одна — психология массовых индивидов, другая — психология отца, возглавителя, вождя. Отдельные индивиды массы были так же связаны, как и сегодня, отец же первобытной орды был свободен. Его интеллектуальные акты были и в обо-

---

92   www.vapp.ru

93   www.vapp.ru

94   Там же.

собленности сильны и независимы, его воля не нуждалась в подтверждении волей других. Следовательно, мы полагаем, что его "Я" было в малой степени связано либидинозно, он не любил никого, кроме себя, а других лишь постольку, поскольку они служили его потребностям. Его "Я" не отдавало объектам никаких излишков.

На заре истории человечества он был тем сверхчеловеком, которого Ницше ожидал лишь от будущего. Еще и теперь массовые индивиды нуждаются в иллюзии, что все они равным и справедливым образом любимы вождем, сам же вождь никого любить не обязан, он имеет право быть господского нрава, абсолютно нарциссическим, но уверенным в себе и самостоятельным. Мы знаем, что любовь ограничивает нарциссизм, и могли бы доказать, каким образом, благодаря этому своему воздействию, любовь стала культурным фактором.

Праотец орды еще не был бессмертным, каковым он позже стал через обожествление. Когда он умирал, его надлежало заменять; его место занимал, вероятно, один из младших сыновей, бывший до той поры массовым индивидом, как и всякий другой. Должна, следовательно, существовать возможность для превращения психологии массы в психологию индивидуальную, должно быть найдено условие, при котором это превращение совершается легко, как это возможно у пчел, в случае надобности выращивающих из личинки вместо рабочей пчелы королеву. В таком случае можно себе представить лишь одно: праотец препятствовал удовлетворению прямых сексуальных потребностей своих сыновей; он принуждал их к воздержанию и, следовательно, к эмоциональным связям с ним и друг с другом, которые могли вырастать из стремлений с заторможенной сексуальной целью. Он, так сказать, вынуждал их к массовой психологии. Его сексуальная зависть и нетерпимость стали в конце концов причиной массовой психологии. Тому, кто становился его наследником, давалась также возможность сексуального удовлетворения и выхода тем самым из условий массовой психологии. Фиксация любви на женщине, возможность удовлетворения без отсрочки и накопления энергии положили конец значению целезаторможенных сексуальных стремлений и допускало нарастание нарциссизма всегда до одинакового уровня. К этому взаимоотношению любви и формирования характера мы вернемся в дополнительной главе.

Как нечто особо поучительное отметим еще то, как конституция первобытной орды относится к организации, посредством которой — не говоря о средствах принудительных — искусственная масса держится в руках. На примере войска и церкви мы видели, что этим средством является иллюзия, будто вождь любит каждого равным и справедливым образом. Это-то и есть идеалистическая переработка условий первобытной орды, где все сыновья знали, что их одинаково преследует отец, и одинаково его боялись. Уже следующая форма человеческого общества, тотемистический клан, имеет предпосылкой это преобразование, на котором построены все социальные обязанности. Неистошима сила семьи, как естественного массообразования, основана на том, что эта необходимая предпосылка равной любви отца в ее случае действительно может быть оправдана.

Но мы ожидаем еще большего от сведения массы к первобытной орде. В массообразовании это должно нам также объяснить еще то непонятное, таинственное, что скрывается за загадочными словами гипноз и внушение. И мне думается, это возможно. Вспомним, что гипнозу присуще нечто прямо-таки жуткое; характер же этой жути указывает на что-то старое, нам хорошо знакомое, что подверглось вытеснению. Подумаем, как гипноз производится. Гипнотизер утверждает, что обладает таинственной силой, похищающей собственную волю субъекта, или же, что то же самое, субъект гипнотизера таковым считает. Эта таинственная сила, в обиходе еще часто называемая животным магнетизмом, — наверное, та же, что у примитивных народов считается источником табу, та же, что исходит от королей и главарей и делает приближение к ним опасным. Гипнотизер якобы этой силой владеет, а как он ее выявляет? Требуя смотреть ему в глаза; он, что очень типично, гипнотизирует своим взглядом. Но ведь как раз взгляд вождя для примитивного человека опасен и невыносим, как впоследствии взгляд божества для смертного. Еще Моисей должен был выступить в качестве посредника между своим народом и Иеговой, ибо народ не мог бы выдержать лика Божьего, когда же Моисей возвращается после общения с Богом, лицо его сияет, часть "Мапа" перешла на него, как это и бывало у посредника примитивных народов.

Гипноз, правда, можно вызывать и другими способами, что вводит в заблуждение и дало повод к неудовлетворительным физиологическим теориям; гипноз, например, может быть вызван фиксацией на блестящем предмете или монотонном шуме. В действительности же эти приемы служат лишь отвлечению и приковыванию сознательного внимания. Создается ситуация, в которой гипнотизер будто бы говорит данному лицу: "Теперь занимайтесь исключительно моей особой, остальной мир совершенно неинтересен". Было бы, конечно, технически нецелесообразно, если бы гипнотизер произносил такие речи; именно это вырвало бы субъекта из его бессознательной установки и вызвало бы его сознательное сопротивление. Гипнотизер избегает направлять сознательное мышление субъекта на свои намерения; подопытное лицо погружается в деятельность, при которой мир должен казаться неинтересным, причем это лицо бессознательно концентрирует все свое внимание на гипнотизере, устанавливает с ним связь и готовность к перенесению внутренних процессов. Косвенные методы гипнотизирования, подобно некоторым приемам шуток, направлены на то, чтобы задержать известные размещения психической энергии, которые помешали бы ходу бессознательного процесса, и приводят в конечном итоге к той же цели, как и прямые влияния при помощи пристального взгляда и поглаживания.

Ференчи правильно установил, что гипнотизер, давая приказание заснуть, что часто делается при вводе в гипноз, занимает место родителей. Он думает, что следует различать два вида гипноза вкрадчиво успокаивающих — приписываемый им материнскому прототипу, или угрожающий, приписываемый прототипу отцовскому. Но ведь приказание заснуть означает в гипнозе не что иное, как отключение от всякого интереса к миру и сосредоточение на личности гипнотизера; так это субъектом и понимается, потому что в этом отвлечении интереса от окружающего мира заключается психологическая характеристика сна и на ней основана родственность сна с гипнотическим состоянием.

Отмечая, что гипнотизер вызывает у индивида часть его архаического наследия, проявляемого по отношению к родителям, Фрейд вновь сравнивает вождя и архаического

отца. По отношению и к тому и к другому индивид занимает изначальную мазохистскую позицию, позицию подчинения, когда необходимо было отдать им свою волю.

Прослеживая влияние гипноза, Фрейд обращает внимание, что представление гипноза игрой может сохраниться и повлечь за собой потерю индивидом воли. «Жуткий, принудительный характер массообразования, — пишет Фрейд⁹⁵, — проявляющийся в феноменах внушения, можно, значит, по праву объяснить его происхождением первобытной орды». Вождь массы — все еще праотец, к которому все преисполнены страха, масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета; она, по выражению Ле Бона, жаждет подчинения. Праотец — идеал массы, который вместо "Идеала Я" владеет человеческим "Я". Гипноз по праву может быть назван "массой из двух". Внушение же можно только определить как убеждение, основанное не на восприятии и мыслительной работе, а на эротической связи.

Фрейд предполагает, что отдельный индивид вполне может являться частью разных масс (расы, сословия, церковной общины и т. п.), и при этом в отдельные моменты становиться самостоятельным. «Эти постоянные и прочные массовые формации со своим равномерно дующимся воздействием меньше бросаются в глаза, чем наскоро образовавшиеся текучие массы, на примере которых Ле Бон начертал блестящую психологическую характеристику массовой души, и в этих шумных, эфемерных массах, которые будто бы наслоились на первых, как раз происходит чудо: только что признанное нами как индивидуальное развитие бесследно, хотя и временно, исчезает»⁹⁶.

В массах, по мнению Фрейда, отдельный индивид стремится к отождествлению с вождем, в котором воплощается его массовый идеал. Поэтому какому-либо вождю массы становится легче управлять массообразованием. Достаточно только производить впечатление силы и могущества, причем действие не обязательно должно распространяться на всех индивидов в массе. Используя принцип внушения, распространенный в массе, другие индивиды уже вполне могут индуцироваться (заразиться) от тех, кто попал под воздействие вождя, слившись с его образом и тем самым получая от него силу и исчезновение от собственного страха.

95 www.vapp.ru

96 www.vapp.ru

Возвращаясь к научному мифу об первобытном отце (отце орды), Фрейд отмечает, что такой отец был возвеличен как творец мира, так как породил всех сыновей. Сыновья почитали отца. Подчинялись ему и боялись. Возникло понятие табу как запрета выполнять определенные действия.

Однако позже сыновья объединились и убили отца. Но никто из них не мог занять его места, так как это вызывало недовольство у других а значит, шла непрекращающаяся борьба. Борьба за власть. Закончилась война, когда все сыновья дружно решили отказаться от отцовского наследия. После чего они вновь организовали тотемическое братство, стали обладать равными правами и все вместе соблюдали тотемические запреты, которые должны были искупить их вину перед убиенным родителем.

Как пишет Фрейд, недовольство все же осталось. Мужчина вновь стал главой семьи, восстановив власть, которой лишился в эпоху безотцовства (и власти женщин). А в качестве компенсации женщинам были призваны материнские божества, для ограждения матери жрецы кастрировались, однако новая семья могла быть только подобием прежней, так как отцов было много и власть распределялась на них поровну. «Страстная тоска, связанная с уроном, побудила тогда отдельного индивида отделиться от массы и мысленно восстановить себя в роли отца, — пишет Фрейд⁹⁷. — Совершивший этот шаг был первым эпическим поэтом; он достиг этого в области фантазии. Поэт подменил действительность в соответствии со своей мечтой. Он положил начало героическому мифу. Героем был убивший отца один на один, отца, который в мифе фигурирует еще в виде тотемистического чудовища. Как раньше отец был первым идеалом мальчика, так поэт теперь создал в герое, которому надлежит заменить отца, первый "Идеал Я". Звенюм с новосозданным героем был, вероятно, младший сын, любимец матери, которого она оберегала от отцовской ревности и который во времена первобытной орды стал преемником отца. В ложном опозтизировании, изображающем первобытное время, женщина, являвшаяся наградой за победу и соблазном к убийству, стала, вероятно, совратительницей и подстрекательницей к злодеянию.

---

97 Там же.

Герой претендует на единоличное совершение поступка, на что отважилась бы, конечно, только орда в целом. Однако, по замечанию Ранка, сказка сохранила отчетливые следы скрытого истинного положения вещей... Ибо так часто случается, что герой, которому предстоит трудное задание, — чаще всего это младший сын, который в присутствии суррогата отца притворяется дурачком, т. е. неопасным, может выполнить эту задачу только с помощью стайки маленьких зверьков (муравьев, пчел). Это — братья первобытной орды; ведь и в символике сновидений насекомые и паразиты означают сестер и братьев (из презрительного отношения, как к маленьким детям). Кроме того, каждое из заданий мифа и сказки легко распознать как замену героического поступка. Миф, таким образом, является тем шагом, при помощи которого отдельный индивид выходит из массовой психологии. Первым мифом, несомненно, был миф психологический, миф героический; пояснительный миф о природе возник, вероятно, много позже. Поэт, сделавший этот шаг и отделившийся таким образом в своей фантазии из массы, умеет, по дальнейшему замечанию Ранка, в реальной жизни все же к ней вернуться. Ведь он приходит и рассказывает этой массе подвиги созданного им героя. В сущности, этот герой не кто иной, как он сам. Тем самым он снижается до уровня реальности, а своих слушателей возвышает до уровня фантазии. Но слушатели понимают поэта: на почве того же самого тоскующе-завистливого отношения к праотцу они могут идентифицировать себя с героем. Лживость мифа завершается обожествлением героя. Обожествленный герой был, может быть, прежде Бога-отца, являясь предшественником возвращения праотца в качестве божества. Хронологически прогрессия божеств была бы тогда следующей: богиня материнства — герой — Бог-отец. Но лишь с возвышением незабвенного праотца божество приобрело черты, знакомые нам и поныне.

Часть 3

16. Идеологическая обработка как неотъемлемая форма успешного управления (манипулирования) массами

Говоря о манипулировании, мы должны иметь в виду, что подобная программа «кодировки» сограждан страны такими же согражданами (разве что находящимися в заметном меньшинстве) практически целиком и полностью подпадает под ментальную юрисдикцию идеологии. Причем не секрет, что идеологическая обработка должна быть поставлена на широкую ногу в любой стране мира. Причем, в зависимости от цивилизованности страны, используются и свои методы идеологической обработки.

Термин «идеология» происходит от древнегреческих слов *idea* — идея, образ и *logos* — учение, и буквально означает «учение об идеях». В более расширенном контексте понимания вопроса идеология это система политических, правовых, нравственных, религиозных и философских взглядов и идей, в которой осознаются и оцениваются отношения к действительности людей, классов, групп, партий, составляющих их мировоззрение, и разрабатываемая теоретиками, идеологами.

Вот выдержка из Большой советской энциклопедии: «Идеология (от идея и ...логия) — система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений. В классовом обществе И. всегда носит классовый характер, отражая положение данного класса, классовые интересы».

Понятие И. изменялось и уточнялось в ходе развития познания. Термин «И.» ввёл в употребление французский философ и экономист Дестют де Траси («Элементы идеологии», 1801). Исходя из принципа, что наши знания происходят из ощущений, он утверждал, будто «идеология» — учение об идеях, исследуя всеобщие принципы и законы возникновения идей, позволяет тем самым установить твёрдые основы для политики, этики, воспитания и т. д. В таком же смысле об

И. писали Ж. Кабанис и другие поздние представители школы французского материализма и сенсуализма. В наполеоновской Франции термин «И.» приобрёл пренебрежительный оттенок. «Идеологами» стали называть людей, которые подходили к общественной жизни с точки зрения абстрактных принципов и ничего не понимали в практических вопросах реальной политики.

К. Маркс и Ф. Энгельс... под И. понимали: 1) идеалистическую концепцию, согласно которой мир представляет собой воплощение идей, мыслей, принципов... 2) соответствующий этой концепции тип мыслительного процесса, когда его субъекты — идеологи, не сознавая связи своих построений с материальными интересами определённых классов и, следовательно, объективных побудительных сил своей деятельности, постоянно воспроизводят иллюзию абсолютной самостоятельности общественных идей... 3) вытекающий отсюда метод подхода к действительности, состоящий в конструировании желаемой, но мнимой реальности, которая выдается за самое действительность. Ф. Энгельс, критикуя немецкого философа Е. Дюринга, писал, что «философия действительности оказывается и здесь чистой идеологией, выведением действительности не из нее самой, а из представления»... Таким образом, действительность предстаёт в идеологии в искажённом, перевернутом виде...

...Идеология выполняет определённые социальные функции, вырабатывая соответствующие интересам того или иного класса типы мышления и поведения или даже программы социального действия...»⁹⁸

А вот как пишет об идеологии д.ф.н. проф. А.А.Зиновьев: «Специфическая цель (и функция) идеологического учения (идеологии) — не познание реальности, не развлечение, не образование, не информация о событиях на планете и т. д. (хотя все это не исключается), а формирование у людей определенного и заранее планируемого способа мышления и поведения, побуждение людей к такому способу мышления и поведения, короче говоря — формирование сознания людей и управление им путем воздействия на их сознание...

Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает и навязывает людям определенные стереотипы (алгоритмы) сознания, проявляющиеся в стереотипах

поведения. Задача идеологии — приучить какое-то множество людей сходным образом думать о каких-то явлениях реальности и совершать какие-то поступки под воздействием такого понимания сходным образом»⁹⁹.

Следует обратить внимание, что задачи идеологии фактически простираются в плоскости скрытого воздействия на сознание масс, манипулирования массами. То есть неким удивительным образом массам выдвигается последовательная цепочка моно-идей, следование которым — происходит внушение, что если они будут следовать им — приводит к улучшению жизни «последователей».

При этом ни в коем случае массы не должны разгадывать призрачную иллюзорность навязываемой им идеологии. Они вообще не должны подозревать, что в отношении их происходит какое-то манипулирование, скрытое, тайное воздействие. И выполнять цели и задачи, навязываемые манипуляторами — с собственным желанием. Причем перед этим подобное желание обязательно должно быть «введено» в подсознание масс любыми способами. Идеология — это прежде всего вера. Вера в навязываемый образ, вера в незыблемость идей и построения чего-либо, вера во все, что будет необходимо для поддержания правящего класса. Ведь так или иначе, наибольшее применение идеология находит в построении политической системы общества. Мощнейшая идеология была сформирована в советское время. И хоть сами Маркс с Энгельсом отказывались от употребления термина идеология при навязывании собственного учения при фактически советское общество в стране взявших власть советов строилась по лекалам, сформированным этими гениальными идеологами и обогащенными не менее талантливыми идеями Ульянова (Ленина). Причем уже вполне можно утверждать вслед за известным философом и ученым, д.ф.н., проф. А. А. Зиновьевым, что советская идеология была на несколько порядков выше идеологии западной (именно потому и существовал на Западе крупнейший штат советологов, а правительство капиталистический стран было направлено на уничтожение Советского Союза).

---

99 Зиновьев А. А. журнал «Государственная служба », № 3 (17), май - июнь, 2002.

«Советская идеология была первой грандиозной нерелигиозной (светской) идеологией¹⁰⁰, — отмечал проф. А. А. Зиновьев в статье «Философия как часть идеологии». — Она была всеобъемлющей как по содержанию (по охвату тем), так и по множеству людей, которым она предназначалась, можно сказать — была универсальной. Она была предельно рациональной в том смысле, что стремилась опираться на науку, использовать достижения науки и пропагандировать их широким слоям населения, сама претендовала на статус научности. Наконец она была самой систематизированной идеологией из всех тех явлений идеологии, какие существовали в истории. Она была идеологией государственной — в том смысле, что была узаконена как обязательная для всех граждан страны, имела единый и централизованный идеологический механизм, составляющий часть системы власти и управления, контролировала весь менталитетный аспект советского общества. Официально считалось, что она была марксизмом-ленинизмом. Это верно лишь отчасти. Фактически же отражение жизни человечества и интеллектуального материала двадцатого века заняло в ней основное содержание. Она сложилась после революции 1917 года как осмысление опыта реального советского и мирового коммунизма, как идеология общества коммунистического типа...

Особо важное значение советская идеология имела для деятельности руководящих (управляющих) органов страны, ибо она содержала целый ряд инструкций для их поведения. В сталинские годы идеология имела явно нормативный характер. В послесталинские годы эта роль идеологии внешне вроде бы ослабла. Но по сути дела она лишь изменила форму и ушла вглубь. Идеология ставила перед руководителями страны общую цель, которая, независимо от ее достижимости или недостижимости, играла организующую роль и определяла направление стратегической деятельности руководства. Идеология давала общую ориентацию жизни коммунистического общества и устанавливала рамки и принципы деятельности его власти.

До известного момента советская идеология была адекватна условиям в стране и в мире, служила одним из факторов успехов Советского Союза. Но постепенно она стала наращи-

вать степень неадекватности изменяющимся условиям, впала в кризисное состояние и стала одним из факторов кризиса и краха советского коммунизма.

В результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы были разгромлены все основные опоры советского социального строя. Советская государственная идеология была просто отброшена. Гигантская армия советских идеологов без боя капитулировала. Она просто испарилась, как будто ее не было вообще. Но вместо обещанного реформаторами и их западными манипуляторами освобождения от тирании марксизма-ленинизма-сталинизма наступило состояние, в отношении которого слово «беспредел» является уместным с гораздо большими основаниями, чем в отношении прочих аспектов социальной организации страны. Постсоветская идеологическая сфера стала формироваться (как и социальная организация в целом) как гибрид западнистской, досоветской (дореволюционной) и советской идеологий.

По первой линии в Россию хлынул мощный, ничем не сдерживаемый поток западной идеологии. Он с поразительной быстротой овладел большей частью средств массовой информации, ставших, как и на Западе, своего рода «ватиканами» западничества. Западническая система ценностей нашла в России на редкость благоприятную почву. Западная массовая культура, являющаяся орудием идеологии западничества, стала покорять души россиян, особенно новых поколений.

По второй из упомянутых линий началось безудержное возрождение религий, и прежде всего православия, которое стало вести себя почти как государственная религия. Оно заручилось поддержкой высших властей и настойчиво вступило в борьбу за души россиян. Бывшие убежденные атеисты из партийного аппарата и из высокообразованной интеллигенции молниеносно превратились в столь же убежденных верующих и внесли свою лепту в церковностроительство с таким же энтузиазмом, с каким их предшественники в двадцатых и тридцатых годах делали это в отношении церковоразрушительства...

...Третью линию ее гибридизации образует советское наследие. Оно дает о себе знать в потребности найти такую идеологию, которая способствовала бы объединению россиян в единое целое и которая могла бы служить новой системе влас-

ти эффективным средством управления страной и выработки социально-политической стратегии в происходящем процессе глобализации. Исключительность нынешней ситуации для России заключается в том, что она не может сохраниться в качестве исторически значимой величины, если не сумеет выработать идеологию, сопоставимую по эффективности с той, которая имела место в советские годы.

А вот еще ряд выдержек из лекции А. А. Зиновьева¹⁰¹. Глубина поднимаемых вопросов, проработанность темы исследования, а также авторитет Зиновьева как ученого, признанного во всем мире, позволяет по-особому внимательно вчитываться в его слова. «Исходя из своей теории, — пишет Зиновьев, — я в ряде книг объяснил, почему рухнула советская социальная организация. В двух словах на эту тему я могу сказать следующее.

Принято считать, что советская социальная система изжила себя, что она оказалась нежизнеспособной. Это неверно. Она была жизнеспособной, она доказала, что она гораздо эффективнее, чем западные социальные системы. В этом отношении наша страна опередила Запад по крайней мере лет на пятьдесят. Как я объяснял в предисловии к моей книге "Запад", разгромив коммунизм на Востоке, Запад устремился в том же направлении. Не в направлении объединения коммунистического типа, но такого же уровня организации. И сейчас можно проводить полную аналогию.

Причиной разрушения советской системы послужил комплекс факторов. Я вам уже объяснил, что такое комплекс: сводить все к одной какой-то причине, одному фактору нельзя, нужно брать комплекс в целом. Все то, что пишется на эту тему, вырывает какой-то отдельный аспект структуры общества и к нему сводит.

В этот комплекс причин, обусловивших падение советской системы, входит много факторов. Среди них — факторы внешнего порядка. Например, такие, как "холодная война", которая длилась более полувека. Какой она была, вы все прекрасно знаете, это была идеологическая война. Наряду с внешними внутренними факторы, как, например, кризис идеологии; это очень важно, имейте в виду, что это один из важнейших

---

101 Постсоветизм. Лекция д.ф.н. профессора А. А. Зиновьева. www.polit.ru

факторов. Марксистская идеология была одной из важнейших причин краха советской системы. То есть она полностью исключила научное понимание и советской, и западной реальности. До сих пор она сидит в головах людей и препятствует научному пониманию реальности сегодняшней.

В число факторов входили и такие, как назревание кризиса. Лет за десять до Горбачева я построил математическую модель советского общества, с ее помощью я доказал неизбежность кризиса. Я описал этот кризис, и он произошел в горбачевские годы именно таким, как я его описывал за десять лет до этого.

Мою работу обсуждали на высоком уровне: в комиссии были представители Президиума Академии наук, из ЦК, из КГБ — работу оценили как клевету на советское общество. Все рукописи были реквизированы, я дал подписку о неразглашении результатов моих исследований.

В число этих факторов входил также стремительный прогресс. Брежневские годы совсем не были застойными. Возьмем хотя бы один показатель: число объектов, подлежащих управлению, к брежневским годам увеличилось сравнительно со сталинскими годами в несколько сотен раз. Как минимум в триста раз. Я имею в виду число институтов, школ, лабораторий, кафедр и так далее. Все объединения, в которых имелись какие-либо управляющие органы.

Одной из причин краха советской системы стало несоответствие управленческого аппарата и управляемого тела. Если число управляемых объектов увеличилось в триста раз, если не больше, то система власти и управления выросла не более чем в два раза. Вы можете представить, что управлять таким сложным механизмом было уже невозможно.

Сыграл свою роль и фактор предательства. Произошло коллективное грандиозное предательство. Вы можете себе представить: первый коммунист, человек, который готовится стать главой коммунистической партии, Горбачев приезжает в Лондон и не идет на могилу Маркса. Первый коммунист в мире не идет туда, а идет на встречу с Маргарет Тэтчер. Я тогда давал интервью на эту тему, меня спросили, как оценить этот факт, и я сказал, что это начало грандиозного исторического предательства, — так оно и произошло. Этот фактор тоже сыграл свою роль.

Наверняка почти всем вам известный факт: почти двадцать миллионов коммунистов, членов партии, вступая в нее, давали клятву до последней капли крови сражаться за идеи марксизма, за коммунизм и т. п. — и ни одной капли крови не было пролито. Люди испарились, как будто их не было.

Я впервые ввел в социологию это понятие в качестве социального фактора, социологического фактора, а не просто морального, — фактор предательства.

Так, в общем, без боя, погибла, была сдана страна, произошла капитуляция, и сразу же, молниеносно была сконструирована новая социальная система, постсоветская социальная организация.

Советское общество складывалось вовсе не по Марксу: не произошло изменения базиса, которое бы повлекло за собой изменение надстройки, никакого коммунистического базиса в дореволюционной России не было. Появилась марксистская идеология, появились революционные организации, появилась партия профессиональных революционеров во главе с Лениным, представился случай, революционеры захватили власть и быстро, в течение кратчайшего срока, создали систему власти, и уже новая система власти стала создавать — если брать марксистскую идеологию — коммунистический базис. Стали создавать не частную, а общественную и государственную индустрию, ликвидировали частное хозяйство в деревнях в ходе коллективизации.

Точно так же произошло и с постсоветской системой. В советскую эпоху, перед переворотом, который произошел в горбачевские-ельцинские годы, в советской системе никакого нового экономического базиса в марксистском смысле не было. Была теневая экономика, были какие-то частные предприятия, но это не были капиталистические явления. Все равно и теневая экономика, и частные предприятия функционировали по законам советского общества, а не по законам капиталистического общества.

Как возникла постсоветская социальная система, постсоветизм?

Больше пятидесяти лет шла "холодная война". Она перешла в "теплую" войну, по моей терминологии, то есть к идеологическим средствам "холодной войны" добавились

новые, такие как диверсионные операции, грандиозные диверсионные операции. Результатом одной из них стало проведение Горбачева на пост генерального секретаря.

Если кто-то уже был достаточно взрослым в те годы, он может вспомнить, как Горбачев проходил на пост генерального секретаря. Отправили члена Политбюро Щербицкого в Америку, задержали вылет его самолета, Романов — другой член Политбюро, конкурент Горбачева — был отправлен в отпуск, была оборвана телефонная связь с ним, он даже не знал, что собирается Политбюро.

И голос Громько решил исход голосования в пользу Горбачева. Горбачев никогда за всю партийную карьеру не был в ситуации, когда бы ему приходилось с кем-нибудь конкурировать, — все время проскакивал таким образом. Как однажды проговорился Громько, когда избирали Горбачева, он согласовал его кандидатуру в Вашингтоне.

Отсюда было наблюдать труднее, но мы, живя там, на Западе, видели буквально своими глазами, как происходила подготовка к антикоммунистическому перевороту августа 1991 года, и затем этот переворот завершился в октябре 1993 года расстрелом Белого дома.

Все это тоже осуществлялось как диверсионная операция. Буквально на пяточке сосредоточили все события и легко реализовали то, что было задумано, а именно разрушили советскую социальную систему.

Группа политических деятелей во главе с Ельциным, если не руководимая Западом, то, во всяком случае, стимулируемая с его стороны, захватывает власть. В августе 1991 года было одновременно два путча. Один путч фиктивный и реальный путч, который был возглавлен Ельциным.

И немедленно, сразу после переворота, стали создавать систему власти. Может быть, многие из вас помнят: первым делом молниеносно сконструировали Конституцию. Уже потом Ельцин, опираясь на нее, говорил, что он "всенародно избранный", хотя это была, конечно, типичная диверсионная "липа".

Быстро сконструировали Конституцию, стали создавать систему власти. Нынешняя система власти, в которой мы сейчас живем, сложилась молниеносно быстро. И эта система власти стала создавать то, что марксисты называли базисом, — экономику. Она стала создавать ее искусственно. В Советском

Союзе, как я вам уже сказал, никакого капиталистического экономического базиса не было. Его стали создавать искусственно. Вы сами прекрасно знаете, как — приватизация. Все то, что создавалось трудом населения в течение всего советского периода, было просто разграблено. В результате сложилась та экономическая система, которую вы знаете: частное предпринимательство и олигархическая система наверху.

Создали то, что марксисты называют базисом, отбросили советскую марксистско-ленинскую идеологию и стали создавать уже не так быстро (торопиться было некуда) постсоветскую идеологическую систему. Сюда входило то, что открыли полный доступ для идеологической интервенции со стороны Запада. Все, что было худшего в западной идеологии, устремилось в Россию. Вы это можете видеть на телевидении, в литературе. Это сейчас стало общеизвестным: проповедь насилия, порнографии и так далее.

Вот так и получилась постсоветская социальная система. Ее создали, она не сложилась естественно-историческим путем. В Советском Союзе не назрело буквально никаких условий для создания такой системы. Ее создали искусственно. И уже она стала создавать новый постсоветский экономический базис, новую постсоветскую идеологическую сферу и все прочие аспекты социальной организации...

Теперь я коротко расскажу о том, какую же социальную систему с такой быстротой сконструировали. Между прочим, в истории, и это касается не только нашей России, социальная система и социальная организация складываются очень быстро. По отношению к историческому времени срок, в течение которого складывается такая социальная система, — это почти мгновение. В 1917 году, в октябре, произошла революция, и уже к концу 20-х годов советская система в основных своих чертах сформировалась.

И тут, в 1991 — 1993 годах, произошел антикоммунистический переворот, и уже к концу прошлого века та социальная система, в которой мы сейчас с вами живем, в основных чертах сформировалась. Я на эту тему написал множество книг и статей. В 1985 году Горбачев пришел к власти, а уже в 1987 году была написана моя книжка "Горбачевизм". Там в основных чертах я уже описал ту социальную систему, которая должна была неизбежно возникнуть в результате такого переворота.

Сейчас я вам назову основные характеристики этой новой социальной системы, по тем параметрам, которые я уже упоминал. То есть я беру комплекс факторов, а не один отдельный фактор. В этот комплекс входят и экономика, и система власти, и идеология, и правовая система, тип культуры, тип образования — вся эта совокупность.

Эта новая система возникла, повторяю, не как результат естественного исторического развития страны, а искусственно, в результате разгрома нашей страны и ее социальной системы в войне. Была "холодная война", которая перешла в "теплую" войну. Это была война нового типа, и страна была просто разгромлена. Она капитулировала, и ее без боя сдали высшие руководители: сначала Горбачев, а затем Ельцин. Я не знаю, как это оформлялось документально. Для меня как для социолога это несущественно.

Но я думаю, что когда договаривались о капитуляции, туда обязательно входили следующие пункты, которые можно установить по последствиям. Наверняка было условие не трогать правящие слои, правящий круг советского периода. Даже когда устраивали путч, его руководители какое-то время посидели, а потом их всех выпустили. Или же расстрел Белого дома — там был Рущкой, который потом стал губернатором и начал грабить страну вместе со всеми. Ни у кого же волос с головы не упал. Пострадал только один человек: говорят, какой-то чиновник из ЦК выбросился из окна, да и то неизвестно, выбросился он или его выбросили.

Но это мелочь, а так все остались. За всеми сохранили дачи, квартиры. Все так или иначе устроились на работу. Это паразитическое явление, и объяснить его какими-либо факторами, какими в свое время по-марксистски объясняли исторический процесс, невозможно.

Посмотрите, как создавался класс частных собственников. Ведь все богатства, которые приобрели известные олигархи... как специалист в этих делах я уверяю вас: можно элементарно доказать — и так утверждаю не только я, сейчас это общепринято в мировой науке, — что такие состояния по законам экономики возникнуть не могли. Они возникли не по законам экономики...

Можно на исторический процесс смотреть по-другому, и все, конечно, смотрят по-другому. Можно его облагораживать или же описывать еще резче. Я думаю, что пройдут какие-то десятки лет, и на Западе все будет опубликовано, вряд ли всю

эту работу удержат в секрете. Где и когда стали обрабатывать таких людей, как Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, — все это будет предано гласности и этим будут гордиться: как разгромили сильнейшую страну с таким мощным социальным строем. Это действительно выдающаяся победа Запада.

Экономическую олигархию создали искусственно. И что стало потом происходить, вы знаете. Стала разрушаться грандиозная хозяйственная экономическая система, и ей на смену пришло то, что мы имеем.

Это все исторический аспект. Теперь чисто структурный аспект.

Со мной случилось так, что я имел возможность изучать все практически в лабораторных условиях. Для ученого советская система и то, что стало происходить потом, что происходит сейчас, — это рай. Все процессы обнажены, нужно только смотреть с открытыми глазами, с определенным поворотом мозгов. Все обнажено, все ясно, очевидно, ничто пока не прячется. Пройдет еще немного времени, и все спрячут, отлакируют, и потребуются еще десятки или даже сотни лет, чтобы делать те открытия, которые я сейчас называю банальными.

Что собой представляет новая постсоветская социальная система со структурной точки зрения? Как она устроена?

Она создана искусственно. Те люди, которые ее создавали, имели определенные мозги, определенный моральный, психологический склад. Они вовсе не были гениями, и найти среди них выдающиеся умы в принципе невозможно. Они создавали эту новую систему, имея перед собой определенные образцы, — какие?

Громил нашу страну Запад. Его орудием является западнизация завоеванных территорий. Что значит западнизация? Навязывание покоренной стране своей социальной системы. Это очень удобно: они не просто нас разгромили, они нас "освободили от террора", от "тирании коммунизма" и помогают теперь нам строить "демократическое общество" — они считают свою демократию самым высшим достижением цивилизации.

Существуют определенные социальные законы. Строители новой системы, конечно, в этом не понимали ничего, и не понимают, и никогда не будут понимать. Но эти законы работают.

Приведу вам только два из них, они объясняют сегодняшнюю структуру.

Если социальная система разрушается, но сохраняются человеческий материал и геополитические условия, а это все, в общем, сохранилось, то новая система оказывается по многим важным признакам близкой к разрушенной. И новая система естественно включила в себя многие черты советской социальной системы. Это вы можете наблюдать вокруг себя постоянно.

Существуют, например, так называемые бюджетники. Огромное количество учреждений и предприятий работают так, как и было в советские годы. У меня был перерыв в двадцать один год, когда я не был здесь. Теперь я вернулся, когда новая система уже сложилась, и увидел, что везде все то же. Если отвлечься от того, что произошла такая буря, там все то же, что в советские годы, даже люди те же самые, только постарели, сморщились, еще больше поглупели. Но в целом примерно все то же самое. От советизма многое сохранилось.

Вся структура чиновничьих организаций, чиновничий аппарат. Более того. В советские годы высшую власть называли "Кремль": это ЦК КПСС, Политбюро, кто-то во главе. И вновь высшей властью, несмотря ни на что, стал Кремль, и он копирует, так или иначе, советскую систему. Он стремится к всевластию, это вы можете постоянно видеть своими глазами.

Разница "небольшая": советский Кремль распорядился всеми ресурсами страны — нынешний Кремль нищий. Он только обкладывает население налогами, собирает средства, чтобы обеспечить собственное существование, укрепить свое положение. Между прочим, нынешний постсоветский управленческий аппарат превосходит советский, даже не РСФСР, а всего Советского Союза. Даже если вы посмотрите на те помещения, которые они занимают, на число чиновников. К сожалению, я не имею доступа к цифрам и могу делать только чисто теоретические предположения.

Он увеличился по крайней мере в два раза. Между прочим, напомню вам, что в ЦК КПСС было всего две тысячи функционеров. Во всей КПСС по всему Советскому Союзу было всего сто пятьдесят тысяч профессиональных функционеров, партийных управленцев. Это мизер. Один только Международный фонд имеет раза в два больше чиновников, чем вся эта система.

По этому закону так или иначе воспроизводятся, регенерируются разрушенные ткани. Этот закон действует и в биологии: если у вас ссадина, то постепенно восстанавливается кожный покров примерно в том же виде, в каком он существовал.

Действует и другой социальный закон. Когда разрушается по тем или иным причинам жизнеспособная социальная система — могли быть природные катастрофы, нападения врагов, — то новая система опускается с необходимостью не просто на уровень, скажем, социальной системы захватчика, то есть для нас — на западный уровень, но на уровень ниже. Посмотрите, в нашей стране стали немедленно реанимироваться элементы социальной организации дореволюционной России.

Реанимация православия. Православие стало расцветать пышным цветом, и сейчас оно навязывается всем почти как государственная идеология. Посмотрите: бывшие партийные работники, которые занимались критикой религии, отъявленные атеисты — все тут же стали учиться, как нужно правильно креститься. Ельцин в первое время, кажется, даже не знал, делать это справа налево или наоборот.

Православие — это феодальная дореволюционная дремучая средневековая идеология. Вместо светской гражданской идеологии... каким бы марксизм ни был — повторяю, я никогда не был марксистом, — тем не менее эта идеология была на несколько порядков выше. И западная идеология. С точки зрения образования людей, просвещения. Все сразу опустилось на очень низкий уровень, на уровень средневековой дремучей философии...

На этот более низкий уровень опустили все население. Вся советская история искажена, ее вычеркивают, а все революционное раздувают.

Это второй фактор социальной организации: в постсоветскую социальную организацию вошли компоненты дореволюционного феодализма. И само собой разумеется, что в нее вошли компоненты западной социальной организации.

В чем это проявляется: частная собственность объявлена священной и неприкосновенной, пропагандируется частное предпринимательство, демократия, многопартийная система. Но тут по принципу "заставь дурака Богу молиться...": сколько у нас тогда партий появилось? Жуть: несколько сотен, если не тысяч.

По телевидению идут эти бесконечные западные передачи — такое только в кошмарном сне может присниться. Выходит в мантии судья, они там имитируют процессы. К нему обращаются: "Ваша честь". Кто эти люди, откуда они вылезли?..

Вот как сложилась постсоветская социальная система: как гибрид остатков советизма, реанимации дореволюционного феодализма и заимствования западнизма.

По законам гибридизации, которые плохо изучены в социальной науке (я впервые стал заниматься этими вопросами), они образуют единое целое — это не просто механическое соединение.

Это проявляется в каждом компоненте социальной организации: и в экономике, где не только образовались частные предприятия, но также сохранились советские предприятия; образовались также и феодалы средневекового периода. Думаю, они вполне очевидны.

В системе власти вы найдете все те же компоненты: и следы советизма — сколько угодно, и следы западнизма — выборы (президенты приходят к власти не по наследству — об этом в последнее время поговаривают, что было бы желательно, — а все-таки как-то выбираются, пусть выборы и липовые).

В итоге сложился такой социальный убудок, какого, по моему, в истории человечества еще никогда не было. И его еще придется долго изучать.

Возникает следующий вопрос. Вот вы говорите "ублюдок" — жизнеспособен он или нет, эффективен он или нет? Надо различать два вопроса.

Может ли он выжить? Может. И может просуществовать сколько угодно. Романовская монархия была таким же социальным убудком. Триста лет просуществовала.

В наше время, если взять просто биологическое измерение, больные люди живут до девяноста и больше лет. Суслов, секретарь по идеологии, дожил до девяноста лет, притом что с детства болел туберкулезом. И у социальных организмов так же.

Подавляющее большинство социальных организаций, социальных схем в современном мире — это социальные убудки. Мы вообще живем в такой интересный период, когда во многих странах происходит гибридизация и возникают такого рода чудовища.

Я назвал однажды постсоветскую систему выражением "рогатый заяц": мы с дочерью ходили в охотничий музей, и там есть разные чудовища, сделанные из охотничьих трофеев; в том числе там был заяц с оленьими рогами и копытами.

Он может существовать настолько долго, насколько ему позволят существовать те, кто управляет современной историей, кто планирует эволюционные процессы. Если сочтут сильные мира сего, что в этом мире есть что-то нехорошее, что это надо убрать, поломать те или иные рожки, это сделают, причем в кратчайшие сроки.

Другое дело, насколько эта социальная система эффективна с точки зрения задач большого исторического значения и интересов страны. С этой точки зрения я могу вам сказать следующее: эта социальная система специально сконструирована с таким расчетом, чтобы не дать России подняться и стать великой исторической державой, не допустить этого. Вот с этой задачей наша социальная система справляется прекрасно и будет справляться. Будущее нашей страны с такой социальной системой нетрудно предсказать.

Мы живем в XXI веке. Чтобы в этом веке страна выжила как социально значимое большое явление, достаточно суверенное, она должна иметь достаточно большое количество людей. Население же России сокращается, особенно русское население, которое составляет ядро страны и способно к эволюционному прогрессу. Это не мои расчеты, эти расчеты делают западные исследователи: к середине века число русского населения может сократиться до 50 миллионов, а то и того меньше. С таким человеческим материалом страна не может сохранить независимость и остаться суверенным государством. Это невозможно по социальным законам. Не случайно поэтому, что страны Западной Европы сегодня стремятся интегрироваться: ни Франция, ни Италия, ни Германия по отдельности не способны сохранить свой суверенитет в современном мире.

Чтобы страна выстояла и стала социально значимым явлением, необходима определенная идеология. С православной идеологией, с религиозной идеологией, с какими-то обломками западных и сектантских идей и такого прочего сохранить и поднять страну невозможно ни в коем случае.

Это важнейший фактор, я обращаю на него ваше внимание. Если сформируются благоприятные условия, можно за один год построить систему власти такого уровня, какая была в Советском Союзе. Экономике можно исправить за пять-шесть, максимум за десять лет. Чтобы исправить интеллектуальное состояние, в котором сейчас находится страна, психологическое и моральное состояние, на это нужно несколько поколений. На это нужны десятки лет.

Надо выработать новую идеологию, нужно ее каким-то образом пропагандировать, нужно менять систему образования, ведь она тоже разрушена.

Я приведу вам очень яркий пример. Чтобы страна в современных условиях могла обеспечивать себя питанием, одеждой, жильем, защищать себя от нападений внешних врагов, поддерживать внутренний порядок, она должна производить как минимум сто тысяч предметов — всяких инструментов, деталей и так далее — высокой технологии. Всего производится таких продуктов материальной культуры миллионы.

Чтобы эти сто тысяч производить самостоятельно, в стране должно быть как минимум десять тысяч типов профессий. А каждая профессия — это тысячи и миллионы людей. Чтобы такие ресурсы создавать, нужна система образования.

Советская система образования эти потребности покрывала полностью. Нынешняя система образования, в ее разрушенном состоянии, уже не способна покрывать даже одну десятую тех потребностей, о которых я вам говорил. Так что вы можете судить о том, в какую ситуацию нас ввергли перестройщики, а затем реформаторы.

Меня обвиняют всегда в чрезмерном пессимизме или же говорят, что критиковать умеет всякий, а вы скажите что-нибудь позитивное. Я, между прочим, не критикую. Я даже слова не сказал о том, что плохо и что хорошо. Я вам говорю только факты и объективные закономерности, а как к ним относиться — это другое дело. И потом, я всегда давал советы в высшей степени практические.

Приведу вам один пример. Когда Горбачев уже развернулся, началась перестройка, я тогда опубликовал книгу "Горбачевизм", затем "Катастрожка" — я ввел этот термин

буквально через год после того, как, по западному выражению, они провели своего человека на русский престол. Мне тогда задавали вопрос: "Вы критикуете, а что позитивное вы можете предложить?"

Уж позитивнее не придумаешь. Предложение было такое: надо этих людей — Горбачева, Ельцина, Шеварднадзе и так далее — повесить в двадцать четыре часа как предателей. Китайцы потом извлекли урок и завоевали себе по крайней мере пятьдесят лет спокойной жизни. И вы будете иметь как минимум двадцать пять на преодоление кризиса и так далее. В какой-то газете, кажется, в "Известиях", была статья — "Философ-вешатель". Я-то еще никого не повесил, а меня уже, как какого-то царского чиновника, назвали вешателем.

Другой пример: 1993 год, октябрь. Речь шла о ликвидации остатка советизма в верховной власти, который сконцентрировали в одном месте. Они отказались переехать в Новосибирск, где с ними невозможно было бы справиться. Опять-таки, позитивный совет. Силы тех, которые громили остатки советизма, были ничтожными. Если бы на улицы вышли хотя бы двадцать тысяч простых обывателей, они могли бы босыми ногами втоптать в грязь Ельцина и всю эту банду. Без всякого оружия. Не сделали этого.

Когда Путин пришел к власти, у него был шанс — когда я писал об этом статью, я назвал ее "Последний шанс". Кстати, Запад с этим примирился бы, на Западе ждали, что он это сделает. Очень простой шанс: пересмотреть результаты приватизации. Что он сделал? Он сказал: "Результаты приватизации пересматриваться не будут".

Полностью национализировать все, что имеет стратегическое государственное значение: землю, ресурсы, электростанции. Этого не было сделано.

Все это чисто практические предложения.

Сейчас тоже передо мной встает вопрос. Время упущено, слишком далеко зашло гниение, нарушение. Что-то позитивное можно делать: теперь мы, Россия, русские люди, которые заинтересованы в сохранении своего народа и в сохранении страны, все это можем сделать только одним путем.

Прежде всего понять, что произошло. Почему произошло, как произошло. Что получилось и что ждет нашу страну. Понять с беспощадной ясностью. Тут нужно начинать с нуля.

Основой нашей социальной организации сегодня — так бывает не всегда — становится фактор понимания, грубо говоря, фактор идеологический.

И это вполне позитивное предложение. Но вот опять: люди не вышли, Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе не повесили. То же и сегодня. Ведь, казалось бы, люди должны быть заинтересованы в том, чтобы понимать реальность.

Я десятки лет работал в этом направлении, думаю, что я достаточно много сделал, но возможности доводить результаты моих исследований до моих соотечественников близки к нулю, они ничтожны. А тут, на этом пути, можно современными средствами быстро создать приличную систему власти, экономику. Но чтобы сделать мозги людей адекватными условиям двадцать первого века, нужно покончить с системой оглупления, которая сейчас стала тотальной. Буквально происходит тотальное помутнение умов. Необходимо разрабатывать фактор понимания, учить людей пониманию реальности. От этого зависит все».

В прослеживании влияния идеологии на массы следует обратить внимание, что в контексте идеологической обработки манипулирование массами занимает практически ключевое положение. Можно даже сказать, что любая идеология строится на манипулировании массовым сознанием. Причем уже от эффективности данного манипулирования зависит управление той или иной страной группой людей, пришедших к власти. И можно отметить некую удивительную деталь. По сути, в любое время к идеологии допускались весьма грамотные специалисты, которые не только могли управлять идеологической машиной, но и каждый из них приносил в дело управления что-то свое (Суслов — при развитии социализме, Розенберг и Геббельс (первый отвечал за идеологию, второй за пропаганду) — в расцвет 3-го рейха, Джордж Кеннан — главный идеолог «холодной войны» со стороны США и проч.). Эти люди значительно отличались от большинства остальных великих людей по своему интеллекту и интуитивному развитию сознания. Когда многое, что еще не было применено в практике (а значит, еще не было получено валидности), уже использовалось ими. Сначала на свой страх и риск. А позже оказывалось, что это начинало приносить более чем эффективные результаты.

По сути, идеология базируется на некоей иллюзорной действительности, которую манипуляторы стараются представить индивидам (массам) самой настоящей реальностью. Причем основано подобное желание манипуляторов на достижении некоего программирования сознания (сначала подсознания) и базируется на различных схемах, знаках, стереотипах, архетипах и проч. Да и действовать идеологическая установка должна всегда, безошибочно и наверняка. Что, впрочем, обычно и происходит. А одураченные люди, не догадываясь, что ими манипулируют, пляшут под сурдинку. Что опять же означает, что та или иная идеологическая установка удалась.

Однако если смотреть несколько масштабнее, мы должны говорить о том, что, по сути, идеология неким таинственным образом должна формировать у масс определенные ориентиры на достижение какой-то своей, быть может, даже отличной от существующей ранее, реальности. А уже для осуществления подобного необходимо, чтобы какая-то значительная (или хотя бы определенная) часть индивидов начала думать примерно одинаково. В таком случае создается некое особое энергетическое поле сфокусированности мысли. Своего рода определенное пространство, база, полигон, плацдарм. От чего в последующем можно будет отталкиваться — как для формирования установки в умах других сограждан, так и для разработки каких-либо новых идеологических установок, направленных в конечном итоге на достижение целей, присущих манипуляторам (идеологам).

Следует обратить особое внимание на важность для любой страны, для ее целостности и величия — идеологии. Причем чем больше имперские амбиции такой страны, тем должна быть качественнее построена идеологическая обработка граждан (масс, индивидов). И необходимо это в первую очередь потому, что индивиды сами по себе нуждаются в опеке со стороны более сильной особи (в роли подобной в данном случае выступает государство). И даже продолжая существовать в некоем разрозненном порядке, даже наиболее самостоятельные и интеллектуально-развитые индивиды все равно, в общем и целом, уступают всеобщему подчинению. В ином случае они оказываются отброшенными на ряд ступенек социальной лестницы и в лучшем случае заканчивают жизнь полумаргинальным способом существования, в худшем — вымирают. И все

потому, что уже в их подсознании изначально заложена архетипическая модель принадлежности к социуму, цивилизации, к следованию законам этой цивилизации (социума). И желание одиночества уже как бы означает то, что такой индивид выпадает из мира, в котором, собственно, и возможно проявление и применение его способностей, знаний и проч.

Причем если идеологическая машина дает сбой, это уже грозит одной из самых величайших катастроф, потому как население такой страны оказывается отброшенным назад, после чего должны затрачиваться поистине феноменальные усилия, чтобы возвратиться к прежним рамкам и границам достигнутого ранее влияния на массы.

А. А. Зиновьев в книге «Русская трагедия» («Гибель утопии»), отмечая, что когда после начавшегося с перестройкой предательства народа нашей стране нанесли непоправимый урон, некогда самая великая идеология мира, идеология Советского Союза, оказалась фактически уничтожена. «...Наиболее жестоко обошлись с советской идеологической сферой, — пишет д. ф. н., проф. Зиновьев¹⁰². — На место обещанного реформаторами освобождения от тирании марксизма-ленинизма в Россию устремились потоки западной идеологии, началась поощряемая властями реанимация православия, стали расцветать всякого рода секты и шарлатанские учения, была отброшена и дезорганизована немарксистская часть советской идеологии, включая философию, социальные учения, этику, эстетику. Наступило состояние, в отношении к которому слово "беспредел" уместно с неменьшими основаниями, чем в отношении к прочим аспектам социальной организации страны.

Утопающим в трясине идеологического беспредела россиянам с высот политической и идеологической "элиты" время от времени бросаются соломинки и даже порою целые охапки соломы, ухватившись за которые россияне вроде бы должны обрести идейную ориентацию в постсоветском идейном пространстве. Это делается по трем основным линиям, по каким вообще формируется постсоветская социальная организация России — по линиям советизма, западнизма и национально-русского фундаментализма.

Хотя советская идеология разрушена и всячески очерняется, от нее осталось достаточно значительное наследие. Оно сохраняется не только потому, что его невозможно истребить в течение короткого времени, но и потому, что оно преднамеренно сохраняется и даже подкармливается из самых различных соображений. Нет надобности обосновывать это утверждение. Читатель сам может видеть это в телевидении, кино, театрах, газетах, на выставках, юбилеях и прочих общественных мероприятиях. Хозяева новой России всячески стремятся создать видимость, будто продолжается некий "нормальный" ход жизни, будто отброшены лишь некие ужасы коммунизма, а все ценное живет как ни в чем не бывало».

Допускают подобный обман, на наш взгляд, власти намеренно. Ведь народом становится значительно легче управлять, если не вызывать в его душе излишнего озлобления. А еще лучше, обманом вторгнувшись в зону его восприятия и анализа действительности, в его психику, навязать тем самым ему уже свою установку, сдобренную самым дорогим, что есть у большинства, — советским прошлым. Тем прошлым, когда каждый житель страны гарантированно знал, что у него есть будущее. Что после окончания профессионального учебного заведения он получит распределение на работу, квартиру, бесплатную медицину и проч. То, что в процессе нынешних времен у народа всяческим образом отнимают, а фактически уже и отняли.

«Одно из самых страшных (если не самое страшное) последствий антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы — идеологическая деградация России, — пишет проф. Зиновьев¹⁰³. — Из самой просвещенной страны с самым высоким уровнем гражданской (нерелигиозной) идеологии Россия в поразительно малый (с исторической точки зрения) срок превратилась в страну идеологического беспредела и религиозного умопомрачения, сопоставимого с таковым в исламских странах. Это беспрецедентное историческое падение России стремятся изобразить как освобождение от гнета коммунистической идеологии, как проявление свободного волеизлияния народа, как духовное прозрение и возрождение народа и т. п. Это не просто заблуждение — это составная часть умышленной тотальной фальсификации

истории и умышленного оболванивания российского населения, которое было заранее спланировано стратегами "холодной войны" уже в самом начале ее как средство именно духовного разложения советского народа...».

По сути, согласимся с Зиновьевым, сейчас идет война Запада с Россией, причем война эта началась, как мы помним, давно, еще в момент образования советского государства. И мало кто обращает внимание на такие качества русских, как недостаточная самоорганизация, низкий уровень национальной солидарности, покорность перед властью и низкопоклонничество перед Западом, фактически сейчас уже можно говорить, вслед за Зиновьевым, что русский народ так и не сумел до конца воспользоваться теми возможностями, которые предоставлял советский строй. А когда наступила перестройка — сам же стал и добывать некогда великую страну. Фактически предал ее вслед за генеральным секретарем Горбачевым. Но сейчас Горбачев осознал свою ошибку и покаялся перед всем народом, что был тогда неправ. Но ведь уже поздно. Уже нет великой державы. Как уже фактически не осталось и тех старых большевиков, на плечах которых, собственно, и держалась Россия.

Причем основное падение нашей страны началось после исчезновения идеологии. Народ фактически бросили посреди пустыни, не объяснив, куда ему следует идти. Предположим, он и раньше не знал куда. Но рядом с ним все время шли, ему показывали, вели за руку, везде висели знаки и таблички с разъяснениями. А потом их вдруг резко убрали. Мотивируя, что тот путь, куда шли раньше, та цель, к которой все время уверенно приближались ошибочна, неверна. В итоге — в душах людей хаос и анархия. И подсознательное стремление прибиться к любому берегу, где им будут рады (отсюда развитие сект, всяких целителей, астрологов и прочих шарлатанов на постсоветском пространстве).

«В России предпринимаются отдельные разрозненные попытки (в большинстве кустарные) выработать идеологию, адекватную современным условиям и требованиям, — пишет проф. Зиновьев¹⁰⁴. — Идеологию светскую (нерелигиозную) и ненационалистическую, опирающуюся на научные исследования современной реальности. Но они имеют ничтожно мало

шансов пробиться к известности и признанию, если даже они достигнут высочайшего интеллектуального уровня. Почему? Дело в том, что огромное число людей, оккупирующих идеосферу и живущих за ее счет, сделают все от них зависящее, чтобы помешать этому. Нужны усилия многих людей и длительное время, чтобы преодолеть это препятствие. А чтобы это учение приобрело статус массовой признанной идеологии, нужны силы, способные придать ему социальный авторитет (например — высшая власть). Но и этого мало. Идеи сами собой в головы людей не заползают, какими бы они хорошими ни были. Для этого нужно множество людей, которые должны профессионально заниматься этим делом. Они должны быть организованы в целое — должен сложиться идеологический механизм. Такой механизм имеет церковь. Такой механизм существовал в советские годы в распоряжении "Кремля". Если даже и это препятствие будет преодолено, предстоит длительная борьба за "души" россиян. При этом придется иметь дело с силами, противодействующими распространению этого учения и принятию его массами, в их числе — с невосприимчивостью самих масс, с религиозными организациями, заинтересованными в сохранении масс в состоянии мракобесия, со СМИ, с огромной силой навязывающими россиянам западную идеологию.

В современной России никаких условий и мало-мальски серьезных сил для преодоления этих препятствий просто нет. Высшая власть поддерживает православную церковь почти как государственную, а прочие политические силы (включая коммунистов) заигрывают с нею. Шансы на создание признанного нерелигиозного учения, превосходящего все прочие идеологические учения, и на создание конкурентоспособного механизма его распространения и вбивания в головы масс россиян близки к нулю.

Что же остается? Существующий идеологический беспредел, который со временем может быть истолкован как западный плюрализм на российской почве. Усиление православия. Тоска по всесильной "национальной идее". Конъюнктурные лозунги вроде призыва сплотиться перед лицом мирового терроризма. Пустословие партийных программ, обещающих бороться за все хорошее против всего плохого. Эпоха, когда умами и чувствами россиян владели идеи

глобального и эпохального масштаба, безвозвратно ушла в прошлое. Эпоха осужденная и оплеванная неблагодарными потомками, но не понятая в ее трагическом величии».

По сути, идеологическая обработка населения базируется на подмене ложными, искаженными образами настоящей действительности. При этом должна быть весьма развита элементарная, даже можно сказать, патологическая, ложь. Когда ученые или другие авторитетные люди намеренно искажают факты. Причем, как говорил Геббельс, чем явнее ложь — тем легче в нее поверить. Ну и при этом, разумеется, говорить (даже не говорить — а убеждать) надо с огромнейшей уверенностью, так, чтобы у слушателей не осталось и тени сомнений, что где-то скрыт обман. И любой обман выдавать за самую настоящую правду.

Причем чем искреннее это будут преподносить манипуляторы, тем действительно легче поверить. И верят. Большинство жителей нашей страны верят любой информации из официальных источников. И это притом, что на самом деле давно уже можно провести некую параллель между официальной информацией и действительной правдой. И большинство того, что преподносится нам официально, с расчетом, — информация для всех, — это неправда, ложь, замаскированная определенным процентом настоящей правды. (Потому как если вы решили кого-то обмануть, то должны знать, что в преподносимой вами информации обязательно должен содержаться определенный процент правды. Обязательно. Пусть он будет и не очень значителен. Это один из законов, принятых в манипулировании.)

Благодаря идеологической обработке населения власти не только получают, но и удерживают лидерство в стране. Причем тут еще важно сохранение одного правила. Идеолог всегда должен находиться в тени. Связано это с той архетипической установкой, благодаря которой мы знаем, что в нашем бессознательном находится та информация, которая пришла к нам из глубины веков, от наших предков. И при определенных условиях мы можем извлекать из подсознания эту информацию, управлять ею. Употреблять на благо или для решения каких-то своих целей и задач.

Иными словами, так устроена наша психика, что вне зависимости от эпох и цивилизации душа индивида сохраняет все атрибуты психики дикаря. Дикаря, верящего в некие сверхъ-

естественные силы и поклоняющегося им. Вспомним одну из теорий происхождения религии. Были люди. Вокруг этих людей была природа. Люди были сами по себе невежественные. Они только познавали мир, поклоняясь стихиям. Придумывали себе различные божества, отождествлявшие силу и неизведанность природных явлений. Постепенно они стали поклоняться этим божествам. Появился Бог солнца (Ра — в египетской мифологии) и проч. И так получилось, что, несмотря на то, что прошли столетия и даже тысячелетия, психика индивидов все так же осталась подвержена поклонению чему-то таинственному, тому, чему они не могут найти объяснения. Поэтому и идеологическая обработка должна происходить ненавязчиво и незаметно для людей. А сами идеологи — оставаться в тени. И тогда даже самые рьяные и настойчивые апологеты научного подхода нет-нет и поверят в некую тайну, информацию, проецирующуюся на них. Хотя бы уже потому, что этой информации наверняка (и в первую очередь) поверит основная масса индивидов. И тогда уже они поведут других за собой. Ведь известно, что индивидам свойственно объединяться в группу (массу, стаю). В толпе легче оставаться безнаказанным за свои проступки. Легче реализовывать свои скрытые желания. Так же как толпой и легче управлять. *Quod erat demonstrandum* (Что и требовалось доказать).

17. Современная Россия. Фактор приверженности страны к использованию манипулятивных методик

Всем своим существованием Россия как бы демонстрирует свою отличность от соседей на Западе и на Востоке, явно показывая свой собственный путь.

Никто никогда не знал, в чем этот путь должен заключаться. Хотя и имелось твердое убеждение, что он явно должен быть отличным от других, соседних государств, государств Европы и (или) Азии.

В свое время велись серьезные споры между западниками и славянофилами (споры, не утихающие до сих пор). И все же можно сказать об одном факте, который не станут отрицать ни те ни другие. Чувство жертвенности, присущее нашему народу. Вспом-

ните, как описывал Достоевский в романе «Записки из мертвого дома» доброе отношение к преступникам мирных жителей, которые всегда стремились передать заключенным что-то из еды, когда мимо какой-то станицы или уездного города проходил очередной этап заключенных (тогда еще не ввели «стольпинские вагоны», и заключенных этапировали, например, с Юга или Центральной России на Север пешком). А ведь заметим, Федор Михайлович вполне знал, о чем писал. Он сам тогда только вернулся из заключения, отбыв в общей сложности почти десять лет (год тюрьмы, четыре года в лагере и еще пять — в ссылке, на поселении, — если говорить современным языком, а тогда, после получения смертного приговора и в последний момент замены смерти тюрьмой. Достоевский почти год провел в одиночной камере, потом 4 года на каторге и еще почти пять лет — в солдатах).

Конечно же, можно было бы и сказать, что нет такой уж особой предрасположенности нашей страны к воздействию манипулятивных методик. По крайней мере она не больше, чем в тех же странах Запада. И все же опыт показывает, что у России некий свой, отличный от Запада, путь развития. И менталитет русского человека заметно отличается от менталитета западного человека. Причем почти не играет роли, о представителях какой западной страны мы говорим. Весь Запад для нас уже как бы объединяется в одно целое в противостоянии русскому человеку. А путь России — это путь великой державы, империи, причем традиции державности достаточно прочно заключены в наше бесознательное. И уже, так или иначе, довлеют над каждым из нас, способствуя своему особому взгляду на большинство проблем современности.

Можно, конечно, предположить, что Россия неким чудодейственным образом способна и на самоисцеление. Но если это правильно в общем и целом, то зачастую весьма расходится в деталях. И требует непосредственной работы над подобным стремлением со стороны различных слоев населения. Причем задействоваться в программе оздоровления нации должен действительно весь народ. Пусть если мы и рассматриваем вслед за Ле Боном, Фрейдом, Московичи, Ясперсом, Бодрийяром и проч. народ как массу отдельных индивидов, соединенных в группу, становится очевидным, что над этой самой массой должны найтись отдельные лидеры, способные как толпу за собой увлечь, так и идеологически подготовить такое движение. Причем несомнен-

но, что толпа способна и даже по-своему желает подчиняться. И в зависимости от правильного характера воздействия на нее можно добиваться того или иного результата. Причем здесь уже необходимо в полной мере использовать все те принципы манипулирования массами, которые были выведены в последние столетия (причем следует отметить, что основные законы подчинения масс были разработаны еще во времена Платона, Аристотеля и проч.)

Вернувшись к характеру некоей особой предрасположенности современных жителей нашей страны к проведению над ними манипулятивных воздействий, обязательно следует говорить о том, что фактически всем существованием советской власти мы обязаны тем особым пластам бессознательного, которым наделена психика бывшего жителя великой империи под названием Советский Союз.

Другими словами, этот некий особый тип индивида, в психике которого уже есть определенные механизмы, при воздействии на которые становится возможным управление им, и направленность (переориентирование) на выполнение целей и задач, необходимых «партии и правительству» (за тем исключением, что сейчас вместо этих двух великих начал выступают некие иные силы).

Россия, русский народ действительно по-особому запрограммированы. И потому все то, что происходит в стране сейчас, вызывает у большей части населения стойкую внутреннюю (бессознательную) неприязнь. Хотя и согласно правилам воздействия на массу через определенное время, когда проходит смена поколений, быть может, нескольких поколений, становится вполне возможным добиваться совсем иного результата, чем это было спрогнозировано раньше. Иными словами, вы ввели в компьютер одни данные, а на выходе он показывает другой, незапланированный результат.

Но в том-то и дело, что такой результат уже так или иначе прогнозируем. А для избежания чего-то подобного необходимо осмыслить саму идею, почему подобное становится возможным.

Можно, конечно, предположить, что современная российская действительность уже выхолостила в бессознательном советское прошлое. Но считать так сейчас (в наше время) было бы по меньшей мере ошибочным. И тогда уже, по всей видимости, мы действительно должны повториться, предположим,

что для осуществления чего-либо подобного должно действительно пройти поколение. Даже несколько поколений. Хотя и тогда еще вполне возможно, что результат не будет достигнут. Да и о каком можно говорить результате? В том плане, что так ли он необходим? Ведь если рассматривать строй, наиболее предпочтительный для процветания народа (масс), то по всем параметрам (по крайней мере в нашей стране; кстати, у нас отменили крепостное право в один год с открытием в Англии метро) в России наиболее предпочтителен будет отнюдь не тот либерально-демократический режим, который пробуют нам навязать прозападные политики. И это должна быть никакая не демократия. Лишь только монархия или тоталитаризм способны заставить соблюдать законы, наказывая за невыполнения их суровыми приговорами.

И тогда уже стоит отметить, что, по нашему мнению, для нашей страны наиболее предпочтителен будет именно тоталитарный режим. Когда происходит четкое следование букве закона. Когда сам закон может сдвигаться, для того чтобы наказать зачинщиков и бунтарей (вспомним, как это сделал Сталин, наказав Троцкого и иже с ним и тем самым сохранив единую целостность государства, — только подумать, куда мог привести страну изначально настроенный на деструкцию Лев Бронштейн (Троцкий). Вспомним времена Второй мировой войны. На наш взгляд, только один лидер на то время смог бы как одержать победу, так и восстановить разрушенное войной хозяйство Сталин. Причем можно, конечно, говорить, что хотелось бы избежать жертв т. н. массовых репрессий. Но ведь и сами репрессии на тот момент были оправданны. Народ, русский народ должен жить в страхе и знать, что в случае чего незамедлительно последует самая жестокая расплата за подчинение принципу удовольствия, принципу, усмирение которого отличает цивилизованного человека от варвара. Принципу, которым проникнуто бессознательное психики индивида. И если этот индивид почувствует свободу, то значит, основная масса будет интерпретировать эту самую свободу в удовлетворении своих низменных инстинктов. Жить, придерживаясь того, что хорошо исключительно для него, а не для общества. И современная Россия, постперестроечная Россия, Россия начала 90-х и начала нового тысячелетия, явно продемонстрировала тот хаос, кото-

рый становится возможным, только когда разрушены любые запреты и становится возможным многое, а за большие деньги и все.

К сожалению, для нашей страны путь свободы — это путь порока. Когда рушатся многовековые устои общества. Когда страну сотрясают межэтнические конфликты. Когда народ погряз в пьянстве, наркомании, распутстве. И остановить это может только жесткая диктатура подавления большинства из так называемых свобод. Индивид должен знать, что ему многое разрешено, но за то, что противоречит нормам поведения, духовный произвол последует самое жестокое и даже жесточайшее наказание: смерть или длительная изоляция от общества. И иного не дано.

18. Современная ситуация. Следствие и анализ действительности

Ситуация, в стране, вырисовывается следующим образом.

В результате как политики, проводившейся в стране, так и складывающейся исторически ситуации в настоящее время Россия переживает некий этап, который со всем правом можно назвать переломным и историческим. Исторический — потому как в ближайшее время должны наступить некие особые преобразования, к которым так или иначе все время подводили страну тайные лидеры государства. Переломный — потому что после наступления подобных преобразований все на самом деле способно пойти по иному этапу развития. Причем одобрение или неодобрение большинства фактически не играет роли на первоначальном этапе, так как в результате задействования манипулятивных методик это самое большинство самым независимым от его первоначального желания образов настраивается на соответствующую волну (программируется или перепрограммируется), в результате чего мы получаем необходимое одобрение (или протест — в зависимости от общих целей и задач манипуляторов).

Сейчас ситуация обстоит таким образом, что большая часть общества фактически представляет собой не только материал для манипуляций, но и уже на самом деле настолько

индуцировано, что при определенных сигналах («вводная» — установленная кодировка) подавляющая часть общества практически свободно идет на выполнение (тайного или явного) приказа со стороны соответствующих людей, задействованных в управлении массами (это у них на службе стоят политики, идеологи, чиновники и управленцы всех уровней и званий).

Несмотря на фактически осуществляемый контроль в стране и ранее (с момента образования советского государства, в процессе укрепления Империи, даже после распада страны, в настоящее, условно-демократическое время), ситуация, по всей видимости, иной раз грозила а то и выходила из-под контроля. Однако общий (глобальный, масштабный) контроль осуществлялся всегда. Так же как всегда происходило и общее планирование, и контроль за следованием намеченным курсом. Притом что иной раз положение или выходило, или грозило выйти из-под контроля. Хотя даже если и случался какой-то сбой, в последующем все возвращалось на круги своя. Ну а само общество уже настраивалось соответствующим образом. В этом никогда не было какой-либо проблемы. Тем более что методы и способы манипуляции массами в настоящее время уже практически отлажены до филигранности для достижения максимального результата.

Что происходило и что происходит? Вероятно, общая ситуация обстоит следующим образом.

Начнем с самого начала.

В результате особых, своеобразных исторических предпосылок Российская империя в начале XX века переживала кризис власти и управления. В результате чего сначала (между двумя революциями, Февральской и Октябрьской) фактическую власть в стране осуществляли два вектора власти: буржуазное Временное правительство и Советы народных депутатов, а позже власть полностью перешла к Советам. Причем известно, что как таковой борьбы за захват власти не было. В Петрограде все обошлось практически только одним выстрелом «Авроры» (в Москве, правда, были бои). Но уже вполне примечателен сам факт: всего через семь месяцев (с момента Февральской революции) буржуазия фактически передала

ла свою власть Советам. Причины? Вероятно, общий кризис власти, связанный с модернизацией страны (еще в начале XIX века Россия начала перестраивать промышленность, взяв за основу западный капитализм), 1-й Мировой войной, голодом в крупных городах (и прежде всего в Петрограде), настроениями в массах и т. п., то есть всеми теми общими историческими предпосылками, которые и использовал Ульянов (Ленин) (когда «верхи уже не могут... а низы не хотят...»).

Вскоре расправы с кадетами, меньшевиками и проч., власть в стране перешла к большевикам. После смерти Ленина (в результате длительной болезни после покушения) Сталин вывел страну на небывалые виражи развития, сделав из отсталой крестьянской страны великую ядерную державу, с которой вынуждены были считаться главы всех развитых мировых государств. Через какое-то время после смерти Иосифа Виссарионовича Сталина возглавившего страну троцкист Хрущев, после отставки онго сменил Леонид Ильич Брежнев. После смерти генсека Брежнева некогда великая страна вскоре прекратила существовать (ни Андропов, ни Черненко уже не могли остановить падение), а стабильная для большинства жизнь сменилась хаосом современной демократической эпохи времен, наступивших после развала страны Горбачевым (последним генеральным секретарем ЦК КПСС и первым и единственным президентом СССР), фактического предательства Ельцина (инициировавшего и подписавшего Беловежские соглашения), в результате которого страна сейчас живет только на продаже полезных ископаемых (нефти, газа, леса, цветных металлов, проч.)

С приходом к власти Путина началось укрепление государственности. Причем позитивное начало нынешнего президента (у которого, впрочем, уже подходит к концу второй срок) столь велико, что приверженность к его политике стали демонстрировать даже те, кто поначалу встретил его приход негативно.

Сейчас все поменялось.

Но самое интересное то, что, на наш взгляд, обвинения в якобы начинавшемся тоталитаризме со стороны действующего президента если и обоснованы, то лишь на столь не-

значительную долю, что об этом, по большому счету, и говорить бы не следовало.

Тогда как, по нашему мнению, для наведения порядка в стране, для роста промышленности (который гигантскими темпами происходил при Сталине, продолжался при Хрущеве и Брежнев, остановился при Горбачеве и начал обратное движение при Ельцине — с демонтажом некогда огромных предприятий и сдачей площадей коммерческим структурам под торговлю), для сохранения жизни сограждан некогда великой державы, равно как для возвращения России подобного статуса необходим жесткий тоталитарный режим как единственно верный для страны, большая часть населения которой исторически предрасположена к управлению и подчинению. А при начавшемся было принципе «берите свобод столько, сколько хотите» в подсознании народа слишком активно включается принцип удовольствия, в результате чего наступает следование низменным инстинктам и желаниям. Причем зачастую происходит подобное как от общей внутренней неграмотности индивида, так и от преступной переориентации его со стороны задействованных манипулятивных методик с участием телевидения (как основного манипулятора, заражающего сознание индивида посредством установок, оказываемых на его подсознание).

Влияние на подсознание поистине уникально и страшно (по характеру и эффекту воздействия). Дело обстоит таким образом, что все наши поступки, мысли и желания имеют первоначальную основу в подсознании (там — первопричина). И последующий их переход в сознание является уже ничем иным, как следствием изначальной запрограммированности.

То есть, другими словами, основа первооснов — бессознательное (подсознание) индивида. Сознание — то, что уже «легально» воспринимается им. Но вот в отношении одного к другому превалирует именно подсознание. Так же как и для претворения в жизнь каких-либо идей (с помощью манипулятивных методик) необходимо сначала оказывать воздействие на подсознание, а уже далее оно само решит, что именно вынести в сознание.

Направление удара может быть различным по силе и энергоемким затратам. Бывает так, что будет достаточно задействовать только какой-то пласт коллективного бессознательного (того,

что Фрейд называл филогенетическими схемами), и индивид уже становится достаточно управляем и готов для выполнения целей и задач, поставленных манипуляторами. А случается, что необходимо, как говорится, бить по площадям. Когда поначалу бывает достаточно трудно выявить то, за что можно зацепиться в подсознании индивида, для того чтобы претворить в жизнь ту или иную теорию, самим своим существованием служащую подтверждением управления (манипулирования).

Но бесспорно можно сказать одно: любой человек подвержен программированию и перепрограммированию. Надо только правильно найти именно то, воздействие на что будет оказывать изменение в сознании такого индивида, а значит, психика его на какое-то время снимет свой контроль (цензуру), и такой индивид будет готов для выполнения команд манипулятора. Чем опытнее (и профессиональнее) манипулятор — тем легче ему взять под свой контроль того или иного индивида или людские массы.

Причем, по большому счету, и индивид и массы действительно управляемы. Для каждого, быть может, будут использоваться свои методики управления (подчинения). А по трудности воздействия — примерно одинаково. Одинаково просто. Только в случае с отдельным индивидом необходимо будет подобрать «ключик» к нему одному (к его психике — привычкам, желаниям, возможностям, проч.), а в случае с массой вполне будут включаться законы массообразования и управления массами (методы, выведенные Ле Боном, Фрейдом, Бехтеревым, Московичи, Канетти и др. и использованные Муссолини, Гитлером, Сталиным и проч., включая деятелей оранжевых революций, как и вообще революций и управления страной, включая в список пропагандистов и идеологов всех мастей).

Следует отметить, что манипулирование массами в современной России уже приняло практически неограниченный размах, результатом чего являются массы одураченных и полудураченных граждан России, зачастую вынужденных строить свою жизнь по заготовленным другими лекалам. Ведь один из признаков успешного манипулирования — возникновение какого-либо желания у конкретного индивида и его твердое убеждение, что инициатива в возникновении подобного желания принадлежит именно ему (и никому иному, иначе план

манипулирования) может быть сорван, а воздействие не будет столь успешным). Так вот сейчас вполне можно заметить, что такие желания возникают у индивидов самолично. Причем в современное время манипулятивные методики активно используют в бизнесе, когда формируют псевдовкус жителей некогда великой страны, вынуждая их совершать покупки товаров, им, в общем-то, и не нужных. Например, покупка нового мобильного телефона зачастую совершается именно по причине того, что старый якобы уже вышел из моды — то есть ходить с таким непрестижно и грозит быть оторванным от якобы более успешных друзей и подруг. И не понимают так считающие, что на их подсознание как раз уже оказали свое грязное воздействие манипуляторы, зачастую формирующие вкус большинства. И покупка телефона произошла лишь от того, что бизнесменам необходимо получать сверхприбыли. А если старая вещь будет служить долго и преданно, — это совсем не входит в их планы. Ну а для народа, разумеется, все преподносится с позиции того, что мир совершенствуется и ваша внешняя атрибутика — признак вашей успешности. Причем можно заметить, что в некоторых случаях это действительно так, потому что основная часть общества живет не своими мозгами, а мнением, закладываемым в их подсознание манипуляторами. И это по-своему и печально, и ужасно.

При этом было бы преждевременно говорить о том, что на данном этапе развития нашей страны (так же как, впрочем, и раньше) существовали определенные люди, которые планомерно придерживались какого-то плана. Конечно же, нет. В своей основе справедливее было бы говорить о существовании общей категории людей, работающих в системе и на систему и использующих для реализации каких-то своих амбиций методы и законы, причем в рождении некоторых из них они принимают непосредственное участие.

В какой-то мере это даже может показаться интересным, а быть может, и спорным. По сути, было бы намного проще иметь каких-то реальных лиц, на которых в случае чего можно было бы списать тот или иной результат, происходящий в стране. Но это, конечно же, невозможно. Говоря о манипуляциях, мы должны иметь в виду, что задействуется весь аппарат власти. Ни одному даже самому великому индивиду совсем

будет не под силу «перекроить мир». Система в какой-то мере только система, и люди, выстраивающие эту систему, способны добиться (исключительно в комплексном порядке) поставленных перед ними (в том числе и ими самими) целей и задач.

Управление массами становится возможным, когда манипулятор начинает опираться на стереотипы. Можно даже сказать, что сначала он эти стереотипы в сознании масс формирует. А после, воздействуя на них, уже приводит к реализации свои мысли, которые, можно предположить, уже прочно вошли в бессознательное индивида. И воздействуя уже отсюда приводят к возникновению у индивида своеобразных мыслей, желаний, а впоследствии и поступков, причем инициатива большинства из, как уже можно понять, принадлежит совсем не тому или иному индивиду, реализующему программу манипулятора, а манипулятору.

Итак, мы условились, что под манипуляторами не будем понимать какую-то отдельную личность (никакая, даже самая харизматическая личность не способна единолично воздействовать на массу. Группа манипуляторов может создать из такой личности некий образ. И уже его использовать в качестве эффективных мер манипулятивного воздействия). Далее, мы говорим о том, что в качестве способов, на которые опираются манипуляторы, выступают образы. Индивид мыслит теми или иными образами, которые заложены в подсознание и опираясь (воздействуя) на которые становится возможным пронести те или иные идеи, необходимые манипуляторам. Образы тесно связаны с воображением. Чем больше отдельная личность наделена воображением, тем ею легче управлять (косвенно это свидетельствует о большей подверженности манипуляциям людей гуманитарного склада ума).

«...Воображение — способность творческая, — отмечает Кара-Мурза¹⁰⁵, — оно гораздо меньше, чем мышление, подвержено дисциплине (логике, традиции). Значит, более уязвимо для воздействия извне. Очень большая часть людей подвержена грезам, их воображение скатывается к «и праздношатающейся фантазии» (Белинский), уводящей их все дальше и дальше от реальности. У других воображение, наоборот, сковано,

105 Кара-Мурза. Манипуляция сознанием. М. Эксмо. 2007. С. 182.

они затрудняются в выработке собственных образов, ищут их в готовом виде — не могут самостоятельно освоить реальность мысленно. И те и другие наименее защищены от манипуляции их сознанием (хотя для обеих категорий она строится по-разному).

Преобразуя в нашем сознании полученные когда-то и где-то от действительности впечатления, воображение создает образы и мыслительные, и чувственные. Следовательно, через воображение манипулятор может воздействовать и на мышление, и на чувства. Максимальной подвижностью и уязвимостью перед манипуляцией обладает сочетание двух "гибких" миров — воображения и чувств. Говорят, что эмоции — основные деятели в психическом мире, а образы — строительный материал для эмоций...»

Также следует обратить внимание на то, что воображение тесно связано с имитацией, игрой нашей психики, когда мы зачастую заменяем истинное восприятие действительности некими ложными иллюзиями, своеобразной маской. Воображая себя таким, каким он хочет быть (и зачастую совсем не таким, каким он является), индивид способен к достижению определенных целей и задач, к разрешению которых ранее он мог бы никогда и не подойти (а лишь, предположим, подсознательно к ним стремился). Причем в иных случаях можно говорить и о том, что от правильно выбранной маски (а в той или иной степени маска свойственна каждому индивиду) зависит и судьба индивида, позиционирование его в обществе, общее повышение статуса в социуме (надев определенную маску, такой индивид способен к лучшей коммуникации, например, посредством воображения себя в совсем иной роли и социальном статусе, нежели ему приходилось быть раньше).

Вернувшись к вопросу воздействия на психику индивида (масс) манипуляторами, следует обратить внимание, что в той или иной мере манипулятор стремится воздействовать на изменение определенной шкалы ценностей, имеющейся у каждого индивида. Причем на самом деле вроде бы становится совсем неважным, что думает индивид на самом деле и что считает он в своей душе. Вычислив его определенную модель поведения (то, каким индивид хочет быть, быть может, даже в ущерб тому, какой он на самом деле есть) и воздействуя уже

на образы, складывающиеся в его подсознании, воображаемые образы, с тем или иным успехом становится возможным действительно программировать и перепрограммировать сознание такого индивида. Заставлять его выполнять требования, негласно индуцированные ему от манипуляторов.

«При сбалансированном взаимодействии мышления, воображения и чувства человек воспринимает реальность в образах, которые выстраиваются в соответствии с укорененной в сознании шкалой ценностей, — отмечает Кара-Мурза¹⁰⁶. — Этим и определяется поведение человека. Если же манипулятор ставит перед собой задачу изменить поведение человека, заменить его "программу", надо на время исказить шкалу ценностей — заставить людей "захотеть того, чего они не хотят". Такая задача стоит, например, и перед коммерческой, и перед политической рекламой. Воображение — один из объектов, которые "обрабатываются" в ходе манипуляции ради решения этой задачи.

Все мы не раз наблюдали, как человек, "вообразив себе невесть что", ведет себя, на наш взгляд, не адекватно реальности, часто вопреки своим очевидным интересам (гораздо реже мы замечаем такие странности в нашем собственном поведении, но и это бывает). При этом и речи нет о расщеплении сознания (шизофрении), каком-либо другом психозе или воздействии психотропных препаратов, делающих воображение слишком уж ярким. Нет, речь идет о нормальном состоянии человека.

Подбираться к пониманию этого состояния стали во второй половине нашего века, когда пришли к выводу, что одной из фундаментальных сторон человеческого бытия является игра. Человек играющий — такая же важная и необходимая ипостась человека, как трудящийся, борец, любящий сын и отец. В игре человек с помощью фантазии, воображения постигает возможности будущих событий. Сложность этого состояния в том, что человек находится одновременно в двух мирах — в обычной действительности и в сфере воображаемого. И бесполезно пытаться "поправить" его поведение, указав на его несоответствие реальности... Особенно богат и насыщен порожденный творческим воображением мир, когда игра носит коллективный характер. Умело давая пищу воображению, дирижируя игрой, политики-манипуляторы могут вовлечь в нее целые

■ С. А. Зелинский

народы. При этом игра может стать страшной, разрушительной и даже самоубийственной — и тем не менее народ может быть ею увлечен до такой степени, что бесполезно взывать к его рассудку. При этом чуть ли не каждый согласится с разумными оценками реальной действительности. Иными словами, дело не в обмане и не в недостатке информации».

Несомненно и то, что индивид, попав под воздействие современных манипуляторов, уже как бы и внутренне согласен, чтобы над ним проводились подобные опыты. Причем справедливее все же говорить о том, что к этому его сподвигли принципы современной глобализации. Когда всем развитием прогресса в подсознании современного индивида (в том числе и жителя России) уже как бы снизилась так называемая цензура психики, граница между сознанием и бессознательным.

Другими словами, мы как бы уже стали более подвержены влиянию извне, воздействию прогресса, цивилизации, а значит, и манипулятивных методик, направленных на подавление защитного барьера психики, а значит, и вредоносному воздействию идей и методов, направленных на управление индивидами и массами.

19. Список использованных источников

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
2. Амелин В. Н. Социология политики. М., 1992.
3. Бехтерев В. М. Психика и жизнь. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1999. С. 256.
4. Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни // Бехтерев В. М. Гипноз. Внушение. Телепатия. М., 1994.
5. Блуммер Г. Коллективное поведение // Психология масс. Самара, 1998.
6. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990.
7. Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990.
8. Блюм Г. Структура характера у взрослых // Блюм Г. Психоаналитические теории личности. М., 1996. С. 203 – 230.
9. Вундт В. Задачи и методы психологии народов // Социальная психология: Хрестоматия. М., 1999.
10. Вачнадзе Г. Агрессия против разума: информационный империализм. М., 1988.
11. Власов А. И. Политические манипуляции: (История и практика средств массовой информации США). М., 1982.
12. Волошинов П. Н. Фрейдизм. М., 2004.
13. Ворошилов В. В. Журналистика и бизнес: Реклама и «паблик-релейшнз» в структуре массовой информации. СПб. 1993.
14. Ворошилов В. В. Журналистика и рынок: проблемы маркетинга и менеджмента средств массовой информации. СПб. 1997.
15. Войтасик Л. Психология политической пропаганды М., 1981.
16. Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980.
17. Гринсон Ральф Р. Техника и практика психоанализа. М., 2003.
18. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. Некоторые общие соображения и данные // Психология индивидуальных различий.
20. Гиппенрейтер Б, Романова В. Я. М., 1982. С. 262 – 269.
21. Гартманн Х., Крис Э., Левенштейн Р. М. Заметки по теории агрессивности // Антология современного психоанализа. М., Т. 1. 2000. С. 107 – 219.

■ С. А. Зелинский

22. Емельянов Ю. В. Сталин: Путь к власти. М. 2006.
23. Емельянов Ю. В. Сталин: На вершине власти. М. 2007.
24. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М., 2006.
25. Зиновьев А. А. Собрание сочинений в 10 Т. М. 2000.
26. Зеленский В. В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. М., 2004.
27. Исследование телевизионной аудитории: теория и практика. М., 1997.
28. Йерон М. Эго // Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Вольфганга Мертенса. СПб., 2001. С. 126 – 134.
29. Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.
30. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. 2007.
31. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация: От начала до Великой победы. М., 2005.
32. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация: От Великой победы до наших дней. М. 2005.
33. Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум., М., 2007.
34. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука., М., 2002.
35. Корконосенко С. Г. Теория и практика средств массовой коммуникации. СПб., 1999.
36. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1990.
37. Кутгер П. Современный психоанализ. СПб., 1997.
38. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1989.
39. Канетти Э. Масса и власть М., 1997.
40. Келер Л. Психология самости // Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Вольфганга Мертенса. СПб., 2001. С. 93 – 98.
41. ЛеБон Г. Психология народов и масс. СПб., 1996.
42. ЛеБон Г. Психология народов и масс. СПб.: Маркет, 1995.
43. Литвин Г. А. Я был воздушным стрелком. Ставрополь: Таврия, 1990.
44. Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 1962.
45. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. СПб., 2001.
46. Лейбин В. М. Классический психоанализ: история, теория, практика. М.; Воронеж, 2001.
47. Московичи С. Век толп. М., 1998.
48. Московичи. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.

49. Московичи. Машина, творящая богов. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998.
50. Массовое сознание и массовые действия. М., 1994.
51. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1995.
52. Маркс К., Энгельс Ф.. Капитал, полное собрание сочинений. Т. 23. М. 1960.
53. Мертенс В. Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Вольфганга Мертенса. СПб., 2001.
54. Медведев В. А. Сны о России: Психоанализ российской действительности и русской судьбы. Т. 1., СПб., 2004.
55. Медведев В. А. Сны о России: Психоанализ российской действительности и русской судьбы. Т. 2., СПб., 2004.
56. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 1998.
57. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1992.
58. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Дегуманизация искусства. М., 1991.
59. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением. М., 1998.
60. Попшер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
61. Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы: Теория и методика психотехнологического анализа рекламы. М., 2000.
62. Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990
63. Современные социально-политические процессы и динамика массового сознания. М., 1992. С. 139.
64. Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б) // Сталин И. В. Т. 12. Сочинения. М., 1949.
65. Толивер Р. Ф., Констебль Т. Дж. Эрех Хартманн — белокурый рыцарь рейха. Екатеринбург: Зеркало, 1998.
66. Тард Г. Личность и толпа: очерки по социальной психологии. СПб., 1903.
67. Техника и технология сбора и обработки информации. М., 2002.
68. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 1: Теория. М. 1996.
69. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
70. Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
71. Шарков Ф. И., Родионов А. А. Социология массовой коммуникации.

■ **С. А. Зелинский**

72. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993.

73. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

74. Цуладзе. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М., 1999.

75. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 1999.

76. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации. СПб., 2003.

77. Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 2006.

78. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.

79. Фрейд З. Введение в психоанализ., СПб., 2003.

80. Фрейд З. Психоаналитические этюды. М., 2003.

81. Фрейд З. Методика и техника психоанализа // Психоаналитические этюды. Мн., 2003.

82. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Психоаналитические этюды. Мн. 2003

83. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоаналитические этюды. М. 2003.

84. Фрейд З. Страх // Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. Мн.: Попурри, 1998. С. 241 – 321.

85. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. СПб. 2003.

86. Фрейд З. Тотем и табу // Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. С. 324 – 491.

87. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 181 – 276.

88. Фрейд З. О психоанализе // Фрейд З. Психология бессознательного. СПб., 2002. С 308-339.

89. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 240 – 377.

90. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 378 – 390.

91. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 265 – 281.

92. Фрейд З. Воспоминание, воспроизведение, переработка // Психоаналитические этюды. Минск, 1997. С. 100 – 108.

93. Фрейд З. Основные принципы психоанализа. М.; Киев, 1998.

94. Фрейд З. Некоторые замечания относительно понятий бессознательного в психоанализе // Психоанализ и русская мысль. М., 1994. С. 29 – 34.

95. Фрейд З. Мы и смерть // Мы и смерть. По ту сторону принципа удовольствия. Танатология — наука о смерти. СПб., 1994. С. 13 – 25.

96. Фрейд З. Гибель Эдипова комплекса // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 1997. С. 543 – 549.

97. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993.

98. Хорни К. Тревожность. Собр. соч. в 3 томах. Т2. М.: Смысл, 1997. С. 174 – 180.

99. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. С. 6 – 234.

100. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.

101. Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного // Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 211 – 224.

102. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

103. Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2007.

Сергей Алексеевич Зелинский
Июль 2007 г.

С. А. Зелинский

Анализ массовых манипуляций в России

Редактор

Оригинал-макет, дизайн обложки

Корректоры

И. Знаешев

П. Домбровский

Т. Брылёва

А. Лобанова

Издательско-Торговый Дом «Скифия»

e-mail: skifiabook@mail.ru

www.piterbooks.ru

Подписано в печать 18.04.2008. Гарнитура Baltica.

Формат 60*90 1/16. Объем 17,5 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 500 экз.